T 24/93

24..
93.

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

И

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ РОССІИ

ПРИ

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Александра Архангельскаго.

КАЗАНЬ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.
1883.

24.
93.

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

И

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ РОССІИ

ПРИ

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Александра Архангельскаго.

КАЗАНЬ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.
1883.

Печатать разрѣшается опредѣленіемъ Совѣта Казанской духовной академіи отъ 11-го мая 1883 года.

Ректоръ академіи протоіерей *А. Владимірскій.*

2007043151

I.

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ РОССІИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

1) **Умственное и нравственное состояніе духовенства въ петровскую эпоху.** Вопросъ объ образованіи духовенства занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи Россіи до Петра Великаго. Это потому, что на духовномъ сословіи исключительно лежала обязанность просвѣщать русскій народъ: умственное развитіе послѣдняго шло только въ религіозномъ направленіи и непосредственно зависѣло отъ служителей церкви. Благодаря различнымъ историческимъ обстоятельствамъ, практическое рѣшеніе этого важнаго вопроса было далеко неудовлетворительно, несмотря на неоднократныя попытки передовыхъ людей до-петровскаго времени привести его къ болѣе или менѣе благопріятному концу. Препятствій къ просвѣщенію было множество, а средства бороться съ ними были ничтожны. Цѣлыя столѣтія тянулась на Руси (скажемъ словами Щапова) замѣчательная по своей нерѣшительности борьба двухъ партій—приверженцевъ образованія и защитниковъ невѣжественной старины, борьба свѣта съ тьмою, разума съ предразсудками, о счастливомъ или не счастливомъ окончаніи которой нельзя было ничего предсказать. Съ одной стороны, немногочисленные поборники просвѣщенія „были тщаливы къ наукѣ, желали навыкати писаній“ и, если это имъ не вполнѣ удавалось, съ благороднымъ смиреніемъ сознавались въ недостаточности своихъ свѣденій, глубоко сожалѣя о томъ, что „училища николиже видѣли“; съ другой — ихъ про-

тивники, люди до фанатизма и безъ разбора консервативные, неподвижные, „мнили ся быти учители“ (по-выраженію кн. Курбскаго) и убѣждали любопытныхъ юношей „не читать книгъ многихъ“, чтобы „ума не изступить“. Благомыслящіе люди искали мудрости у свв. оо. греко-восточной церкви, пытались ознакомить читающее общество, кромѣ часослова и псалтири съ отеческими твореніями на греческомъ и латинскомъ языкахъ; стали пріобрѣтать даже не одни церковныя книги, но и книги полезныя для свѣтскаго образованія; но старовѣры ужасались такого либерализма; „хапающимся за чужія языки угрожали проклятіемъ вселенскаго собора“, ревностно охраняя, въ тоже время, свое сокровище, — древнія книги съ застарѣвшими грубыми ошибками, побуждая тѣмъ самымъ правительство цѣлыми кучами сожигать это сокровище, въ устраненіе соблазна. Книги, наконецъ, стали рѣдкостью, а въ духовенствѣ и народѣ замерла потребность просвѣщенія; они сошлись, поровнялись вкусами и въ значительной мѣрѣ потеряли чувствительность къ различенію нравственнаго и безнравственнаго. Богословствованіе сводилось къ вопросамъ: на какомъ деревѣ удавился Іуда? коего мѣсяца сотворилъ Богъ Адама? и т. п., да и въ этомъ видѣ служило развлеченіемъ для немногихъ; нравственность же и религіозность часто понимались какъ обрядовая только исполнительность. Расколъ буйно возставалъ на патріарховъ и на соборы. Масса невѣжественнаго люда, оставляя законныхъ пастырей, съ энтузіазмомъ слушала таинственныя рѣчи лжеучителей о пришествіи антихриста, о близкой кончинѣ міра; пророками сдѣлались колдуны, вѣдуны, волхвы, чародѣи, лихія бабы и т. п., невозбранно обогощавшіеся насчетъ народа. Церковь Божія, къ которой такъ радѣлъ когда-то русскій человѣкъ, обзывалась мерзостію запустѣнія, и дѣйствительно тысячами теряла своихъ чадъ; на святой Руси пошла поговорка: „что ни мужикъ, то— вѣра, что ни баба-толкъ“. А пастырей добрыхъ мало было, и ихъ негдѣ было взять. Во священники по-

ступали безграмотные мужики, нерѣдко изъ холопей, которые такъ и оставались холопами до гробовой доски: ряса не покрывала ихъ умственнаго убожества и не сообщала имъ должнаго авторитета. Бѣдность, давившая духовенство, держала его въ прямой зависимости отъ міроѣдовъ, отнимала у него послѣднюю возможность подняться нравственно. О состояніи приходовъ не представлялось никакой отчетности. Высшая церковная іерархія мало знала опредѣленнаго о томъ, что творилось по епархіямъ. Безначаліе простиралось и на многіе монастыри; тамъ также мало по малу падала строгость нравовъ, и туда проникала распущенность; прежніе разсадники просвѣщенія, они теперь дѣлались пріютомъ лѣни и невѣжества.—Темныхъ сторонъ въ русской жизни до Петра Великаго такъ много, что они почти совсѣмъ затѣняютъ свѣтлыя, а потому картина этой жизни выходитъ всегда мрачною.

Ко времени Петра Великаго, во второй половинѣ 17 ст., стали появляться въ Москвѣ кіевскіе ученые. Типъ ихъ хорошо извѣстенъ. На первыхъ порахъ они были приняты въ столицѣ неблагосклонно, чему причиною отчасти служили они сами, а отчасти—неразборчивая подозрительность ихъ противниковъ, видѣвшихъ въ южно-русскомъ духовномъ образованіи явные слѣды католицизма. Дѣятельность кіевцевъ на сѣверѣ, поэтому, не принимала широкихъ размѣровъ и до начала 18 ст. не принесла здѣсь существенно важныхъ плодовъ, вслѣдствіе чего у историковъ петровской эпохи встрѣчаются тѣже жалобы на невѣжество духовенства и деморализацію народа, какія слышались и раньше.

Характернымъ памятникомъ этихъ жалобъ служитъ, между прочимъ, „книга о скудости и богатствѣ“ крестьянина Ивана Посошкова. Отъ природы умный и любознательный, Посошковъ усердно заботился о своемъ самообразованіи; горячо любя Россію, онъ прилежно читалъ все, что могло познакомить его съ ея прошедшимъ, съ ея исторіей и съ ея настоящимъ,

современнымъ ему положеніемъ. Матеріальныя средства къ пріобрѣтенію книгъ и записокъ у него были. Посошковъ глубоко скорбѣлъ объ упадкѣ православія, религіозности въ русскомъ народѣ и объяснялъ этотъ печальный фактъ вѣковымъ невѣжествомъ духовенства; отъ образованія же духовнаго сословія онъ ожидалъ всего лучшаго въ данномъ случаѣ для своихъ соотечественниковъ. „Аще будутъ, писалъ онъ, въ духовномъ чину люди неученые, въ писаніи неискусные и вѣры христіанской всесовершеннаго основанія невѣдущія и воли Божіей неразумѣющіе, ктому же аще будутъ ньяницы и инаго всякаго безумія и безчинства наполнены, то благочестивая наша вѣра вся исказится и весьма испразднится, и вмѣсто древняго единогласнаго благочестія вси разыдутся въ разногласные расколы и во иныя еретическія вѣры". Доказательство этой мысли у него было подъ руками. „Отъ пресвитерскаго небреженія, говоритъ онъ, уже много нашего россійскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось,.... въ древнемъ же благочестіи уже малая часть остается, ибо въ великомъ Новгородѣ едва и сотая часть обрящется древняго благочестія держащихся". Невѣжество духовенства положительно удивляло Посошкова. Между столичными священниками встрѣчалъ онъ такихъ, которые не умѣли ничего сказать „противъ заданія татарки",—„что же можетъ рещи (спрашиваетъ онъ) сельскій попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ"? — Безъ знанія сущности вѣры и ея основъ, конечно, немыслима была проповѣдь. И она давно замолкла на Руси; это и не удивляло Посошкова, какъ дѣло обыкновенное, Больше онъ смущался тѣмъ, что богослуженіе отправлялось „наугадъ, какъ кому примыслится", за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда его совершалъ „той пресвитеръ, кой довольное время былъ въ городѣ при соборѣ, или при разумномъ пресвитерѣ въ подначальствѣ. А буде кой подъ началомъ не много побылъ, продолжаетъ Посошковъ

то ничего и по книгамъ отправити не могъ“ (1). Жалуясь на безнравственность духовенства, Посошковъ преобладающими и особенно предосудительными пороками его называетъ пьянство и корыстолюбіе (2), развившіяся вслѣдствіе матеріальной и духовной бѣдности клириковъ, не имѣвшихъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ вымогательства за требы, вознагражденій за укрывательство раскольниковъ, за поблажку прихожанамъ, или наконецъ, кромѣ прибытковъ съ земледѣльческаго промысла, которымъ доводилось заниматься лично и священникамъ, — не имѣвшихъ болѣе высокихъ наслажденій, какъ залить горе виномъ, или отпраздновать радость въ пьяной компаніи. Не стѣсняясь саномъ и своимъ высокимъ положеніемъ въ средѣ мірянъ, клирики производили соблазнъ безобразнымъ поведеніемъ на улицахъ и дома (3). Такимъ образомъ, получалось не воспитательное, а напротивъ, деморализующее вліяніе со стороны пастырей на паству.—Въ своей краткой характеристикѣ духовенства Посошковъ еще многаго не договариваетъ. Какъ поклонникъ духовнаго чина, онъ, можетъ быть, и нарочно умалчиваетъ о его нѣкоторыхъ порокахъ, и скорѣе переходитъ къ изысканію мѣръ исправленія клира. Средства къ тому, чтобы священный чинъ освободился „отъ своихъ неключимствъ, чтобы въ Россіи возсіялъ яко новый свѣтъ и люди прямо стали разумѣть, какъ Бога знать и какъ Его молить и какъ угодниковъ Божіихъ почитать и въ помощь себѣ призывать и какъ все житіе свое христіанское вести“—у Посошкова предлагаются тѣ же, какія предлагались и раньше его, т. е. школы для дѣтей духовенства. „Ради священнической неисправности (читаемъ главѣ о духовности“) надлежитъ о священницѣхъ великое попеченіе имѣти“, т. е. „во всѣхъ епар-

(1) Книга о скудости и богатствѣ, гл. 1, стр. 9, 10, 14, 21, 22.

(2) Стр. 21, 10.

(3) Стр. 21.

хіяхъ построить школы пространныя и въ тѣ школы собрать всѣхъ поповыхъ и дьяконовыхъ и дьячковыхъ и пономарскихъ дѣтей, отъ градскихъ и отъ уѣздныхъ, отъ десятилѣтнихъ даже до двадцати-пяти-лѣтнихъ; и буде которые отцы добромъ ихъ въ школы отпустить не похотятъ, то брать бы ихъ и неволею". Не бывшихъ въ школѣ не допускать до пресвитерства и діаконства. При такомъ условіи, причетники, желающіе повышенія по службѣ, не задумаются и тридцати лѣтъ поступать въ ученье; какъ люди взрослые, они пройдутъ курсъ образованія въ два-три года. „И таковымъ способомъ (мечталъ Посошковъ) вся Россія можетъ умудриться не весьма многими лѣты; сіе преславное дѣло трудно только начати да основати, а тамо будетъ оно и само правитися: понеже ученіе умнымъ и острымъ людемъ весьма охотно и полезно бываетъ (1).

Насколько Посошковъ былъ правъ въ своихъ надеждахъ на скорое просвѣщеніе Россіи, это выяснится ниже. Здѣсь же замѣтимъ, что не одинъ Посошковъ задумывался надъ вопросомъ объ образованіи духовенства. Всѣ лучшіе люди разсматриваемой эпохи, близко стоявшіе къ интересамъ духовенства, потрудились въ пользу его образованія или словомъ или дѣломъ. Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, св. Димитрій Ростовскій, Іовъ Новгородскій, Іоаннъ Максимовичъ, Гавріилъ Бужинскій, Епифаній Бѣлоградскій и др., подъ покровительствомъ государя, неутомимо преслѣдовали разъ поставленную цѣль—хоть сколько нибудь поднять уровень религіозно-нравственнаго развитія клира. Сообразно съ своими собственными научными симпатіями и взглядами на нужды Россіи въ данномъ случаѣ, они дѣйствовали не одинаково относительно характера, программы обученія, не одинаковыя трудности преодолѣвали на пути къ своей цѣли, не одинаковыми средствами пользова-

(1) О Духовности, стр. 11 и 12.

лись для ея достиженія, но ихъ объединяла общая цѣль и общая ревность въ трудѣ. Честь основанія и поддержки школъ принадлежитъ имъ вполнѣ. Правительство только содѣйствовало имъ своимъ авторитетомъ, санкцировало ихъ трудъ указами, хотя послѣдніе нерѣдко впрочемъ шли въ разрѣзъ съ интересами духовно-училищнаго дѣла и тормозили его.

2) **Духовныя школы въ петровскую эпоху.** Главныхъ дѣятелей, заботившихся объ устройствѣ школъ при Петрѣ, можно раздѣлить на три разряда. Одинъ составляли лица, получившія образованіе на сѣверѣ Россіи, самоучкой, путемъ простой начитанности, образованіе не систематическое и чуждое иностраннаго элемента; сущность его состояла въ знакомствѣ съ св. писаніемъ, святоотеческими произведеніями и съ русской духовной литературой. Другой разрядъ состоялъ изъ лицъ, образованныхъ въ южно-русскихъ школахъ (преимущественно въ кіевской коллегіи) и вынесшихъ оттуда любовь къ схоластической наукѣ. Къ третьему разряду слѣдуетъ отнести людей, знакомыхъ съ схоластической наукой, но не питавшихъ къ ней особенныхъ симпатій, даже предпринимавшихъ борьбу противъ ея крайностей. Представители всѣхъ этихъ разрядовъ волей-неволей, оставили слѣды своего воспитанія на тѣхъ школахъ, которыя были ими основаны или находились подъ ихъ надзоромъ, хотя духовное правительство старалось установить общую норму въ образованіи будущихъ служителей церкви, составило программу предметовъ обученія и предписало повозможности держаться ея.

Самый простой проэктъ устройства духовной школы и самую простую программу обученія въ ней находимъ у Посошкова, человѣка мало знакомаго съ училищными порядками, но хорошо понимавшаго насущныя потребности русскаго народа и духовенства въ частности. Не надѣясь исключительно на себя самого, онъ подавалъ свои „писанія“ и „доношенія“ относительно духовныхъ школъ митрополиту Стефану Явор-

скому, какъ болѣе компетентному судьѣ въ данномъ случаѣ. На первомъ планѣ у Посошкова стоитъ грамматика. Ее онъ совѣтуетъ исправить и сдѣлать общедоступною, такъ чтобы она изучалась любителями грамоты безъ помощи учителя. (1) Потомъ, по его проэкту, при школѣ долженъ быть „духовный учитель", подъ руководствомъ котораго можно было бы „учиться и вразумляться всякому благочестію и страху Божію и священная писанія толковати и всякому доброму нраву навыкати и въ доспытаціяхъ подтверждатися". Т. е. обязанностію духовнаго учителя, говоря подробнѣе со словъ Посошкова, было: чрезъ толкованіе св. Писанія преподать основныя христіанскія истины, религіозныя и нравственныя — научить будущихъ пастырей „церковному обхожденію", при чемъ особенное вниманіе обращать на литургію; упражненіями въ диспутахъ развить въ ученикахъ полемическую способность, необходимую въ священникѣ, когда его паства смущается расколомъ и другими „еретическими лжеученіями"; слѣдить за благоповеденіемъ воспитанниковъ, узнавать ихъ нравственныя наклонности и умственныя способности: лучшихъ отмѣчать, какъ особенно годныхъ для церковнаго служенія, и попреимуществу готовить ихъ къ принятію сана. Обязанности свѣтскаго учителя у Посошкова не выяснены. Реторику и философію Посошковъ допускаетъ въ школѣ какъ роскошь и назначаетъ ихъ только для самыхъ даровитыхъ учениковъ. При школѣ должна быть биб-

(1) Грамматикѣ Посошковъ давалъ особенное значеніе. Онъ разсуждалъ: невѣжество народа зависитъ отъ невѣжества духовенства; послѣднее невѣжественно, потому что безграмотно; его нужно научить читать книги (въ механическомъ смыслѣ читать); слѣд., нужна «добрая» грамматика. Полагаясь на грамматику и руководясь личнымъ опытомъ, онъ, какъ самоучка, на первыхъ порахъ какъ будто не признавалъ нужды въ школахъ и больше полагался на самообученіе. «Если намъ токмо въ школахъ учиться всякаго благоразумія (писалъ онъ), то чаю ни во сто лѣтъ намъ не научиться будетъ». Доношеніе м. Стефану Яворскому, Изд. М. Погодина, ч. 1, стр. 312. Хр. Чт. 1878 г. Прилежаева, «О неизданныхъ сочиненіяхъ Посошкова».

ліотека — изъ книгъ, главнымъ образомъ, духовнаго содержанія (1). Подготовивъ ученика теоретически къ его будущему служенію и сообщивъ ему добрые навыки, Посошковъ напутствуетъ его изъ школы практическими совѣтами, пригодными для него въ ежедневномъ обращеніи съ паствою. Чтобы оградить дѣятельность священника въ приходѣ отъ незаслуженныхъ нареканій и сообщить ей нормальную законность, онъ пишетъ проэктъ о церковныхъ документахъ, о книгахъ родильныхъ, крестильныхъ, исповѣдальныхъ, причащальныхъ, вѣнчальныхъ и описныхъ (2). Наконецъ, Посошковъ пытается рѣшить и вопросъ о матеріальномъ бытѣ духовенства.

Какъ видимъ, проэктъ Посошкова не отличается ни обширностію, ни новизною взгляда, ни особенною отчетливостію. Онъ выросъ на почвѣ тогдашняго великорусскаго образованія, не подвинувшагося дальше священныхъ и церковныхъ книгъ и державшагося исключительно на переводной и подражательной русской духовной литературѣ, хотя, нужно сознаться, этотъ проэктъ хорошо примѣнялся къ современнымъ насущнымъ нуждамъ духовенства. Отсутствіе новизны и оригинальности взгляда въ немъ и послужило, кажется, причиною непопулярности его въ петровскую эпоху, эпоху всевозможныхъ новшествъ и крутыхъ реформъ. Правда, у Посошкова встрѣчаются мечты объ устройствѣ „академіи великой“, т. е. высшей духовной школы, но составъ этой академіи у него совсѣмъ не обрисованъ и сказать о ней что нибудъ опредѣленное нельзя. Школа, рекомендуемая имъ для каждой епар-

(1) Для составленія библіотекъ рекомендуется напечатать довольное число Библій, маргаритовъ, сборниковъ учительныхъ, толковыхъ евангелій и апостольскихъ бесѣдъ, четьихъ-миней и другихъ церковныхъ книгъ, Камень вѣры, Розыскъ и Зерцало очевидное (написанное самимъ Посошковымъ), Пращицу и если можно, сочиненія противъ древнихъ ересей и противъ католичества и протестантства.

(2) Хр. Чт. 1878 г. Прилежаева, стр. 62 и дал.

хіи, тоже не отчетливо представлена въ его проэктѣ,— нѣтъ самыхъ необходимыхъ подробностей: предметы обученія у Посошкова не перечислены, нѣтъ у него и указанія, въ какихъ размѣрахъ должна была проходиться та или другая наука, нѣтъ, наконецъ, правилъ инструкціи, которая опредѣляла бы дѣйствія учениковъ и наставниковъ. Все дѣло въ Посошковской школѣ сводится къ вразумительному чтенію книгъ духовнаго содержанія подъ руководствомъ учителя и къ диспутаціямъ, въ которыхъ учитель, по Посошкову, имѣетъ легкое средство распознавать способности и наклонности учениковъ, годныхъ или негодныхъ въ духовное заведеніе. Въ дополненіе къ чтенію грамматическому и духовному, находимъ у Посошкова совѣтъ давать питомцамъ книги „бытейскія". Что онъ разумѣлъ подъ этими книгами, сказать трудно; ясно только, что онъ отводилъ имъ второстепенное мѣсто. „Не худо бы давать имъ (ученикамъ) и лѣтописныхъ книгъ почитать, чтобы обо всемъ знали, что доселѣ бывало", говоритъ въ заключеніе Посошковъ, и опять говоритъ общо, безъ подробностей, какъ человѣкъ мало знакомый съ дѣломъ, за которое взялся, а только умный и благожелательный.

Воспитанники южно-русскихъ училищъ, вызванные Петромъ В. въ Москву, принесли съ собой свой идеалъ образованія и старались осуществить его въ подвѣдомственныхъ имъ школахъ. Этотъ идеалъ былъ принятъ за норму и правительствомъ, хотя не безъ нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій, внесенныхъ въ него составителями духовнаго Регламента.—Кіевская коллегія, послѣ ея преобразованія Петромъ Могилою, стала копіею съ коллегій западныхъ, т. е. ввела у себя схоластическій методъ преподаванія, допустила господство латинскаго языка, по классамъ раздѣлилась на фару, инфиму, грамматику, синтаксисъ, поэзію, реторику, философію и богословіе, поведеніе учениковъ опредѣлила точными правилами. Цѣль образованія заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы вос-

питать въ школьникахъ хорошихъ диспутантовъ и полемистовъ на защиту православія противъ католицизма. Сообразно съ этою цѣлію, преподавались здѣсь: реторика, философія и богословіе, за образецъ которыхъ взяты были системы западныхъ ученыхъ съ опущеніемъ отдѣловъ, догматически противорѣчившихъ духу православія. До 18 в. кіевская коллегія была единственнымъ образцовымъ училищемъ въ Россіи; питомцы ея были образованнѣйшими людьми въ русскомъ духовенствѣ. Не удивительно, поэтому, что Петръ приказалъ (въ 1701) митрополиту Стефану Яворскому и въ Москвѣ учредить академію съ „латинскими ученіями". Изъ Кіева, по распоряженію государя, приглашены были учителя и подготовленные ученики; съ ними перешли въ Москву и кіевская учебная программа и школьная администрація. Короче сказать, на сѣверѣ Россіи явилось училище южно-русскаго типа, училище образцовое для другихъ духовно-учебныхъ заведеній, которыя тогда одно за другимъ начали появляться по епархіямъ.

„Ученія латинская" нашли себѣ кредитъ на практикѣ во вновь устроявшихся школахъ какъ потому, что утверждены были правительствомъ, такъ и потому, что имъ симпатизировали многіе епархіальные архіереи (южно-руссы по происхожденію), подъ непосредственнымъ надзоромъ которыхъ состояло училищное дѣло, хотя многимъ школамъ, или за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, или за неимѣніемъ хорошихъ учителей, программа кіевской коллегіи была далеко не по силамъ. Напримѣръ, въ Ростовѣ, св. Димитрій, основавъ школу (въ 1702 г.) ввелъ въ ней изученье латинскаго языка, не смотря на то, что по стѣсненнымъ обстоятельствамъ, не могъ расчитывать на процвѣтаніе своего заведенія (оно скоро и закрылось) и съ большею пользою для дѣтей могъ бы употребить лишніе часы на основательнѣйшее ученіе предметовъ, спеціально отвѣчавшихъ ихъ будущей профессіи. Благодаря учителямъ—малороссамъ, прибывшимъ въ Ростовъ вмѣстѣ съ митрополитомъ, мальчики здѣшней школы

принуждены были изучать еще польскій и греческій языки. Латинскій языкъ былъ введенъ и въ Черниговской епархіальной школѣ (основ. въ 1700 г.), которая тоже не могла похвалиться особливыми успѣхами педагогическаго дѣла и поступила бы лучше, если бы главное вниманіе обратила на русскій языкъ и др. болѣе необходимые и доступные дѣтямъ духовенства предметы. Покровителемъ этой школы былъ Іоаннъ Максимовичъ. Въ Смоленскѣ—тоже самое: м. Дороѳей Короткевичъ и учитель Іоасафъ Маевскій сформировали въ 1714—15 гг. училище „по реторику“ по образцу кіевской коллегіи, которое чрезъ три года, со смертію Дороѳея, осталось съ 19-ю учениками, проходившими уже только чтеніе, письмо и пѣніе (¹). Лучше шло преподаваніе въ бѣлоградской школѣ, основанной еп. Епифаніемъ. Тамъ нашли возможнымъ открыть семь классовъ (по философію); численность учениковъ доходила до сорока человѣкъ; въ каждомъ классѣ занимался особый учитель. Но отсутствіе хорошей библіотеки и достаточныхъ матеріальныхъ средствъ и здѣсь сильно вредило дѣлу, такъ удачно начатому. Въ рязанской школѣ, съ тѣхъ поръ какъ она поступила подъ покровительство Гавріила Бужинскаго, изучали: букварь, славянскую грамматику, часословъ и псалтирь. Кажется—къ чему тутъ латинскій языкъ? А онъ былъ введенъ. Въ Казанской школѣ при м. Тихонѣ пятеро учениковъ изучали: „букварей на пзустъ и толкованій грамматическихъ четырехъ статей, орфографіи, этимологіи, просодіи орфографійной и синтаксіи осми частей слова, уравненій, окончапій родовъ, склоненій, спряженій; такожде діалекта латинскаго, вокабулъ, сентенцій, деклинацій и регулъ со экспликаціями и писанія того же діалекта, о седми тайнахъ церковныхъ, гратуляцій и привѣтствій различныхъ, комедійныхъ акцій.... такожъ интермедій; ариѳметическихъ

(¹) Прав. Соб. 1878 г. ноябрь, стр. 41—2.

частей, нумераціи, аддиціи, субстракціи, мультипликаціи и прочаго обхожденія политическаго, къ семинаріи принадлежащаго". Если всѣ эти, по существу не мудреныя вещи, преподавались на такомъ же варварскомъ „діалектѣ" то школьникамъ, конечно, не легко было усвоять ихъ, а преподавателемъ былъ „учитель польской породы Василій Свентицкій". (1) Школа улучшилась при преосвящ. Сильвестрѣ. Онъ выстроихъ удобный домъ для помѣщенія училища и пріискалъ средства для его содержанія.—Вообще нужно замѣтить, что епархіальныя училища разсматриваемой эпохи постановкой учебнаго дѣла не въ силахъ были осуществить педагогическихъ плановъ, указанныхъ законодателями, копировавшими школьную программу съ академической. De facto эта программа выполнялась только въ академіяхъ кіевской и московской, находившихся въ исключительныхъ, сравнительно благопріятныхъ условіяхъ—матеріальныхъ и административныхъ. На ряду съ академіями по успѣху учебнаго дѣла стояла одна только школа Новгородская. Она при своемъ основаніи имѣла счастье пользоваться услугами просвѣщенныхъ братьевъ Лихудовъ и покровительствомъ безкорыстнаго ревнителя духовнаго образованія м. Іова. На сколько солидно велось здѣсь обученіе, видно изъ того, что она служила въ свое время какъ бы учительскимъ институтомъ для другихъ училищъ; ея ученики основали до 16-ти низшихъ школъ въ предѣлахъ новгородской епархіи; самъ государь смотрѣлъ на нее, какъ на образцовую школу, посылалъ туда дворянскихъ недорослей для обученія и иностранныя книги для перевода,—порученія какія выпадали только на долю академій. (2)

---

(1) Отчетъ Св. Синода, поданный въ Верхов. Тайный совѣтъ въ 1727 году. Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ стр. 109—21.

(2) О новгородскихъ школахъ см. ст. Прилежаева, Хр. Чт. 1877 года, мартъ—апрѣль, стр. 331—70.

Излишнее увлеченіе латынью при Петрѣ В. съ одной стороны служило причиною малолюдства школъ, о чемъ будетъ сказано ниже, съ другой—мѣшало учителямъ и ученикамъ сосредоточить свое вниманіе на предметахъ спеціально-духовнаго образованія, близкое знакомство съ которыми, какъ мы видѣли у Посошкова, было скорѣе всего нужно для людей, готовившихся на церковныя должности.

Представителемъ и выразителемъ симпатій въ духовно-училищномъ дѣлѣ со стороны лицъ, получившихъ схоластическое образованіе, но не сочувствовавшихъ его крайностямъ выступаетъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, составитель „духовнаго Регламента“, въ которомъ изложены правила касательно устройства школъ. Своимъ содержаніемъ „духовный Регламентъ“ въ статьѣ о школахъ обнимаетъ дидактическую и педагогическую сторону училищнаго вопроса и значительно опережаетъ какъ проэктъ Посошкова, такъ и программу кіевской коллегіи. Прежде всего въ трактатѣ Регламента „о домахъ училищныхъ“ останавливаетъ на себѣ вниманіе обычное въ сочиненіяхъ Ѳ. Прокоповича предисловіе, гдѣ разоблачается несостоятельность все еще крѣпкихъ въ петровскую эпоху предразсудковъ противъ образованія. Заносчиваго, самолюбиваго невѣжества, убѣдительно доказывающаго, что ночью свѣтлѣе, чѣмъ днемъ, Ѳеофанъ положительно не могъ сносить. И въ проповѣдяхъ, и въ крупныхъ сочиненіяхъ, и въ учебникахъ, въ родѣ „Перваго ученія“ отрокомъ, и законодательнымъ путемъ онъ жестоко возставалъ противъ него и безпощадно осмѣивалъ съ свойственнымъ ему рѣзкимъ остроуміемъ. Умственная неповоротливость раскольниковъ и схоластическая пустота, прикрытая фразой, были одинаково ненавистны Прокоповичу, одинаково возбудительно дѣйствовали на его сатиру. Искренняя вѣра въ прогрессъ Россіи руководила имъ всегда въ его общественной дѣятельности. Какъ человѣкъ умный, онъ ясно видѣлъ въ современной жизни тѣ же недостатки, что́ и Посошковъ; какъ человѣкъ образо-

ванный, знакомый съ западными коллегіями, основательно цѣнившій плоды просвѣщенія, которые онъ видѣлъ на каждомъ шагу въ заграничныхъ земляхъ, онъ еще меньше Посошкова могъ помириться съ грустнымъ положеніемъ своего отечества; какъ лицо высоко-поставленное, любимецъ государя, онъ располагалъ и большими средствами къ осуществленію своихъ желаній. Отъ благотворной силы науки онъ ждалъ всего лучшаго для государства, а отрицающимъ эту силу смѣло указывалъ на очевидные факты, какъ дѣлалъ и Посошковъ. „Когда нѣтъ свѣта ученія, пишетъ Θеофанъ въ предисловіи, нельзя быть доброму церкве поведенію и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересемъ“, и доказываетъ свою мысль историческими примѣрами изъ церковной и гражданской жизни. „Впрочемъ, продолжаетъ онъ, сіе накрѣпко наблюдати подобаетъ, чтобы было ученіе доброе и основательное, ибо есть ученіе, которое имени того недостойно. Обычно вопрошаютъ мнози: въ которыхъ школахъ былъ онъ спица, и когда услышатъ, что былъ онъ въ риторикѣ, въ философіи и въ богословіи, за единыя тыя имена ставятъ высоко человѣка, въ чемъ часто погрѣшаютъ“. Нерѣдко изъ школы выходятъ люди поверхностно образованные, познакомившіеся только съ громкими названіями наукъ, „вкусившіе привиденнаго и мечтательнаго ученія“; они бываютъ глупѣе и вреднѣе неученыхъ, „ибо весьма темни суще, мнятъ себя быти совершенныхъ, и помышляя, что все, что либо знать можно, познали, не хотятъ, по ниже думаютъ честь книги и больше учиться. Когда, вопреки, прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ, никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, не престанетъ никогда же учиться, хотя бы онъ и маоусаиловъ вѣкъ прожилъ (1)“. Люди „съ привиденнымъ знаніемъ вредны для церкви

(1) Регламентъ духовный, л. 11 и дал. «о домахъ училищныхъ».

и государства: они — виновники разныхъ лжеученій, враги законной власти и гордецы, всегда считающіе себя достойными занять высокія должности, постоянно ошибаясь въ своихъ мнѣніяхъ, никогда не сознаютъ собственныхъ ошибокъ изъ за пустаго самолюбія. Не такихъ людей должна воспитывать раціональная школа, въ каковой имѣетъ настоятельную нужду Россія. Далѣе Прокоповичъ предлагаетъ „чинъ ученія“ въ проэктируемой школѣ. Курсъ ея—осмилѣтній. Въ продолженіи перваго года ученики, по Регламенту, проходятъ грамматику вмѣстѣ съ географіей и исторіей; во второй годъ преподается ариѳметика съ геометріей; въ третій—логика или діалектика; въ четвертый—реторика „купно или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ“; въ пятый—физика съ краткой метафизикой; въ шестой—политика (по руководству Пуффендорфа взамѣнъ иной); въ седмой и восьмой—богословіе. Какъ видимъ, разница между этой программой и той, какая была въ кіевской, а за тѣмъ и въ московской академіяхъ,—не малая; новая программа направлена противъ схоластичности прежняго образованія. Ариѳметика, геометрія, географія, исторія—науки положительныя, по характеру своему менѣе всего способныя развить въ ученикахъ стремленіе къ логомахіи, къ отвлеченнымъ ненужностямъ, къ удивительнымъ по составу софизмамъ, чѣмъ щеголяли воспитанники коллегій. Свойства этой программы вполнѣ отвѣчали потребностямъ времени, для котораго она была составлена.—Хорошо понимая назначеніе школы въ Россіи при Петрѣ Великомъ и послѣ него, Прокоповичъ узаконяетъ изученіе предметовъ, сообщающихъ нашему знанію необходимую устойчивость и и обстоятельность. Желаніе понизить репутацію схоластки постоянно сквозитъ въ предисловіи къ трактату „о домахъ училищныхъ“ и прямо выражается въ тѣхъ сочиненіяхъ Ѳеофана, въ которыхъ онъ подробно критикуетъ недостатки схоластическаго образованія, напримѣръ, въ лекціяхъ по реторикѣ, читанныхъ въ кіевской коллегіи, и въ догматическомъ богословіи. Односто-

ронность въ южно-русскомъ училищномъ образованіи въ свое время отозвалась очень вредно на народѣ: имѣя по своему образованныхъ пастырей, способныхъ полемизировать за православіе съ иностранными богословами, этотъ народъ не находилъ въ нихъ себѣ руководителей, умѣющихъ войти въ его интересы, говорить о нихъ съ сердечной простотой и безыскусственнымъ языкомъ. Правда, программа кіевская была составлена очень стройно: въ ней общеобразовательные предметы были хорошо подобраны къ богословскимъ; ихъ изученіе служило необходимой подготовкой къ пониманію обширной теологіи: но преобладаніе узаконенной формы надъ содержаніемъ въ лекціяхъ преподавателей, во всѣхъ письменныхъ упражненіяхъ и устныхъ диспутахъ студентовъ пріучало послѣднихъ искать въ предметахъ знанія, вмѣсто признаковъ, рубрики, вмѣсто цѣлаго и частей, общія, главныя и подчиненныя понятія. Отвлеченность оказалась главною чертою южнорусскаго образованія. Прокоповичъ хорошо понялъ его слабость и въ своей программѣ резонно противодѣйствуетъ ей. Несомнѣнно, что воспитанники кіевской коллегіи не зарекомендовали бы себя любителями басней и легендъ, заимствованныхъ будто бы изъ исторіи, географіи и даже изъ области естествознанія, если бы ознакомились съ этими науками еще въ школѣ, если бы не сторонились какъ будто нарочно отъ такихъ сочиненій, гдѣ можно почерпнуть здравыя свѣдѣнія по этимъ предметамъ. Очень понятно, что Прокоповичъ прежнюю академическую программу дополнилъ указанными науками. Онъ ясно видѣлъ ихъ необходимость для духовнаго образованія и испыталъ благотворность ихъ вліянія на самомъ себѣ. Въ его собственныхъ произведеніяхъ насъ удивляетъ сколько богословская эрудиція, столько же и близкое знакомство съ разными науками. Самъ Петръ В. потому и давалъ Прокоповичу множество разнохарактерныхъ порученій, что видѣлъ въ немъ всесторонне-образованнаго человѣка. Неудивительно, по этому, что Ѳеофанъ, зачис-

ливъ въ составъ предметовъ академическаго образованія вышепоименованные предметы, отводитъ еще мѣсто въ ихъ ряду физикѣ съ краткой метафизикой.

Стремясь воспитать въ своихъ ученикахъ прежде всего пастырей церкви, Прокоповичъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается въ указанной статьѣ „Регламента“ на преподаваніи имъ богословія. Назначивъ для богословскаго курса два года (вдвое и втрое больше времени, чѣмъ для другихъ предметовъ) и давши учителю подробныя наставленія, какъ лучше поставить дѣло (1), онъ самъ составилъ обширную богословскую систему, которая произвела переворотъ въ исторіи русскаго богословія и господствовала, вызывая подражанія, больше полустолѣтія. Система эта главною цѣлью имѣла разрушеніе авторитета римско-католическихъ богослововъ, считавшихся образцовыми въ кіевской коллегіи и изъ нея перешедшихъ въ московскую академію.—Въ помощь учителю географіи Прокоповичъ рекомендуетъ имѣть въ академіи глобусы и карты; съ ними ученики должны ознакомиться настолько, чтобы „могли перстомъ показать, когда кто спроситъ ихъ, гдѣ Азія, гдѣ Африка, гдѣ Европа, и къ которымъ странамъ подъ нами лежитъ Америка; такожъ и особь о государствахъ, гдѣ Египетъ, гдѣ Хина, гдѣ Португалія и прочая“. Подобныя желанія можно было исполнять, разумѣется, только при соотвѣтствующей библіо-

(1) Первымъ условіемъ хорошаго преподаванія богословія у него полагается близкое знакомство учителя съ прямымъ смысломъ св. писанія и святоотеческими твореніями, въ которыхъ содержится «прилежное писаніе о догматѣхъ, за нужду расиръ, въ церкви случившихся, съ подвигомъ на противныя ереси»; зѣло полезными также находитъ Оеофанъ «дѣянія и разговоры вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ». Трудами «новѣйшихъ иновѣрныхъ учителей» пользоваться можно, но съ критическою осторожностію, не полагаясь «на ихъ сказки» и провѣряя ихъ цитаты: «многажди бо лгутъ господа оные и чего не бывало приводятъ». Чтобы ученики довѣряли учителю, ему не лишне иногда показывать имъ источники богословскихъ лекцій и убѣждать ихъ въ своей научной правотѣ и безпристрастности.

текѣ. При школѣ (по Регламенту) „надлежитъ быть библіотекѣ довольной, ибо безъ библіотеки, какъ безъ души академія". Книги для академіи выбираются лучшія нетолько изъ русскихъ, которыхъ мало, но и изъ иностранныхъ. Онѣ должны касаться всѣхъ предметовъ знанія, указанныхъ въ программѣ. Ученики имѣютъ доступъ къ нимъ въ опредѣленные часы, а учителя всегда. За чтеніемъ книгъ за воспитанниками наблюдаютъ наставники, чтобы оно было толково.

Обратимся къ административной сторонѣ дѣла. Чтобы „вмѣсто чаянной пользы (отъ школы) не получилась тщета, смѣха достойная", Регламентъ постановилъ строгія правила о пріемѣ учениковъ по выборѣ учителей. Давая нелегкую работу тѣмъ и другимъ, онъ хотѣлъ, особенно между послѣдними, имѣть людей трудолюбивыхъ и даровитыхъ, способныхъ высоко поставить науку въ глазахъ воспитанниковъ и поселить въ нихъ любовь къ ней. За аккуратнымъ исполненіемъ обязанностей ученическихъ и учительскихъ уполномочивались строго наблюдать, подъ угрозою синодальнаго суда, ректоръ и префектъ академіи. По смыслу 11 правила, они должны были посѣщать всѣ классы поочередно; имъ давалось право испытывать учениковъ на урокахъ помимо вопросовъ учителя. Учителей, нечувствительныхъ къ ректорскимъ наставленіямъ, судилъ св. Синодъ. Для вящаго надзора допускались въ академію и фискалы. За поведеніемъ учениковъ наблюдалъ префектъ (особенный въ каждой избѣ). Ѳеофанъ рекомендовалъ выбирать на эту должность людей, хотя и неученыхъ, „обаче честнаго житія, не вельми свирѣпыхъ и не меланхоликовъ", возрастомъ отъ 30 до 50 лѣтъ,—не молодыхъ и не старыхъ. Префектъ могъ наказывать нарушителей порядка—„малыхъ розгою, а большихъ словомъ укоризненнымъ"; на непослушныхъ онъ доносилъ ректору, верховной власти въ академіи, которая „по разсужденію великимъ наказаніемъ могла наказывать".

Пріемные экзамены въ академіи имѣли цѣлію „отвѣдовать память и остроуміе (того, кто желалъ поступить въ нее); и если (онъ) покажется весьма тупъ, (опредѣлено было) не принимать его, ибо лѣта потеряетъ (и царскую казну растратитъ), а ничему не научится". Но такъ какъ въ ту пору родители часто памѣренно оказывали своихъ дѣтей скудоумными, чтобы освободить ихъ отъ школы, то Регламентъ предупреждаетъ экзаменаторовъ, чтобы они не спѣшили браковать дѣтей, а брали бы ихъ на искусъ и похитрѣе выпытывали, не притворяется ли мальчикъ тупымъ, „желая отпуску въ домъ, какъ то притворяютъ телѣсную немощь отъ солдатства". Срокъ на испытаніе полагался годовой. За избраннаго талантливаго ученика академія держалась крѣпко и увольняла его только въ крайнемъ случаѣ, когда всякая надежда на исправленіе безнравственнаго школьника пропадала. (¹) Чтобы ученики такъ или иначе не оставляли школы, съ нихъ брали „запись", что они до конца ученій пребудутъ въ академіи, подъ великимъ штрафомъ, еслибы обѣта своего не исполнили безъ крайней нужды.

Проходя новую школу, молодое поколѣніе должно было отрѣшаться отъ недостатковъ воспитанія, полученнаго имъ въ семьѣ и обществѣ, гдѣ жило множество предразсудковъ и суевѣрій, вредныхъ и, по выраженію Ѳеофана, смѣха достойныхъ. Эти предразсудки держались такъ крѣпко, что школа могла противодѣйствовать имъ только чрезвычайными мѣрами;—однихъ учебныхъ средствъ оказывалось недостаточно для ихъ искорененія. Регламентъ рекомендуетъ сообщить школѣ монастырскій характеръ, сдѣлать ее наглухо закрытой. „Паче всего (говоритъ онъ) и почитай едино есть потребно и полезно быть при академіи, или въ началѣ и безъ академіи, семинаріуму (общежительному заве-

(¹) 18 правило.

денію) для ученія и воспитанія дѣтей, какихъ вымышлено не мало въ иноземныхъ странахъ. Построить домъ образомъ монастыря, котораго пространство и жилы и всякія къ пропитанію и одѣянію и прочимъ нужламъ припасы были бы противъ числа дѣтей... Такожъ и потребныхъ управителей и служителей (было бы достаточное количество). Въ дому томъ имѣютъ жить дѣти и уже большаго возраста юноши, по осми или девяти человѣкъ во единой избѣ; обаче съ такимъ расположеніемъ: большіе во единой, средніе въ другой, малые въ третьей избѣ.... Не отпускать (дѣтей) изъ семинаріума въ городы, или куда ни есть къ своимъ въ гости, пока семинаристъ не обыкнетъ, пребывая въ семинаріумѣ, и не опутитъ знатной пользы таковаго воспитанія. А именно: до трехъ лѣтъ по приходѣ всякаго въ семинаріумъ не отпускать ни куда; а и по третьемъ году не больше дважды въ годъ позволить выти въ гости къ родителемъ, или сродникамъ, и то недалече отстоящимъ, такъ чтобы не больше седми дней прошло отъ исшествія до возвращенія въ самый домъ семинарскій". Экстраординарныя отлучки были позволительны только подъ особеннымъ надзоромъ за ученикомъ „инспектора или наблюдателя", который обязывался слѣдить за каждымъ шагомъ школьника, а потомъ доносить обо всемъ начальнику заведенія, подвергаясь за потворство „гораздому наказанію". По возвращеніи семинариста, за нимъ слѣдили, не произошло ли въ немъ какой перемѣны, не пріобрѣлъ ли онъ какихъ навыковъ. Въ случаѣ прихода къ мальчику со стороны его сродниковъ, свиданіе позволялось въ общей комнатѣ или въ саду, въ присутствіи самого ректора или надзирателя. Правила инструкціи назначали для ученика опредѣленное дѣло въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ на весь день—будничный и праздничный. „Всякому (ученику) мѣсто отвести (говорится въ регулахъ) при стѣнѣ, вмѣсто собственной конторы, гдѣ стоитъ его кроватка складная (чтобы въ день ловница знать не было), такожъ шкафъ на книги и

иныя вещицы и стуликъ для сидѣнія". Предписывалось „опредѣлить времена по всякому дѣлу и покою симинаристамъ: когда спать ложиться, когда вставать, молиться и учиться, итить за трапезу, гулять и прочая. И всѣ бы оные часы колокольцемъ означать, и всѣ бы семинаристы, какъ солдаты на барабанный бой, такъ на колокольцевъ голосъ, принимались за дѣло, какое на часъ уреченный назначено". На прогулку полагалось два часа въ день, послѣ обѣда и послѣ ужина, причемъ запрещалось даже книжку держать въ рукахъ. Всѣ должны были упражняться въ играхъ „честныхъ и тѣлодвижныхъ". Играми заправляла инспекція; характеръ ихъ былъ чисто военный. Къ числу скромныхъ и назидательныхъ развлеченій принадлежали чтенія въ столовой комнатѣ исторій воинскихъ и церковныхъ, объ ученыхъ мужахъ: философахъ, астрономахъ, риторахъ и т. п. Наконецъ, „дважды въ годъ или больше" дозволялись „нѣкія акціи, диспуты, комедіи и риторскіе экзерциціи". Цѣлію всѣхъ этихъ „акцій" было—развить въ ученикахъ „честную смѣлость, каковыя требуетъ проповѣдь слова Божія". Оригинальное нововведеніе: „при столѣ семинаристовъ въ великіе праздники" допускалась музыка, вокальная и инструментальная. Для желающихъ учиться ей проэктировалось нанять особеннаго мастера, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, когда изъ самихъ школьниковъ нельзя было найти учителя.

Приведенными правилами изъ Регламента достаточно обрисовывается физіономія молодаго человѣка, воспитаннаго въ духовной школѣ начала 18 в., и указывается различіе между питомцемъ Ѳеофановой школы и питомцами школъ посошковской и южнорусской. Какъ ни неотчетливо представлялъ Посошковъ программу образованія духовенства, все же изъ его проэктовъ и записокъ явствуетъ, что ему хотѣлось бы имѣть въ лицѣ своихъ воспитанниковъ людей преданныхъ дѣлу церкви, понимающихъ обязанности священнослуженія и пастырства, способныхъ преподать вѣро-

и-право-ученіе непросвѣщенному народу и защитить православіе противъ раскола и протестантизма. Иначе сказать, курсъ, предложенный имъ для духовной школы, было чисто спеціальный, безъ образовательныхъ наукъ. Программа южно-русскихъ школъ составлена была, какъ замѣчено выше, тоже въ спеціально-богословскомъ духѣ и отличалась отвлеченнымъ, философскимъ характеромъ. У насъ въ Россіи крайности схоластики не успѣли развиться до чудовищныхъ размѣровъ, какъ это было на западѣ, но ихъ можно было предвидѣть по нѣкоторымъ задаткамъ, по той напр. малой полезности, какая объявилась на югѣ Россіи въ церковныхъ проповѣдяхъ, обращенныхъ къ народу и малопонятныхъ для него. Петровская эпоха своимъ общимъ характеромъ менѣе всего могла содѣйствовать развитію сухой, отвлеченной науки. Рѣзкое слово протеста противъ схоластики принадлежало Ѳ. Прокоповичу; онъ же чувствовалъ необходимость новаго идеала образованія для русскаго пастыря, и предъ его идеаломъ посошковскій и южно-русскій, дѣйствительно, оказывались неудовлетворительными. Если мы сравнимъ ихъ, въ итогѣ получится: братскія школы главнымъ образомъ желали воспитывать добрыхъ бойцовъ за православіе противъ католичества; Посошковъ желалъ видѣть въ священникѣ защитника православія противъ современныхъ ему раскола и протестантизма и, кромѣ того, учителя и пророка; Ософанъ давалъ пастырю нѣчто большее: онъ хотѣлъ воспитать въ немъ критическій взглядъ на науку и окружающую жизнь вообще, развить въ немъ самостоятельность мышленія настолько, чтобы еще въ школѣ онъ провѣрялъ слова учителя по источникамъ, изъ которыхъ тотъ заимствовалъ свои свѣдѣнія (а учитель долженъ былъ провѣрять самые источники), настолько, чтобы онъ, возвратясь въ семью и въ общество, не подчинялся бы по старой памяти ихъ вредному вліянію, ихъ застарѣвшимъ заблужденіямъ и предразсудкамъ, хотѣлъ воспитать въ немъ разумнаго цѣнителя и защитника дѣлъ

Петра В., охватывавшихъ всю обширную область гражданскаго и церковнаго существованія русскаго государства,—серьезнаго ученаго, всегда готоваго отстоять свои убѣжденія не съ помощью формальной изворотливости ума и ловкой фразы, а силою положительнаго знанія, основаннаго на неотразимыхъ фактахъ; хотѣлъ воспитать въ немъ, короче сказать, и просвѣщеннаго пастыря и учителя церкви и образованнаго члена общества. Хорошо зная, что только „въ здравомъ тѣлѣ - здравый духъ", Прокоповичъ заботливо охраняетъ и развиваетъ физическое здоровье своихъ питомцевъ; при академіи у него полагается больница, аптека и врачъ. Плаваніе на судахъ, строеніе крѣпостей, прогулки на острова, въ поле, къ загороднымъ домамъ государевымъ — все это должно было благотворно вліять на организмъ молодыхъ людей, развивая въ нихъ крѣпость и бодрость — мать веселости (меланхоликовъ Ѳеофанъ терпѣть не могъ). Домъ для школы, по проэкту Ѳеофана, слѣдовало строить на выгодномъ въ гигіеническомъ отношеніи мѣстѣ—на горѣ, при водѣ (1). Для гимнастическихъ упражненій зимой, Ѳеофанъ отводитъ просторную комнату въ стѣнахъ заведенія. Наконецъ, что особенно важно въ воспитаніи, Ѳеофанъ обратилъ вниманіе на развитіе эстетическихъ способностей въ дѣтяхъ. Средствомъ къ тому онъ избралъ прогулки, знакомившія молодыхъ людей съ прекраснымъ въ природѣ: „нѣкія акціи, комедіи" и музыку. Онъ одлагообразиваетъ его, пріучая свободно держаться въ обращеніи съ посторонними, даже передъ цѣлой публикой, вырабатывая въ немъ приличныя манеры и „честную смѣлость".

3) **Препятствія, встрѣченныя ревнителями духовнаго просвѣщенія, при заведеніи школъ.** По — чѣмъ выше идеалъ, тѣмъ онъ недостижимѣе; чѣмъ рѣши-

(1) Проэктъ семинаріи О. Прокоповича у Пекарскаго I, стр 561—4 (VII прилож.).

тельнѣе были въ своихъ стремленіяхъ реформаторы начала 18 в., тѣмъ меньше ихъ требованія были понятны народу, тѣмъ труднѣе было ихъ выполнить. Между прочимъ, и духовно-училищнымъ проэктамъ петровскаго времени въ практическомъ осуществленіи не посчастливилось. Проэктъ Посошкова, какъ было замѣчено, остался въ книгѣ; его, вѣроятно, даже не видѣли ни Петръ, ни члены Синода, кромѣ Стефана Яворскаго. Программа кіевской коллегіи нашла полное примѣненіе только въ московской академіи, да въ новгородской школѣ (здѣсь она подверглась значительнымъ измѣненіямъ, благодаря братьямъ Лихудамъ), а въ прочихъ епархіальныхъ школахъ, хотя и преобладало стремленіе держаться ея, но изъ него не выходило ни чего солиднаго, за самыми рѣдкими исключеніями. Предписанія Регламента „о домахъ училищныхъ“ еще менѣе могли расчитывать на хорошее исполненіе вслѣдствіе своей громадной несоразмѣрности съ средствами, какія имѣлись подъ руками у ревнителей духовнаго просвѣщенія. Суровая дѣйствительность принудила церковную и гражданскую власть ограничиться въ данномъ случаѣ очень и очень немногимъ.

Съ Петра В., какъ извѣстно, началось профессіональное развитіе сословій русскаго народа; каждый классъ общества, поняв свое назначеніе, сталъ, въ заботахъ о своемъ благосостояніи, обособляться отъ другихъ классовъ и придерживаться наслѣдственности; началась спеціализація должностей, заведеній и программъ. Государство желало имѣть у себя правильно организованную армію и флотъ, и медиковъ, и инженеровъ, и образованное духовенство. Духовенство, при такихъ обстоятельствахъ, тѣснѣе замкнулось въ своемъ кружкѣ, чтобы дружнѣе хлопотать о своихъ интересахъ. Когда открылись цифирныя школы (съ 1714 года), духовенство несочувственно отнеслось къ нимъ, какъ не къ своимъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раньше существовали училища, основныя на его средства, и гдѣ, стало быть, они оказались соперниками послѣд-

ихъ, и безъ того страдавшихъ малолюдствомъ.—Съ одной стороны, Петру не хотѣлось, чтобы молодые люди духов. званія исключительно поступали, по окончаніи учебнаго курса, на службу церкви; но, съ другой стороны, нельзя было постоянно брать и у духовенства его лучшія силы. Отсюда, изъ этихъ двойственныхъ побужденій, проистекала непослѣдовательность и нерѣшительность въ указахъ Петра, касавшихся образованія духовенства, смыслъ которыхъ впрочемъ, болѣе и болѣе выяснялся въ пользу училищнаго обособленія церковно-служителей.

Первымъ и самымъ сильнымъ понужденіемъ для духовенства отдавать дѣтей въ школы служили солдатскіе наборы, начавшіеся съ 1705 г. и захватывавшіе множество необразованной, неготовой для церковной службы, молодежи изъ духовнаго званія. Указъ 1708 г. назвалъ школы, въ которыхъ слѣдовало воспитываться дѣтямъ духовенства, и не желающихъ обучаться въ этихъ школахъ лишалъ правъ быть клириками. Указы 1710 и 1711 гг. обязывая учиться въ духовныхъ школахъ дѣтей всѣхъ священно-и церковно-служителей, подтверждали, чтобы архіереи были особенно строги при выборѣ и оцѣнкѣ ставленниковъ. Въ 1718 г. для дѣтей духовенства стало обязательнымъ не только поступленіе въ училище, но и окончаніе въ немъ учебнаго курса. Въ тоже время дворянамъ было запрещено безъ особеннаго правительственнаго разрѣшенія учиться въ духовныхъ школахъ (указъ 1715 г.), подъ страхомъ денежнаго взысканія и даже трехлѣтней ссылки на галеры, или въ каторжную работу (1). Вообще законодательныя мѣры по раз-

(1) Если они, послѣ этого, и бывали въ духовныхъ школахъ то учились въ нихъ особнякомъ, съ единственною цѣлію—получить элементарное образованіе, подготовку къ своимъ спеціальнымъ учеб. заведеніямъ.

сматриваемому вопросу (1) характерно очерчиваютъ отношенія правительства при Петрѣ В. къ духовному сословію. Правительство имѣло въ виду духовенство, какъ сословіе сравнительно образованное и располагающее своими средствами къ образованію (отъ казны на духовныя школы при Петрѣ В. почти ничего не давалось); правительство, не ограничиваясь той пользой, какую могло приносить духовенство церкви и государству, исполняя свое прямое назначеніе, непрочь было брать изъ его рядовъ хорошихъ дѣятелей на гражданскую службу, даже подъ условіемъ, чтобы они первоначальное образованіе получали на свои же сословные капиталы; уступать духовенству для его нуждъ дѣтей другихъ классовъ общества правительство не находило возможнымъ.—Духовно-училищная администрація, конечно, неохотно уступала своихъ питомцевъ гражданскому вѣдомству и протестовала противъ дѣйствій монастырскаго приказа, пополнявшаго питаты разныхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній на счетъ училищъ духовныхъ и даже противъ государевыхъ указовъ, когда они слишкомъ сильно противорѣчили интересамъ духовной школы и церкви (2). Съ 1721 года эти интересы поступили подъ защиту св. Синода.

Получивъ въ руководство „Духовный Регламентъ“ св. Синодъ не нашелъ въ немъ разрѣшеній многихъ недоразумѣній въ области духовно-училищнаго вопроса, возникшихъ частію раньше, частію позже 1721 года.—I, Глава Регламента объ училищныхъ домахъ разсуждала объ образцовой школѣ, съ академической программой, такой школѣ, какую и въ одномъ экземплярѣ нелегко было устроить. Ѳ. Прокоповичъ самъ пытался было осуществить начертанный имъ планъ семинаріи. При помощи значительныхъ капиталовъ и

---

(1) Подробнѣе смотр. въ сочиненіи П. В. Знаменскаго «Духовныя школы до реформы 1808 г. Прав. Соб., 1878 г. ноябрь.

(2) Тамъ же, Пр. Соб. 1878 г. декабрь, стр. 49.

личныхъ знакомствъ, ему удалось основать хорошую школу, но и она не подходила подъ мѣрку Регламента (¹). Гдѣ было взять архіерейскому дому средства на постройку нѣсколькихъ избъ или одного большаго зданія съ угодьями, какихъ требовалъ Регламентъ,— съ домовою церковію, библіотекою, аптекою, съ большимъ штатомъ начальства и учителей, съ прислугой, съ готовымъ содержаніемъ для учениковъ? Упомянутая глава Регламента не отвѣчала на это; она обѣщала только, на случай полнаго осуществленія ея проэкта, „впредь больше придумать (новыхъ регулъ для усовершенствованія заведенія) или отъ иноземныхъ лучшихъ семинарій информаціи происка̀ть“, а отъ исполненія содержащихся въ ней правилъ ждала „великой пользы отечеству“.—Издатели Регламента больше приблизились къ дѣйствительности, когда довели требованія отъ епархіальныхъ школъ до minimum'а, напоминающаго собой школы допетровскаго времени. Въ статьѣ „о епископахъ“ они писали, чтобы въ епархіальной школѣ „былъ учитель умный и честный, который бы дѣтей училъ не только чисто, ясно и точно по книгамъ честь (что хотя нужное, обаче не довольное дѣло), но училъ бы честь и разумѣть. И если

(¹) Это-такъ назыв. Карповская школа въ Петербургѣ. За недостаткомъ учителей, Прокоповичу не удалось соединить въ ней два различныхъ элементовъ въ образованіи—духовнаго и свѣтскаго. Онъ подыскалъ свѣдущихъ людей для преподаванія небогословскихъ наукъ, а богословскія науки отошли у него какъ будто на задній планъ. Школа собственно имѣла свѣтскій характеръ и служила общеобразовательнымъ заведеніемъ. Кругъ ея наукъ составляли, Законъ Божій, русскій, латинскій и греческій языки, славянская грамматика, реторика, логика, римскія древности, ариѳметика, геометрія, географія, исторія, рисованіе и музыка. Учителями были все иностранцы. Одинъ изъ нихъ (Байеръ) принадлежалъ къ корпораціи профессоровъ Академіи наукъ. Въ помощь наставникамъ, старшіе воспитанники, дошедшіе до высшихъ классовъ, обучали младшихъ учениковъ, получая за то небольшое жалованіе. Воспитательная иструкція О. Прокоповича такъ же нашла въ Карповской школѣ свое полное примѣненіе. «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время» Чистовича, стр. 63; Прав. Соб. 1879 г. январь, 93—6.

мощно, и наизусть читать двѣ книжицы: одну о догматѣхъ вѣры, а другую о должностяхъ всякихъ чиновъ, когда таковыя изданы будутъ". Въ „синодальномъ установленіи" 1722 г., разсуждавшемъ, между прочимъ, „о свойственной (епарх. школѣ) наукѣ", находимъ добавленіе къ этой убогой программѣ. Кромѣ „двухъ книжицъ", которыя, впрочемъ, не были изданы, синодальное установленіе дѣлало обязательнымъ изученіе „Перваго ученія отрокомъ" Ѳ. Прокоповича, славянской грамматики, письма и части ариѳметики съ геометріей. Вотъ и все. Кажется требованія не велики, а и ихъ трудно выполняли. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ не находилось достаточно матеріальныхъ средствъ на устройство хотя бы и скромной школы; а она, по смыслу указанной главы Регламента, обязана была снабжать своихъ учениковъ всѣмъ необходимымъ, за исключеніемъ одежды: „дабы не было роптанія отъ родителей ученическихъ за великій оныхъ коштъ". Распоряженіе, чтобы архіерейскому дому помогали въ содержаніи училища „знатнѣйшіе монастыри" и церковныя земли,(1) не вездѣ было примѣнимо.—II. Во многихъ школахъ некому было учиться, потому что дѣти духовенства или бѣжали отъ школы, или ихъ забирали въ цифирныя и медицинскія училища, въ адмиралтейство къ разнымъ мастеровымъ и т. п. Указы 1721 и 1722 г.г., освободивъ священническихъ, діаконовыхъ и церковничьихъ дѣтей отъ цифирныхъ школъ въ пользу школъ духовныхъ,(2) уничтожили только одну изъ многихъ причинъ малолюдства послѣднихъ. Въ видахъ привлеченія дѣтей къ ученью, правительство духовное и свѣтское снова прибѣгло къ побудительнымъ мѣрамъ, къ угрозамъ, частію повторяя и подтверждая прежніе указы, частію издавая новые, уст-

(1) Дух. Регламъ. «о дѣлахъ епископовъ» пр. 7—11.

(2) Христ. Чт. 1879 г. генв.—февраль, 179—81; Пр. Соб. 1879 г. генварь, 76 и д.

ранявшіе противорѣчіе въ предписаніяхъ вышедшихъ до учрежденія св. Синода. Сущность этихъ указовъ состояла въ слѣдующемъ. Священно-и-церковно-служительскіе дѣти забирались въ солдаты, или записывались въ податной классъ, если не хотѣли учиться; церковныя мѣста предоставлялись только образованнымъ претендентамъ, которые должны были держать экзаменъ и, проживая въ архіерейскомъ домѣ, твердо изучать свои обязанности; епископамъ строго запрещено обходить въ посвященіи ученыхъ кандидатовъ въ пользу неученыхъ и, сверхъ того, поручено внимательно слѣдить за ставленниками—не лицемѣры ли они, не ханжи ли, не шарлатаны ли; древній обычай закрѣплять мѣста за дѣтьми умершихъ клириковъ — отмѣненъ,—образованнаго человѣка велѣно опредѣлять къ должностямъ, недожидаясь возраста сироты; ограничены были права народнаго выбора,—голосъ епископа въ пользу ставленика признанъ болѣе надежною оцѣнкою (міряне могли ошибиться въ сужденіи касательно учености избираемаго); образованный священникъ, сложившій съ себя санъ по уважительной причинѣ, получалъ другое почетное мѣсто въ духовномъ вѣдомствѣ; наконецъ, 1723 г. государь лично высказался вице-президенту св. Синода Ѳеодосію Яновскому, повторяя мысль Посошкова, чтобы поповскихъ, діаконскихъ и причетническихъ дѣтей, годныхъ по возрасту для школы, „набирать въ школы всѣхъ, которые учиться способны, а которые въ ученьи быть не похотятъ, тѣхъ имать въ школы и неволею и учить ихъ въ надеждѣ лучшаго священства“ (1). Въ силу этого указа, мальчиковъ вербовали, какъ солдатъ, безъ вниманія къ слезамъ родителей.

Чтобы удобнѣе слѣдить за ходомъ учебнаго дѣла, Синодъ (въ 1721 г.) устроилъ у себя особую контору,

---

(1) Христ. Чт. 1879 г. генв—февраль, 187—8, Прав. Соб. 1879 г. генварь, 91.

куда должна была поступать вся отчетность о состоянии епархіальныхъ училищъ два раза въ годъ. — Но на очереди становился третій вопросъ: гдѣ брать учителей? — вопросъ, не менѣе, если не болѣе, трудный, чѣмъ первые два. Регламентъ отвѣчалъ на него очень оригинально. „Видится быть вельми благоуспѣшно, говоритъ 9 прав. трактата „о домахъ училищныхъ“, что могутъ нѣкая ученія двое или трое вдругъ, одного часа и однимъ дѣломъ подаватися. Напр. уча грамматикѣ, можетъ учитель съ нею учить купно и географію и исторію, понеже по регуламъ грамматическимъ нужно дѣлать экзерциціи, сирѣчь обучатися въ переводахъ съ моего языка на языкъ тотъ, котораго учуся и на оборотъ. То можно ученикамъ переводить по части географію или исторію, или на перемѣну оба тѣ ученіи“, т. е. полгода проходить грамматику съ географіей и полгода—съ исторіей. Это—черта времени, черта петровской эпохи съ ея крупными запросами и малыми средствами для ихъ удовлетворенія, съ лихорадочною торопливостію исправить все въ короткое время, или по крайней мѣрѣ сдѣлать по больше рѣшительныхъ начинаній для будущаго времени. На первыхъ порахъ, говоритъ Регламентъ, „не надобѣ многихъ учителей, но первый годъ довольно единаго или двоихъ, которые бы учили грамматикѣ, сіесть языкъ правильно знать латинскій или греческій, или оба языка“. На другой годъ позволялось искать другаго учителя. За недостаткомъ ученыхъ свѣдущихъ учителей, предположено было искать въ кандидатахъ хоть простаго зраваго смысла, природнаго ума и заставлять ихъ самихъ учиться „отъ авторовъ въ дѣлѣ томъ искусныхъ (1)“. Такая странная мѣра, конечно, не казалась составителямъ Регламента резонною но „за скудостію людей“ они ее допускали, хотя кіевская и московская академіи и новгородская школа, при

(1) Домы училищные, пр. 1 и 4.

благопріятныхъ обстоятельствахъ, могли бы дать епархіальнымъ школамъ достаточное количество наставниковъ. Новгородская школа была же учительскимъ институтомъ для своей епархіи, т. е. для 16-ти партикулярныхъ школъ, основанныхъ ея учениками въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Синодальное установленіе 1722 г. обратило вниманіе на этотъ фактъ. На запросъ изъ епархій — гдѣ брать учителей — оно предписывало: „чтобъ впредь никто неимуществомъ учителей не отговаривался", пусть выбираются „изъ поддьяковъ или изъ поповскихъ дѣтей остроумные и книжному ученію искусные отъ 15 до 20 лѣтъ, для каждой школы по три человѣка", и посылаются въ Новгородъ учиться, чтобы потомъ они становились учителями въ своихъ епархіальныхъ училищахъ. Но такъ какъ никакихъ пособій для расширенія своего круга дѣйствій новгородская школа отъ правительства не получала и обременена была разными порученіями, а академіи ей не помогали въ подготовкѣ учителей надлежащимъ образомъ, то и эта мѣра оказалась мало удовлетворительной. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ школы совсѣмъ не открывались „за неимуществомъ учителей", а въ нѣкоторыхъ, по той же причинѣ, они не долго продержались (1).

Всѣ упомянутые указы отличаются энергически-принудительнымъ характеромъ; вслѣдъ за предписаніемъ дѣлать то или другое, въ нихъ полагается наказаніе ослушникамъ, высказывается угроза. Это вытекало изъ того положенія, какое занимало правительство по отношенію къ духовной школѣ, и изъ препятствій, какія представляла дѣйствительность его намѣреніямъ. Правительство ничѣмъ не помогало школѣ расти и укрѣпляться; оно только предписывало и въ строгости своихъ указовъ видѣло одно изъ средствъ настоять на своемъ.—Препятствія, о которыя разби-

(1) Отчетъ св. Синода у Пекарскаго—т I, стр. 109—121.

вались всѣ угрозы правительства. группировались глав. обр. въ одинъ печальный фактъ: духовенство не хотѣло учиться, упорно отказывалось отъ школы, не пускало въ нее дѣтей своихъ, или дѣти сами бѣжали изъ нея, и школа, кое-какъ устроенная, оставалась безъ учениковъ. Законъ не принимать неучей ни въ какую службу, кромѣ солдатской, записывать ихъ въ податной окладъ, привиллегіи молодымъ людямъ, побывавшимъ въ школѣ, насильное привлеченіе дѣтей, уклонявшихся отъ ученья, наказанія отцамъ за укрывательство—ничто не помогало. Изобрѣтались всѣ способы къ освобожденію отъ навязываемаго образованія: то ребенокъ оказывался въ дальней отлучкѣ, то внѣзапно заболѣвалъ, то вдругъ становился идіотомъ. При усиліяхъ собиралось, наконецъ, въ училище человѣкъ 30—50 со всей епархіи, но не надолго. Вкусивъ сладости школьнаго житія, свободолюбивый дикарь бѣжалъ изъ заведенія и больше въ него не возвращался, оставляя противъ своего имени отмѣтку: semper fugitiosus. Такихъ бѣглецовъ было очень много. „Изъ губерній и провинцій (сказано въ одномъ изъ указовъ 1726 г.) писали, что въ духовныхъ школахъ сначала было учениковъ въ присылкѣ по 1722-й годъ 1389 человѣкъ, изъ того числа выучено 93 человѣка, а затѣмъ оставшіеся едва не всѣ синодальной команды бѣжали“. Вологодская школа, основанная въ 1724 г., изъ 45 учениковъ отпустила 27 „для приписки въ податной окладъ“, остальные были распущены по домамъ „по неизвѣстной причинѣ“. Въ александро-невской школѣ (въ Петербургѣ) съ 1721 — 27 г. перебывало всего 118 человѣкъ, изъ которыхъ 42 ученика „отстали отъ ученія за невзятіемъ науки и за скорбію“. Въ Устюжской епархіи школа набрала 15 человѣкъ; они остались недоученными „за кончиною епископа Боголѣпа“ (1). Отрадныя явленія въ данномъ случаѣ, какъ было за-

(1) Тамъ же.

мѣчено, составляли или тѣ епархіи, школы которыхъ пользовались исключительно-счастливымъ положеніемъ, или тѣ, гдѣ школы находились подъ надзоромъ особенно ревностныхъ и безкорыстныхъ архіереевъ. Таковы были школы: кіевская, бѣлоградская, московская, новгородская (при м. Іовѣ), рязанская (при Гавріилѣ Бужинскомъ) и нижегородская (при Питиримѣ). Естественно, что наличными учениками приходилось дорожить; исключался изъ школы только „дѣтина непобѣдимой злобы", послѣ всевозможныхъ откладываній, назиданій и исправленій. При всемъ томъ, народу въ школахъ было мало. Священники городскихъ и сельскихъ церквей, обучивши на скорую руку сыновей грамотѣ, хлопотали о помѣщеніи ихъ пономарями при своихъ церквахъ, а діаконы и дьячки, расчитывая имѣть въ дѣтяхъ хорошихъ даровыхъ работниковъ, еще съ молоду записывали ихъ въ крестьянство. Тѣ и другіе при возможности, спѣшили отдавать дѣтей въ разныя коллегіи и канцеляріи въ подъячіе. Въ случаяхъ наѣздовъ закащиковъ и разсыльныхъ изъ духовныхъ правленій съ цѣлію школьной вербовки, они, если имъ не удавалось обмануть чиновниковъ, подкупали ихъ въ свою пользу и умоляли Христомъ-Богомъ записать дѣтей малолѣтками, больными, скудоумными. Имъ „легче было умереть, нежели смотрѣть, какъ дѣтей въ семинарію на муку обираютъ", (1) а потому, конечно, мальчиковъ напутствовали въ ученье слезами и причитаніями, поселяя въ нихъ страхъ предъ школой, безотчетное отвращеніе къ ней и ненависть къ ея представителямъ.—Неожиданный переходъ отъ свободнаго невѣжества къ необходимости учиться, отъ привольной жизни дома къ монастырскому заключенію въ школѣ, къ жизни, стѣсненной правилами инструкціи, на глазахъ строгихъ приставниковъ, этотъ переходъ былъ

(1) Тамъ же, стр. 452.

слишкомъ труденъ для ребенка и страшилъ его. Чтобы воспитать дѣтей на новыхъ началахъ, поселить въ нихъ критическій взглядъ на старину, подорвать у нихъ довѣріе къ дѣдовскимъ баснямъ, сдѣлать изъ нихъ сторонниковъ и защитниковъ новаго направленія жизни, нужно было, по замысламъ Регламента, разобщить дѣтей съ ихъ прежнею обстановкой и, при томъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, разсуждалъ Ѳ. Прокоповичъ. „Совѣтъ мой есть (говоритъ онъ въ проэктѣ насчетъ петербургской семинаріи) не принимать отроковъ (въ школу), токмо десятолѣтнихъ, или ниже, но не выше десяти лѣтъ, ибо таковаго возраста дѣти еще не вельми обучилися злонравію, и если обучилися, однакожъ не закрѣпли обычаемъ, и мощно таковыхъ нетрудно отучить. А большаго возраста, яко не весьма надежнаго, не принимать“ (*). Чтобы обезпечить за школою симпатію ребенка, его не велѣли пускать къ роднымъ до тѣхъ поръ, „пока онъ не ощутитъ знатной пользы отъ таковаго воспитанія“. Въ закрытомъ заведеніи видѣли лучшую воспитательную школу, надѣясь, что дитя аще и тигръ нравомъ будетъ, агнчую тамо воспріиметъ кротость на ся“, Начальство и, мало того, товарищи смотрѣли за каждымъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ ученика, стѣсняли его игру и прогулку. „Таковое младыхъ человѣкъ житіе кажется быти служительное и заключенію плѣнническому подобное (сознавались составители Регламента), но кто обыкнетъ тако жить, хотя чрезъ единый годъ, тому весьма сладко будетъ“. (разсуждали они далѣе). Опытъ показалъ противное. Немного охотниковъ училось въ духовныхъ заведеніяхъ и еще меньше оканчивало курсъ. — Бѣжали ученики изъ школы и потому, что имъ часто нечѣмъ было содержаться тамъ. Большинству изъ нихъ никакъ не могли расчитывать на отцовскія крохи. Пособіе, по Регламенту, должно было выдаваться имъ отъ архіе-

(*) Пекар. I, 563.

рейскаго дома, отъ монастырей и отъ богатыхъ землею церквей. Но оно зависѣло отъ благосостоянія послѣднихъ, отъ болѣе или менѣе случайныхъ доходовъ, зависѣло отъ хлѣбныхъ урожаевъ, отъ пожаровъ, отъ добросовѣстности монастырскихъ и церковныхъ экономическихъ отчетовъ. Изъ донесеній, представленныхъ епархіями въ 1727 году на запросъ св. Синода, видно, что на средства архіерейскихъ домовъ и монастырей ученики содержались въ не многихъ школахъ, въ черниговской, новгородской, коломенской, вологодской (не долго), псковской и отчасти, въ нижегородской, а въ большей части этихъ донесеній находимъ отвѣтъ, что сборовъ на школу по указаніямъ Регламента дѣлать нельзя. Изъ ростовской епархіи писали: „по духовному Регламенту отъ монастырей и церквей хлѣба не сбирано за недородою. да и для того, что хотя гдѣ хлѣбъ остаточный и былъ, оный бранъ въ Москву въ камеръ-контору и генералитету, отъ чего ученикамъ въ обученіи учинилась остановка, того ради они распущены въ домы свои, со взятіемъ у отцовъ ихъ сказокъ, дабы показаннымъ наукамъ обучали ихъ дома“. Изъ суздальской школы ученики (въ 1726 г.) также были распущены по домамъ по случаю неурожая. Въ рязанской епархіи остаточный хлѣбъ забирали на „синодальное правительство“. Тобольская школа отъ Далматова монастыря получала только „малое число солоду на квасъ“ (1). Много зависѣло матеріальное благосостояніе школъ и отъ личной воли ихъ ближайшихъ начальниковъ—архіереевъ. М. Іовъ, Епифаній бѣлоградскій, Питиримъ нижегородскій имѣли хорошія средства для своихъ училищъ не только потому, что въ ихъ епархіяхъ были богатые монастыри, но и потому, что они искали этихъ средствъ, заботились о ихъ нескудности. Они не пускали учениковъ питаться подаяніемъ, не водили ихъ босикомъ, не пятью руб-

(1) Пекар. I, 109—121.

лями въ годъ окупали все содержаніе воспитанника, со всѣми учебными принадлежностями какъ это случалась въ другихъ епархіяхъ (1).

Могла ли наука сама по себѣ привлекать дѣтей въ школу и располагать въ свою пользу ихъ родителей?—Въ большинствѣ случаевъ—нѣтъ, потому что она была не русская, а иноземная, непонятная и въ ближайшемъ будущемъ непригодная. Духовенство, невидавшее ничего, кромѣ часослова и псалтири, не могло относиться къ ней сочувственно. Не могла она нравиться и дѣтямъ духовенства, такъ какъ, при дурныхъ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ, была малодоступна имъ. Въ новгородской, лучшей для своего времени, школѣ проходили между прочимъ, греческую грамматику, піитику и реторику и—за цѣлыя 20 лѣтъ (1706—1726 г.) изъ всѣхъ школьниковъ выучились: піитикѣ „совершенно“ одинъ и „несовершенно“ 6. реторикѣ — „совершенно“ 9 и „несовершенно“ 15 (2). Большинство, значитъ, не одолѣвало трудностей науки. Да это и не легко было: по Регламенту, руководившемуся часто кіевскими обычаями, въ школѣ, гдѣ изучался латинскій языкъ, безъ послѣдняго не могли ступить шагу ни ученики, ни учители. Припомнимъ, что твердили казанскіе школьники при м. Тихонѣ, подъ руководствомъ Свентицкаго. Самыя обыкновенныя вещи имъ приходилось понимать подъ мудреньйшими названіями и, судя по этому, въ недоступнѣйшей формѣ. Не много было училищъ, гдѣ ограничивались преподаваніемъ нужнѣйшихъ предметовъ: славянской грамматики, часослова, букваря Ѳ. Прокоповича, псалтири, письма и пѣнія. Съ этой стороны нужно отдать честь тѣмъ школамъ, которыя не заводили у себя ученій латинскихъ, не соблазнялись реторикой и философіей,

---

(1) Руководство для сельскихъ паст. 1861. г., II, 348—9.

(2) Пекар. I, 114.

если не имѣли средствъ вести дѣло какъ слѣдуетъ, добросовѣстно. Посошковская программа, повторимъ здѣсь, ближе подходила ко вкусу современнаго духовенства и къ матеріальнымъ средствамъ школъ. Несомнѣнно, что число ученическихъ побѣговъ сократилось бы, если бы наука давалась ребенку легче. Вѣглецъ не встрѣтилъ бы одобренія и дома, если бы родители воочію видѣли пользу отъ школы. Трудовая копѣйка не отдавалась бы тогда вербовщику—подъячему, а скорѣе шла бы на покупку книгъ, которыя, скажемъ кстати, доставались ученикамъ съ большими усиліями: ихъ доводилось списывать, потому что „типоизданные“ экземпляры были рѣдкостію. Мало было учебниковъ въ родѣ букваря, славянской грамматики, но они, по крайней мѣрѣ, продавались по сравнительно доступной цѣнѣ, а каково было ученику пріобрѣсть трязычный лексиконъ, „сирѣчь реченій славянскихъ, эллиногреческихъ и латинскихъ сокровище, собранное изъ разныхъ новыхъ и древнихъ книгъ“ (1), когда это сокровище продавалось по рублю тридцати копѣекъ? Что касается реторики, піитики, фчлософіи, то по нимъ печатныхъ руководствъ не было, а составлялись записки на латинскомъ яыкѣ.—Гналъ дѣтей изъ заведеній и страхъ предъ педагогическими требованіями воспитателей, которые не скупились на понудительныя мѣры, чтобы заохотить ребенка къ наукѣ. Жестокія сѣкуціи въ двѣ, три и даже четыре лозы, побои по головѣ и рукамъ линейкой и книгой, наказанія плеткой, голодомъ, заключеніемъ въ карцеръ—были въ усердномъ употребленіи педагоговъ петровской эпохи (2). „Трязычный букварь“ Ѳ. Поликарпова въ лицахъ изобразилъ отношенія учениковъ къ наставникамъ на двухъ картинкахъ. Позы учителей на нихъ

---

(1) Книга въ 186 листовъ in quarto; расположенъ лексиконъ по славян. алфавиту.

(2) Прав. Соб. 1862 г. II, «Состояніе духовенства въ 18 в.».

внушительны, позы учениковъ унизительны, обстановка—книги и плетки. (1) Вообще, воспитательныя мѣры не приносили тѣхъ результатовъ, о какихъ мечталъ „Регламентъ“, какъ потому, что въ сущности не въ силахъ были преодолѣвать препятствій, противъ которыхъ боролись, такъ и потому, что часто попадали въ руки дурныхъ исполнителей, въ родѣ учителя новгородской школы, іеромонаха Іова, который бывалъ въ классѣ по десяти разъ въ годъ и оставлялъ дѣтей въ полномъ бездѣльи—„по старческой немощи“, или въ родѣ учителя каргопольской (партикулярной) школы, діакона Стефана Максимова, на котораго ученики жаловались, что онъ чуть не каждый день посылалъ ихъ версты за три отъ Каргополя—зимою по дрова, а лѣтомъ по ягоды верстъ за десять, такъ что „въ отбытіи проходило дня по два и по три“. Вознаграждая потерянное время, дидаскалъ „послѣ такого тягостнаго труда содержалъ дѣтей во ученіи своею нападкою часу до одиннадцатаго и двѣнадцатаго, и отъ того труда ученики лишались здравія, и одежды на себѣ подирали“. (2)

Не одинаковую силу имѣли упомянутыя препятствія и неудобства для епархій. Иногда онѣ только тормозили дѣло обученія въ существовавшихъ уже школахъ, иногда препятствовали завести хоть бы одну школу на епархію, нерѣдко, наконецъ, доводили да необходимости закрывать уже основанныя училища. Въ крутицкой епархіи не открывалась школа „за неимѣніемъ монастырей“, съ которыхъ можно было бы брать пожертвованія) и учителей; въ суздальской—школы закрыты по недостатку средствъ содержанія; въ Воронежѣ—учителей не имѣлось; устюжская школа пала со смертію еп. Воголѣпа; въ Переяславлѣ и Астрахани не было училищъ „за скудостію епархій„. (3).

---

(1) Пекар. 1, 176.

(2) Христ. Чт. 1877 г. мартъ—апр., 338.

(3) Отчетъ Св. Синода за 1727 годъ.

Разсуждая о причинахъ невѣжества современнаго духовенства, Посошковъ, между прочимъ, говорилъ: „не вѣмъ, чего ради тако дѣется, токмо мню, аще и страшно ми изрещи дабы архіерейская клятва на мя не пала, а наипаче не вѣмъ, како ми восписати, понеже азъ признаваю, еже отъ оплошности архіереvъ тако чинится". Послѣ смерти Петра В., дѣйствительно, говоритъ Щаповъ, были примѣры, что нѣкоторые архіереи „вмѣняли себѣ въ добродѣтель все прежде небывалое въ Россіи истреблять безъ остатку" и сами распускали учениковъ. (1) Тѣмъ не менѣе съ мнѣніемъ Посошкова вполнѣ согласиться нельзя: причинъ невѣжества, какъ мы видѣли, насчитывается не мало и другихъ, кромѣ оплошности архіереевъ. Правда, отъ архіереvъ зависѣло много, но не все. Нельзя было епископу содержать школу исключительно на свои средства, когда въ его епархіи не было богатыхъ ни церквей, ни монастырей; нельзя было ему принять на себя учительскія обязанности, когда онъ не находилъ для школы достойнаго наставника; нельзя было, въ ущербъ своимъ прямымъ обязанностямъ, слѣдить за добросовѣстностію закащиковъ, собиравшихъ учениковъ; нельзя было сразу провести въ сознаніе невѣжественнаго духовенства мысль о необходимости образованія; не въ его власти было печатать нужные учебники и раздавать ихъ безплатно. Школа навязывалась духовенству насильно и страдала отъ его исторически крѣпкаго равнодушія къ образованію. Ни времени, ни средствъ къ тому, чтобы помирить его съ новою жизнію и съ новыми требованіями, не было, Хорошее начало, говорятъ,—половина дѣла. Починъ въ дѣлѣ духовнаго образованія при Петрѣ В. сдѣланъ все-же хорошій, энергичный, и нельзя не признать, что главная роль въ немъ принадлежала просвѣщеннымъ епископамъ петровскаго времени, которыхъ, къ счастію, сравнительно съ прежнимъ временемъ, было мно-

(1) Русскій расколъ старообрядства. 43й—7[illegible]

го, благодаря умѣнью Петра выбирать людей. Со стороны правительства, повторимъ здѣсь, дана была инициатива и нравственная поддержка архипастырямъ: оно предписывало, одобряло, отмѣняло, но—и только. У него не оказывалось средствъ на матеріальную поддержку просвѣтителей духовенства. Послѣдніе сами должны были изыскивать эти средства.

II.

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

1) **Учебники и учебныя пособія по разнымъ предметамъ преподаванія въ духовныхъ школахъ.** Поспѣшное устройство школъ сопровождалось быстрымъ возрастаніемъ нужды въ книгахъ и прежде всего въ учебникахъ, которыхъ раньше въ Москвѣ почти совсѣмъ не было, а изъ Кіева по этой части можно было заимствоваться не многимъ. Образованные члены вновь составившагося училищнаго персонала и нѣкоторыя постороннія лица взяли на себя трудъ издать по крайней мѣрѣ необходимѣйшія руководства. Лучшими учебными заведеніями, какъ мы видѣли, при Петрѣ В. были: древнѣйшая по происхожденію кіевская коллегія, затѣмъ московская академія и новгородская школа. Наставники этихъ заведеній по преимуществу и были авторами разныхъ руководствъ, появившихся въ разсматриваемую эпоху. Слѣды различныхъ ученыхъ симпатій отразились на ихъ письменныхъ произведеніяхъ точно также, какъ и на ихъ проэктахъ по устройству школъ. Смѣлымъ, торопливымъ новаторомъ здѣсь, какъ и вездѣ, является Ѳ. Прокоповичъ съ своей книжкой: „Первое ученіе отрокомъ“. Преслѣдуя одну изъ главныхъ задачъ школы—распространеніе въ Россіи языкознанія, люди, даже мало причастные къ училищному дѣлу по своимъ пря-

мымъ обязанностямъ, принялись за составленіе греческихъ и латинскихъ букварей, грамматикъ и лексиконовъ, жертвуя подчасъ здоровьемъ и деньгами. Въ предисловіяхъ къ произведеніямъ этого рода можно прослѣдить, насколько ихъ авторы радѣли о томъ, что бы положить на алтарь науки посильную лепту, какъ они смотрѣли на образованіе и старались идти въ уровень съ современными требованіями. Іоаннъ Максимовичъ удивляется, какъ это случилось, что „великое всероссійское государство“ до 18 в. почти совсѣмъ не обращало вниманія на изученіе иностранныхъ языковъ, и работаетъ надъ лексикономъ, не жалѣя никакихъ усилій. Типографщикъ Ѳ. Поликарповъ, неодобрявшій слишкомъ большаго тяготѣнія Россіи къ западу, жертвуетъ своими убѣжденіями въ пользу науки, составляетъ руководства къ ознакомленію съ западной литературой. Ѳ. Максимовичъ, учитель новгородской школы, рѣшается поколебать давнишній авторитетъ Смотрицкаго, когда нашелъ его грамматику слишкомъ мудреной, растянутой и по мѣстамъ не состоятельной. Неутомимые братья Лихуды, безъ претензіи на славу въ печати, трудятся надъ разнообразными учебниками, требовавшими обширныхъ познаній и кладутъ на нихъ печать своего образованія и своихъ педагогическихъ стремленій—воспитывать русское юношество въ строгомъ греческомъ православіи по возможности безъ примѣси западнаго латинскаго образованія. Наконецъ, цѣлая серія учебниковъ съ схоластическими чертами осталась намъ отъ воспитанниковъ южно-русскихъ школъ, преимущественно отъ наставниковъ московской академіи.

Въ 1704 г. напечатанъ „Букварь языка словенска, сирѣчь начало ученія дѣтямъ, хотящимъ учиться чтеній и писаній“. Онъ замѣчателенъ своимъ предисловіемъ; въ немъ много сатиры на неучей и доводовъ въ пользу просвѣщенія. Пекарскій дѣлаетъ догадку, что онъ написанъ подъ вліяніемъ государя. Въ 1717 году издано въ Петербургѣ: „Юности честное зерцало, или

показаніе къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ". Въ началѣ книги помѣщена азбука („изображеніе древнихъ и новыхъ письменъ славенскихъ, печатныхъ и рукописныхъ") слоги („двописьменніи и трописьменніи"), затѣмъ краткія правоученія изъ св. Писанія („по алфавиту избранныя"), числа церковныя (славянскія), ариѳметическія (арабскія) и римскія, наконецъ—правила житейскаго обхожденія. Назначенная для великосвѣтскаго юношества и въ свое время пользовавшаяся популярностію, эта книжка, по мнѣнію Пекарскаго, была предназначена и для міряпъ и потому не похожа на прежнія изданія этого рода, хотя, по мелочности правилъ „житейскаго обхожденія", относится къ типу домостроевскихъ назидательныхъ сочиненій (1).

Въ 1720 г. издано было составленное Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. „Первое ученіе отрокомъ" — книжка очень типичная для своего времени. Въ предисловіи къ ней авторъ, обращаясь къ родителямъ и воспитателямъ дѣтей, доказываетъ, что нравственность отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ зависитъ отъ ихъ образованія, и напоминаетъ, что природа наша немощна послѣ прародительскаго грѣха и нуждается въ постоянномъ исправленіи. Въ Россіи онъ видитъ крайнюю скудость просвѣщенія религіознаго и крайнюю безнравственность, зависящую отъ незнанія закона Божія, который весь понимается въ буквѣ и сводится къ обрядности. Невѣжественные грамотѣи, „помышляя о себѣ, что, понеже читать умѣютъ, вельми мудріи суть.... въ народѣ расколъ дѣлаютъ. И кто изочтетъ, спрашиваетъ Ѳеофанъ безчисленныя таковыхъ книжниковъ злодѣйствія, перомъ ихъ творимая? Разъяснивъ, „въ чемъ есть доброе отроковъ воспитаніе", и замѣтивъ, что „многіе родители сами мало знаютъ о законѣ Божіемъ" и потому не могутъ быть наставниками своихъ дѣтей, Прокоповичъ выводитъ заключеніе о необходи-

(1) Срав. Истор. Христом. Галахова, ч. 1, 39—40 и Пекар. 1, 178.

мости издать, согласно съ желаніемъ государя, „книжицу съ яснымъ толкомъ закона Божія, и символа вѣры, и молитвы Господней, и девяти блаженствъ и напечатать оную съ букваремъ; таковая книжица, заключаетъ авторъ, сочинена и напечатана; изъ нея отроцы могутъ познати волю Божію и страха Господня отъ младыхъ ногтей научитися“,—подъ руководствомъ родителей и наставниковъ. Дальнѣйшее содержаніе книги отвѣчаетъ ея заглавію, (¹) т. е. сначала въ ней помѣщена азбука (въ 45 буквъ; между ними удержаны всѣ славянскія начертанія), затѣмъ—слоги (въ двѣ и три буквы), славянскія названія буквъ, „слози именъ по звуцѣ подъ титлами, печатаемыхъ въ церковныхъ книгахъ“ и—параллельно имъ—„слози тѣхъ же именъ безъ титлъ, печатаемыхъ въ гражданскихъ книгахъ“, потомъ—„число церковное (до тысячи, съ припискою—„посему же и прочая разумѣвай“) и „имена просодіямъ“. Вторая часть начинается трактатомъ „о законѣ Божіи, иже въ десятословіи“, изложеннымъ въ вопросоотвѣтной формѣ; у каждой заповѣди—краткое объясненіе. „Толкованіе молитвы Господни“ раздѣлено на 9 небольшихъ частей, въ которыхъ разсмотрѣны призваніе, прошенія и славословіе этой молитвы. „Поздравленіе архангельское пресвятой Богородицѣ“ помѣщено для ученія наизустъ безъ толкованія: „зане само чрезъ себѣ ясно есть“. Объясненіе символа вѣры раздѣлено на 8 частей (нѣкоторые члены соединены въ толкованіи). „Краткое толкованіе блаженствъ евангельскихъ“, написанное въ вопросоотвѣтной формѣ, раздѣлено на 8 же частей; девятую часть трактата составляетъ „вопросъ общій и блаженствахъ“—какъ бы сокращеніе всего предыдущаго, оканчивающееся совѣтомъ, чтобы „церковники,

---

(¹). Полное заглавіе книги: «Первое ученіе отрокомъ, въ немъ же буквы и слоги. Таже краткое толкованіе законнаго девятословія, молитвы Господней, символа вѣры и девяти блаженствъ съ присовокупленіемъ діалогисма, сіесть бесѣды о догматѣхъ православ. церкви. Изд. СПБ. 1819 г.

отроковъ учащіи, сами сія толкованія (десятословія, молитвы Господней, символа вѣры и блаженствъ) наизустъ изучили, дабы могли лучше учити отроковъ". А для вящаго уразумѣнія этихъ толкованій, Θеофанъ въ концѣ книги предлагаетъ „Діалогисмъ, сіесть бесѣду о догматѣхъ православ. церкви". „Діалогисмъ" распадается на двѣ большихъ бесѣды: 1) „о Возѣ, созданіи міра и смотрѣніи общемъ", 2) „о смотрѣніи Божіемъ спасительномъ" (относящимся къ человѣку). Эти бесѣды въ свою очередь раздѣлены на части. Часть 1 первой бесѣды: „о Возѣ яко есть, и единъ есть, и каковъ есть въ существѣ и свойствахъ своихъ"; часть 2: „яко Богъ тройственъ есть въ лицахъ"; часть 3: „о созданіи міра и общемъ смотрѣніи". Часть 1 второй бесѣды: „о человѣцѣ первомъ прежде паденія"; часть 2: „о человѣцѣ согрѣшившемъ", часть 3: „о милосердіи Божіи къ падшему человѣку и о его спасеніи воплотившимся Сыномъ Божіемъ и о прочихъ, смотрѣнію сему свойственныхъ, обстоятельствахъ". Эта часть еще подраздѣлена на рубрики: „о милосердіи Божіи на грѣшники; о воплощеніи Сына Божія; о двоихъ естествахъ въ Христѣ и о единомъ лицѣ; о спасительномъ ходатайствѣ Христовомъ; о вѣрѣ спасительной; о таинствахъ; о церковномъ строеніи и—о будущихъ послѣднихъ".

„Первое ученіе отрокомъ", повторимъ здѣсь,—одно изъ типичнѣйшихъ произведеній петровской литературы, характернѣйшій памятникъ эпохи, когда десятки лѣтъ хотѣли замѣнить мѣсяцами, обширныя системы маленькими книжицами съ тѣмъ, чтобы наверстать потерянное время, сдѣлать многое при ничтожныхъ средствахъ. Необъемистая книжка Прокоповича хотѣла изобразить собою сокращеніе двухъ громадныхъ богословскихъ наукъ съ самымъ богатымъ содержаніемъ и напоминаетъ нынѣшній катихизисъ. Сравнивая выписанные сейчасъ заголовки изъ „Діалогисма" съ планомъ догматической системы Θеофана, нельзя не видѣть, что они сходны между собою по внутреннему построенію, основаны на

одномъ и томъ же дедуктивномъ методѣ богословствованія. Поэтому уже можно себѣ представить, до чего сжато изложено хрпстіанское вѣро-и-право-ученіе въ „Діалогисмѣ". Догматическая система Прокоповича занимаетъ три большихъ волюмена; если исключить изъ нея полемическій отдѣлъ, она сократится до двухъ томовъ, а „Діалогисмъ" помѣстился на сорока небольшихъ листикахъ! Страницы съ пятью строчками текста и съ сплошными цитатами встрѣчаются въ немъ постоянно (1). Вообще, онъ представляетъ собою сборникъ хорошо связанныхъ цитатъ изъ св. Писанія съ прибавленіемъ иногда указаній на святоотеческія творенія, расположенныхъ по рубрикамъ обдуманной богословской системы, неразъясненныхъ достаточно для неподготовленнаго читателя, а „отрокамъ" безъ руководства совсѣмъ непонятныхъ. На добрыхъ же руководителей въ школахъ расчитывать было трудно. — Остальныя части книжки — такого же свойства. Въ нихъ находимъ иногда мысли, полное усвоеніе которыхъ возможно только при знакомствѣ съ церковной исторіей и философіей (2). Мы не хотимъ сказать, что въ „Первомъ ученіи отрокомъ" все непонятно для обучающагося юноши, но первоначальнымъ руководствомъ его назвать нельзя и отсылать „отроковъ" послѣ этой книжки къ изученію молитвъ и псалмовъ, какъ дѣлаетъ Θеофанъ, нерезонно.—Слѣды времени замѣтны и въ самомъ содержаніи разсматриваемаго произведенія, въ развитіи его мыслей. Къ грѣшникамъ противъ первой заповѣди относятся, между прочимъ, суевѣры. Вотъ какъ характеризуетъ ихъ Θеофанъ: „Суевѣрцы, яковіи и между христіаны обрѣтаются, которіи силу нѣкую вредную или полезную восписуютъ вещамъ или лицамъ нѣкіимъ. Напримѣръ: разсуждаютъ, который день къ начинанію дѣла счастлизый и который не счастливый

(1) См., напр., Первое уч. отр. листы 90 и 92.

(2) Тамъ же, л. 11.

есть, кто въ стрѣчу добръ и кто не добръ, волхвуютъ же или волшебствамъ вѣрятъ. сны толкуютъ и прочая... Все же то всуе вѣруется, что не по слову Божію, но легкомысленнымъ разсказамъ и по бабьимъ баснямъ вѣруется". (1) Рѣчь направлена противъ раскольническихъ и вообще народныхъ предразсудковъ, о которыхъ Ѳеофанъ часто говоритъ и въ своихъ проповѣдяхъ. Нарушителями третьей заповѣди, между прочимъ, называются „они проклятіи лестцы, которіи иконамъ святымъ, или мощамъ, или мѣсту некоему притворяютъ чудеса и откровенія, или ложныя обносятъ мощи подъ именемъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, или и самихъ себе окаянніи славятъ провидцами и чудотворцами. Подобнѣ и они на Бога лгутъ, которіи ложныя или суевѣрныя догматы учатъ за истинныя, съ вѣдѣніемъ своимъ противъ совѣсти своея" (2). — Самый тонъ рѣчи показываетъ Ѳеофанову руку — тяжолую, немилующую. Языкъ у Ѳеофана отличается здѣсь простотой и живостью. — Изданіе „Первага ученія отрокомъ" имѣло свою исторію. Ему предшествовало давнишнее желаніе государя „краткія поученія людемъ сдѣлать (понеже ученыхъ проповѣдниковъ зѣло мало имѣлось), также сдѣлать книгу, гдѣ изъяснить: что непремѣнный законъ Божій, и что совѣты, и что преданія отеческія, и что вещи срединя, и что только для чину и обряду сдѣлано, и что непремѣнное и что ко времени и случаю примѣнялось, дабы знать могли, что въ какой силѣ имѣть" (3). Въ Регламентѣ проэктировалось издать „три книжицы; первую о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры нашей, такожъ и заповѣдяхъ Божіихъ въ десятословіи заключенныхъ; вторую — о собственныхъ всякаго чина должностяхъ; третью таковую, въ которой собраны будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя

(1) Тамъ же, л. 10.

(2) Тамъ же, л. 15.

(3) Пекар. I. 181.

проповѣди, какъ о главнѣйшихъ догматахъ, такъ и наипаче о грѣхахъ и добродѣтеляхъ и собственно о должностяхъ всякаго чина. Первую и вторую книжицу, говорится въ Регламентѣ, могутъ и дѣти учить изъ начала букварнаго своего ученія". „Ученіе отроковъ" удовлетворило отчасти нуждѣ, по которой задуманы были означенныя книжицы (оно читалось даже по церквамъ) и если на первыхъ порахъ не было повсюду распространено, то лишь потому, что отпечатано было не въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ, хотя, съ другой стороны. на первыхъ порахъ же не всѣ отнеслись къ нему благосклонно. Появилась критика, обвинявшая автора букваря въ томъ, что „во всѣмъ ономъ катихизисѣ нигдѣже о крестѣ не вспоминается", тогда какъ мы, „православніи христіане ничтоже древнѣе, ничтоже первѣе и ничтоже потребнѣе имамы, паче святаго и спасительнаго креста"; съ него, по мнѣнію критика, и нужно всегда начинать обученіе дѣтей. „Азъ мню быхъ, замѣчаетъ онъ, яко для вящей краткости оставлено, что же инїи разумѣютъ, они знаютъ". Краткія, приличныя случаю молитвы, предпосланныя Θеофаномъ букварю, не спасли его отъ подозрѣнія. „Аще бы кто нынѣ (говоритъ критикъ) инымъ, кромѣ сего (издавна установившагося пріема обученія—чрезъ молитвы и псалмы), ученіемъ отроковъ усиливался привести чинъ, хотя бы благочестивымъ и ревностнымъ сіе началъ бы тщаніемъ, обаче едва или никакоже могъ бы избыти порока подозрѣнія, кольми паче новоизобрѣтатель, или древняго обычая истребитель мнимъ и презираемъ былъ бы". Ужъ такое тревожное, безпокойное было время! Въ отвѣтѣ на эту критику, съ надписью „отъ Прокоповича", всѣ „пренятія прекословіемъ толь неискусным и неправеднымъ", т. е. всѣ нападки на букварь Θеофана, объясняются двумя невѣжествами—грамматическимъ и богословскимъ (1).

Изъ руководствъ по грамматикѣ, изданныхъ въ петровскій періодъ, болѣе употребительны были два.

(1) Пекар. I, 178—81.

Во первыхъ, „грамматика славянская“, составленная справщикомъ московской типографіи Ѳедоромъ Поликарповымъ (изд. 1721 г.) и по содержанію очень близкая къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, за исключеніемъ предисловія, гдѣ, вмѣсто панегирика этой наукѣ, изложены были причины новаго изданія руководства: прежнихъ изданій—де слишкомъ мало, а спросъ на грамматику сталъ большой, послѣ того какъ государь задался цѣлію образовать своихъ подданныхъ и съ этою цѣлію посылаетъ ихъ заграницу, чтобы потомъ сдѣлать ихъ переводниками, которымъ, конечно, прежде всего необходимо основательное знакомство съ роднымъ языкомъ. Учитель новгородской школы, иподіаконъ Ѳедоръ Максимовъ отзывался о произведеніи Смотрицкаго, какъ объ учебникѣ въ высшей степени трудномъ, слишкомъ пространномъ и мало понятномъ во многихъ мѣстахъ. Вслѣдствіе чего онъ рѣшился самъ „собрати отъ различныхъ вкратцѣ грамматику, съ приложеніемъ простыхъ реченій, понеже (въ прежней) содержались славянскія речения, россійски въ малѣ разумѣваема“. Его трудъ и былъ другимъ учебникомъ грамматики, довольно распространеннымъ. Онъ представляетъ уже значительныя перемѣны сравнительно съ грамматикой Смотрицкаго. Въ немъ прибавлено двѣ новыхъ главы: „о согласіи“ (согласованіи словъ) и „о видномъ или чиновномъ сочиненіи глаголовъ (о падежахъ, требуемыхъ различными видами глаголовъ). Сокращая грамматику Смотрицкаго, Максимовъ отмѣнилъ ея вопросоотвѣтную форму, упитожилъ мимо-славянскій членъ (иже, яже, еже), относя его къ мѣстоименіямъ, опустилъ лишнія дѣленія и подраздѣленія въ трактатѣ объ именахъ и глаголахъ, вмѣсто прежнихъ шести временъ глагола, призналъ четыре, трактаты „о синтаксіи образной“ и „о просодіи стихотворной“ выпустилъ, замѣнивъ послѣдній изъ нихъ правилами о слогоудареніи и знакахъ препинанія (которыя у Смотрицкаго помѣщались въ отдѣлѣ орфографіи),

наконецъ, прибавилъ новую часть рѣчи — междометіе и назвалъ нарѣчіе надглаголіемъ. Замѣчательна, говоритъ Пекарскій, попытка Максимова изложить правила не только книжнаго, но и разговорнаго, т. е. русскаго языка.

Вотъ что говоритъ самъ авторъ о перемѣнахъ, сдѣланныхъ имъ въ грамматикѣ, и о руководившихъ имъ побужденіяхъ. „Въ сочиненіи же тоя (грамматики) присовокупишася нѣкая правила, ибо многая употребленія обносима зрятся, а правилъ себѣ въ славянстей грамматицѣ не имѣютъ; отъ нихъ же едино на прикладъ (напримѣръ) здѣ предлагается: Давидъ роди Соломона отъ уріины. Се полагается едино имя прилагательное со отъятіемъ существительнаго, еже прислышимо бываетъ сіе: жены; но и простѣ употребляется по сему правилу, якоже сіе: держи обѣма, приразумѣвается существительноя сіе: рукама. Положишася же свойства нѣкая еврейская и греческая, яже въ св. писаніи на славянскомъ діалектѣ премногая зрятся, а како правилами употребляются—не объяснено, къ вѣденію же въ грамматицѣ весьма нужная, ибо невѣдущему сихъ въ писаніи разсуждати и разбирати вельми трудно и смущенно, что въ припоказъ, (для наглядности) единаго еврейскаго свойства правило предлагается: будутъ два въ плоть едину, и аще имать по славянстей грамматицѣ разбиратися, будетъ неправильно, понеже глаголъ существительный и предъ собою и по себѣ взыскуетъ падежа именительнаго, а здѣ по глаголѣ лежитъ винительный со предлогомъ *во*. а не именительный; славянски же употребляется сице: будутъ два плоть едина.... Таже стихотворная просодія славяномъ, яко ненужна и едва употребляема, оставися, а яко и зрятся нѣкіе стихи. равносложнѣ и подобоокончательнѣ славяны употребляемые, но сіи токмо содержатъ роды піитическіе, а мѣра въ нихъ весьма не хранится“ и т. д. (1). Съ разрѣшенія св. Синода

(1) Пекар. I, 285—6, а также Христ. Чт. 1877 г. Мартъ—апрѣль, «Новгородскія епархіальныя школы въ петровскую эпоху», 362—5

руководство Максимова было издано въ ноябрѣ 1723 года подъ заглавіемъ: „Грамматика славянская, вкратцѣ собранная въ греко-славянской школѣ, яже въ Великомъ Новгородѣ при домѣ архіерейскомъ".

Черниговскій архіепископъ и потомъ митр. тобольскій Іоаннъ Максимовичъ († 1715) въ предисловіи къ составленному имъ лексикону, или латино славянскому словарю, высказываетъ удивленіе, что до его времени языкознаніе въ Россіи далеко не процвѣтало. Этотъ фактъ исторически онъ объясняетъ тѣмъ, что Россіи въ старину, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, было не до языковъ, не до школьнаго ученія, которое вытѣснялось ученіемъ воинскимъ. Духовенству ближе всего было бы заняться наукой, но оно коснѣло въ невѣжествѣ и, кромѣ церковныхъ книгъ, ничего не хотѣло знать. Только въ Кіевѣ благодаря Петру Могилѣ, нашелъ себѣ пріютъ латинскій языкъ; отсюда онъ перенесенъ и въ Москву, но преподаваніе его здѣсь, за недостаткомъ хорошихъ учителей, грамматикъ и лексиконовъ, не могло быть успѣшно. Выводъ у Максимовича таковъ, что-де нужно позаботиться о составленіи означенныхъ руководствъ къ языкознанію.—Въ московской академіи, основанной Лихудами, дѣйствительно, латинскому языку не посчастливилось; хотя онъ и былъ введенъ, но его оттѣснялъ на второй планъ языкъ греческій, родной ученымъ братьямъ. Памятниками усердныхъ педагогическихъ занятій Лихудовъ остались учебники по разнымъ предметамъ академическаго курса, между которыми оказываются и грамматики греческая и латинская. Послѣдняя написана по источникамъ греческимъ и итальянскимъ и представляетъ собою не полное руководство, сборникъ грамматическихъ уроковъ, раздѣленныхъ на три части — по числу трехъ классовъ, гдѣ ихъ нужно было преподавать. Это внѣшнее дѣленіе произвело безсистемность въ изложеніи правилъ, смѣшеніе этимологіи съ синтакси-

сѣмъ (¹). Греческихъ грамматикъ Лихуды составили двѣ—краткую для учениковъ перваго класса (infima) и болѣе обширную для риторовъ (²). Обѣ онѣ въ основѣ имѣютъ грамматику *К. Ласкаря* изданную въ Венеціи 1673 г. Разница между ними обусловливалась въ одномъ случаѣ сокращеніемъ источника и своеобразнымъ способомъ изложенія (сократическимъ), а въ другомъ—дополненіями къ нему, принадлежащими самимъ Лихудамъ. Руководства бр. Лихудовъ къ изученію классическихъ языковъ *остались въ рукописяхъ и не имѣли широкаго примѣненія въ духовныхъ школахъ.* Съ переходомъ Лихудовъ въ Новгородъ, ихъ грамматики явились и тамъ, но въ печать опять не угодили. Первыми печатными учебниками, по словамъ Пекарскаго, нужно считать книги, изданныя Копіевскимъ въ Голландіи—славянскую и латинскую грамматику и вокабулы. Славянская грамматика составляетъ краткое извлеченіе изъ грамматики Смотрицкаго съ приложеніемъ въ концѣ „изображенія разговоровъ къ удобнѣйшему познанію языковъ“ (латинскаго, нѣмецкаго и русскаго). Грамматика страдала отсутствіемъ отчетливости и толковитости: требованія языка не выяснялись въ ней, и ученикъ не имѣлъ средствъ добраться до основнаго смысла „разговоровъ“, не понималъ цѣли ихъ изученія. Латинское руководство было составлено лучше. При всей краткости правилъ, хорошо подобранные примѣры представляли учащемуся суть дѣла довольно наглядно и связно. Самъ Копіевскій, судя по предисловію, придавалъ большое значеніе „прикладамъ или образомъ, чрезъ всѣ части этымологіи проведеннымъ“, и надѣялся что „во единѣмъ часѣ совершенъ всякъ юноша разрѣшити всякое имя и слово возможетъ“—по изученіи его грамматики. Вокабулы были не что иное, какъ собраніе различныхъ словъ, часто

(¹) Исторія москов. академіи Смирнова, 47—50.

(²) И та и другая—на греческомъ языкѣ.

употребительныхъ въ разговорѣ и размѣщенныхъ по разнымъ отдѣламъ грамматики. Первымъ, отпечатаннымъ въ Россіи руководствомъ къ изученію латинскаго и греческаго языковъ, служитъ изданный въ 1701 году Ѳ. Поликарповымъ „Алфавитарь, рекше букварь словено-греко-латинскій“,—только тѣмъ и замѣчательный, что впервые ознакомилъ русскую (московскую) типографію съ иностранными шрифтами и черезъ это сдѣлалъ ее орудіемъ къ распространенію языкознанія, хотя и не въ большихъ размѣрахъ. Начинается онъ предисловіемъ гдѣ разсказывается о сошествіи св. Духа на апостоловъ, воздаются похвалы царю, прославляющему имя Божіе и умножающему вѣру посредствомъ книгъ, печатанныхъ въ Московской типографіи и сообщается, что букварь составленъ въ чисто-православномъ духѣ,—безъ выдержекъ изъ языческихъ писателей. Прибавленіе въ немъ, сравнительно съ прежними букварями (1), составляютъ стихотворенія Гр. Назіанзена, поученія Василія В. „къ юнымъ“ и т. п. Приложены къ нему и картинки педагогически-внушительнаго содержанія, о которыхъ намъ приходилось уже упоминать, — черта старинныхъ учебниковъ.—Въ 1704 г. отпечатанъ въ москвѣ „Лексиконъ трезычный, сирѣчь реченій славянскихъ, еллино-греческихъ и латинскихъ сокровище“. Составлялъ его тотъ же трудолюбивый Поликарповъ, но не одинъ; — въ его исправленіи и дополненіи принимали участіе м. Стефанъ Яворскій, Рафаилъ Краснопольскій и бр. Лихуды. Въ предисловіи Поликарповъ обращается „съ увѣщательнымъ извѣщеніемъ“ къ читателямъ и доказываетъ необходимость изученія трехъ избранныхъ имъ языковъ. Славянскій языкъ, разсуждаетъ онъ, заслуживаетъ вниманія потому, что отъ него произошло множество языковъ, и самое имя его происходитъ отъ „слава“. Греческій языкъ важенъ, такъ какъ съ него

(1) О нихъ см. у Пекарскаго, I, 167 и дал.

переведены свящ. книги. Латинскій языкъ полезенъ и художнику и воину, потому что принятъ „въ гражданскихъ и школьныхъ дѣлѣхъ“. Знаніе языковъ (вообще полезно тѣмъ, что искореняетъ вѣры злочестивыя; и не мало бы иноземцевъ, имѣя руководство къ изученію славянскаго языка, приходило въ благочестіе“, говоритъ увлеченный важностію своего труда авторъ. Знаніе языковъ, продолжаетъ онъ, одобрялъ самъ Спаситель; добрый примѣръ и плоды языкознанія мы видимъ на семидесяти толковникахъ (1) Не отличаясь особенною полнотою, лексиконъ Поликарпова, тѣмъ неменѣе не терялъ значенія до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Къ концу царствованія Петра, изданъ былъ лексиконъ—латинославянскій—съ подписью Іоанна Максимовича. Упомянутое уже нами предисловіе къ этому лексикону такъ выражаетъ побужденія автора написать его. „Въ училищахъ тако ради удобнѣйшаго ученія, яко и скорѣйшаго языку латинскому навыкновенію, двѣ наипаче, по согласію всѣхъ въ семъ дѣлѣ, искуснѣйшія нужды быти мнятся: первая — да всякую вещь и дѣйство ученикъ прямымъ реченіемъ латинскимъ нарещи, или что тоже есть всякое реченіе славянское или россійское по латинѣ сочинити умѣлъ бы. Вторая—да реченія латинская склоняти и по правиламъ грамматическимъ, такожде и по свойству латиновъ, сочинять умѣлъ бы. Въ сей второй нуждѣ учителевъ должность есть: книги грамматики латинскія по своему произволу избрати, регулы толковати, регулами же необъятная особь показывати и неудоборазумѣваемыхъ словъ и сказаній толкъ изъяснити. Первая же, самимъ учащимъ надлежащая вина, во еже ихъ ко удобнѣйшему языка латинскаго познанію пользу воспріяти, весьма колеблется (грамматики есть — де въ нашихъ школахъ, а лексиконовъ почти нѣтъ), и аще нѣкто (т. е. Поликарповъ) лексикономъ

(1) Пекар. I, 191.

славено—греко—латинскимъ, здѣ въ Москвѣ печатнымъ, ради преложенія съ славянскаго на латинскій своихъ экзерцицій, новоучащихся и вспомогалъ, обаче симъ, въ высшія школы преходящимъ, егда налагается чтеніе книгъ латинскихъ, сколь неудобно и едва возможно есть въ школахъ невученная, но ниже когда слышанная речепія разумѣти, разумъ творческихъ поняти и что прямо тая разсуждати, не сущу лексикону латино славянскому" (1). При собираніи лексикографическаго матеріала и при систематизаціи его Максимовичъ понесъ много тяжелаго, кропотливаго труда. Матеріалъ ему давали русскія и греческія книги и нѣсколько словарей, а расположилъ онъ его по образцу латино-польскаго словаря Гр. Кнапія, въ свое время очень распространеннаго. Лексиконъ вышелъ объемистый и обработанный добросовѣстно, съ дѣльнымъ предисловіемъ (2).

Изученіе пінтики, реторики, логики, психологіи и физики началось въ московской академіи съ Лихудовъ; отъ нихъ первыхъ остались и руководства по этимъ предметамъ, руководства не отпечатанныя, какъ и упомянутыя выше греческая и латинская грамматики. Первыя три преподавались на греческомъ языкѣ, психологія и физика — на латинскомъ. Главнымъ авторитетомъ у ученыхъ братьевъ служилъ Аристотель; онъ давалъ имъ и матерію и форму для ученой работы; только образцы краснорѣчія и другіе примѣры Лихуды съ бо́льшею охотою брали изъ святоотеческихъ твореній, находя это болѣе умѣстнымъ и полезнымъ въ духовной школѣ. Во второмъ періодѣ своего существованія (съ преобразованія при Петрѣ В.) московская академія имѣла у себя уже не двоихъ-троихъ, а много ученыхъ наставниковъ по разнымъ предметамъ, которые, помимо руководствъ, принадлежавшихъ Лихуды,

---

(1) Тамъ же, 194—195.

(2) Тамъ же, 196.

дамъ, занялись составленіемъ новыхъ учебниковъ по доступнымъ имъ источникамъ. Но, съ одной стороны, потому, что всякій профессоръ любилъ преподавать по своимъ запискамъ, оставляя въ забвеніи труды предшественника, съ другой — потому, что записки рѣдко попадали подъ типографскій станокъ, большая часть ихъ осталась въ малоизвѣстныхъ рукописяхъ, а нѣкоторыя и совсѣмъ затерялись, такъ что хронологически—постепеннаго преемства въ учебникахъ со времени Лихудовъ до конца разсматриваемаго нами періода не оказывается.—Въ уцѣлѣвшихъ трудахъ находится мало самостоятельнаго и характернаго для эпохи; духовная высшая школа жила особнякомъ и рѣдко отражала въ себѣ интересы и перевороты кипучей государственной жизни; въ то время, когда Россія, въ лицѣ правительства, старалась стряхнуть съ себя обветшалыя формы существованія и жадно стремилась къ новизнѣ, представители нарождавшейся духовной школы рады были обосноваться на старыхъ авторитетахъ и усвоить ихъ, такъ какъ на этихъ авторитетахъ они сами воспитались и созрѣли умственно. Если и были попытки самостоятельнаго исканія истины, чисто философскаго отношенія къ дѣлу науки, то они не приводили ни къ чему существенно-важному и ограничивались незначительными измѣненіями въ учебникахъ— опять таки подъ вліяніемъ какихъ либо иностранныхъ руководствъ, написанныхъ, въ свою очередь, подъ вліяніемъ Аристотеля. „Сей несравненный мужъ“ служилъ краеугольнымъ камнемъ академической философіи которая, распадаясь на нѣсколько частей, заключала въ себѣ и логику, и діалектику, и метафизику съ физикой. Какъ на образецъ, можно указать на философскіе уроки Ѳеофилакта Лопатинскаго подъ обширнымъ заглавіемъ: „Trivium Aristotelis, ab Alcide Roxolano biennio decurrendum, sive tres philosophiae species: logica, phisica et metaphisica, Athenis Alexievicianis, sacrae Tsareae, Majestatis Moschoviensibus, prelucente Iavorsciana Cynthia, elucidari et publice tradi coeptae

anno 1704. nona Septembris". Въ этомъ же родѣ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, остались записки: „Speculum. viritatem scientiarum repraesentans sev summulae logicalis, anno verbi incarnati 1708 expositae": „Tractatus phisiens in octo libros phisicorum Aristotelis an. 1710. De ente vero et ente bono. De anima",— (лекціи префекта Стефана Прибыловича) и „Universa Aristotelis philosophia, ad regulam christianae veritatis conformata a reverendo patre et prophessore erudito hujsque philosophiae doctore Gedeone Wisszniowsky scripta in collegio Caesareae Majestatis Mosquensi. anno 1717 et sequenti" (¹) Разсуждая объ обязанности философа искать истину самостоятельно, Ѳ. Лопатинскій говорилъ: „хотя мы уважаемъ всѣхъ философовъ, а преимущественно Аристотеля, однакожъ, не утверждаясь на древнихъ мнѣніяхъ, но желая узнать чистую истину, не полагаемся ни на чьи слова. Философу свойственно довѣрять болѣе разуму, чѣмъ авторитету, потому что привязанность къ тому или другому автору не разъ извращала правильный выборъ мнѣній и дѣлала изъ ученыхъ обезьянъ. Умъ былъ не у одного Платона или Аристотеля; учителіе прежде насъ не суть властелины наши, но только вожди. Истина открыта для всѣхъ и еще не исчерпана: многое осталось отъ нея и для будущихъ поколѣній". — Но, возражая противъ рабскаго подчиненія древнимъ мыслителямъ на словахъ, Ѳ. Лопатинскій, равно какъ и его сотрудники по каѳедрѣ, на дѣлѣ не въ силахъ были освободиться отъ подражанія ихъ системамъ и всегда имѣли послѣдніе мѣриломъ, критеріемъ правильности собственнаго научнаго мышленія; авторитеты, признанные схоластикой и сильно подорванные на западѣ философіей Декарта, въ Россіи только еще, такъ сказать, заподозривались, а соперниковъ пока не имѣли, и сомнѣніе въ ихъ непогрѣшимости было на

(¹) Исторія москов. академіи, Смирнова М. 1855; стр. 138 и дал.

столько же сознательно, на сколько прежде было сознательно благоговѣніе предъ ними. Въ тѣхъ же самыхъ лекціяхъ, гдѣ тамъ смѣло высказывался Θеофилактъ о Платонѣ и Аристотелѣ, обнаруживается и его непривычка мыслить самостоятельно, робость передъ „открытой для всѣхъ истиной," которую требовалось найти. Радикализмъ упоминаемаго имъ Декарта, хотя и придалъ ему долю храбрости въ обращеніи съ Аристотелемъ, но положеніе „cogito, ergo sum" въ его системѣ прозвучало бы фальшиво, если бы онъ вздумалъ его употребить. Даже любимое выраженіе академическихъ профессоровъ—amicus Plato, sed magis amica veritas—не совсѣмъ гармонировало съ общимъ характеромъ ихъ уроковъ, которые и по формѣ не были оригинальны, сохранивъ всѣ типическія черты западной схоластики, страдавшей излишнею привязанностью къ дѣленіямъ и подраздѣленіемъ и подчинявшей содержаніе формѣ. У Θ. Лопатинскаго философія раздѣлена на созерцательную (speculativam) и дѣятельную (practivam); къ первой относилась метафизика, ко второй—логика съ этикой. Логика отнесена къ послѣдней части на томъ основаніи, что духовная дѣятельность человѣка состоитъ изъ суммы дѣйствій ума и воли. За введеніемъ, у него слѣдуетъ dialectica, или logica minor, разсуждающая о трехъ дѣйствіяхъ ума—о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Logica major разсуждаетъ о тѣхъ же дѣйствіяхъ, только пространнѣе, обстоятельнѣе. Въ ней сообщаются предварительныя свѣденія о свойствѣ, предметѣ и раздѣленіи логики; въ ней есть полемическая часть; сухія формы мышленія, представленныя въ діалектикѣ, она подробно изслѣдуетъ и узаконяетъ научными доказательствами. „Въ содержаніи логики, говоритъ Смирновъ, схоластика болѣе, чѣмъ въ другихъ наукахъ, отпечатлѣла свой тяжелый характеръ; она наполнила ее пустыми формами и отвлеченностями, трудными для изученія; если взять въ разсмотрѣніе даже тѣ части ея, которыя оживлены множествомъ примѣровъ, и тутъ въ разнообразіи формъ запутывается мысль; такова, напр., глава о видахъ силло-

гизмовъ, послѣ Аристотеля до крайности распространенная Галеномъ и схоластиками". Сознавая ненужность и трудность для запоминанія логическихъ мелочей, Θеофилактъ однако всѣ ихъ помѣстилъ въ своей системѣ.—За логикой у Лопатинскаго слѣдуетъ физика, начинающаяся вопросами о началахъ вещей; кромѣ аристотелевскихъ изслѣдованій въ этой области, у него приводятся мнѣнія новѣйшей науки и проводится критическій взглядъ на нихъ съ точки зрѣнія христіанства. Изслѣдовавъ вопросы о природѣ вообще, о ея свойствахъ сходныхъ и противоположныхъ, о силѣ и дѣйствіяхъ искуства, Θеофилактъ беретъ на себя задачу объяснить удивительныя явленія въ природѣ, на что посвящаетъ особый трактатъ—о естественной магіи, отличающійся обычною схоластическою дробностью. Вторая часть физики Лопатинскаго работаетъ въ совершенно отвлеченной области, занимается вопросами: о причинѣ и дѣйствіи вообще, о дѣйствующей причинѣ сотворенной и несотворенной, о томъ, какъ Богъ вступаетъ въ сношенія съ тварями, о твореніи, сохраненіи, о причинахъ формальной и конечной. Третья часть изслѣдуетъ свойства тѣлъ—движеніе, покой, трактуетъ о пустотѣ и т. д. Вопросъ о времени заканчиваетъ физику. — Метафизика разсуждаетъ: о существѣ вообще, о существѣ возможномъ и дѣйствительномъ, о свойствахъ существа, о субстанціи, о Богѣ и ангелахъ, о противоположностяхъ сущаго, объ отрицаніи существа, о существѣ химерическомъ. Вдаваясь часто въ мелочи и не провѣряя источниковъ естествознанія, Θеофилактъ излишне осложнилъ и запуталъ планъ своей метафизики и далъ въ ней мѣсто невѣроятностямъ.— Ивики въ лекціяхъ Лопатинскаго не оказывается; но, для полноты обзора философскихъ уроковъ въ московской академіи, ея историкъ изложилъ содержаніе этой науки по урокамъ Козловича и Каллиграфа, составленнымъ гораздо позже разсматриваемаго нами періода (въ половинѣ 18 ст.) и по характеру своему свидѣтельствующимъ, что въ эту пору профессора ака-

деміи, подъ вліяніемъ западной философіи, пріобрѣли больше самостоятельности, стремились къ сжатости изложенія и правильности его, сокращая уроки, въ виду опредѣленнаго учебнаго времени (¹) —Лекціи по философіи Ѳ. Лопатинскаго могутъ характеризовать для насъ того же рода записки и другихъ наставниковъ академіи, ближайшихъ къ нему по времени. „Нельзя сказать, замѣчаетъ Смирновъ, чтобы записки ихъ были списками съ одного учебника: всякая система отличается по изложенію и объему. Видно, что каждый наставникъ желалъ быть самостоятельнымъ и не хотѣлъ вполнѣ руководствоваться системой своего предшественника; но основаніе было одно—книги Аристотеля и комментаріи на нихъ, составленные во множествѣ перипатетиками среднихъ вѣковъ; оставалось по этому строго опредѣленному плану строить зданіе науки, и наставники не отступали отъ него въ существенныхъ пунктахъ. Они только разнообразили языкъ, сокращали, переставляли трактаты изъ одного мѣста въ другое, что и замѣтно во всѣхъ учебникахъ академіи".

2) **Сочиненія по догматическому богословію.** Первымъ по времени руководствомъ по догматическому богословію для московскихъ учителей были лекціи по богословію Іоасафа Кроковскаго († 1718), бывшаго ректоромъ кіевской коллегіи, а потомъ кіевскимъ митрополи-

(¹) Планъ вонки Коллиграфа: Часть I: Philosophia practica universalis. Гл. 1, de actionibus humanis earumque differentia. 2, de obligatione. 3, de lege naturae. 4, de poenis et praemiis. 5, de virtute et vitio hominisque felicitate. 6, de conscientia. 7, de imputatione. Ч. II: гл. 1, de officiis erga Deum, 2,—erga se ipsum. 3,—erga alios. Ч. III: гл. 1, de virtutis studio. 2, de medio intellectus perficiendi, 3, de moderandis affectibus. 4, de temperatia. 5, de castitate, 6, de diligentia, liberalitate et parsimonia, 7, de modestia. 8, de virtutibus in fortuna secunda et adversa. Ч IV: гл.1, de idea Ecclesiae, 2, de potestate ecclesiastica. 3, de potestate conciliorum,. 4, de potestate excommunicandi. 5, de membris Ecclesiae, 6, de jure officioque docentium, 7, de jure et officio antistitum.

томъ, подъ заглавіемъ: Tractatus theologici in collegio Kiewo—Mogiliano traditi et explicati. Всѣхъ богословскихъ трактатовъ у Крокорскаго, кромѣ небольшаго введенія, двѣнадцать. Приступая къ дѣлу, Іоасафъ отказывается начинать богословіе „отъ перваго начала всѣхъ вещей Тріединаго Бога“, потому что это трудно; да и не все ли равно, разсуждаетъ онъ потомъ, вѣдь Богъ (начало) есть въ тоже время и конецъ всего,— почему же Имъ не кончить? Онъ намѣренъ прямо обратиться къ раскрытію догмата о воплощеніи Бога Слова и таинствъ, Имъ установленныхъ. Начинаетъ Кроковскій все-таки съ того, что объясняетъ своимъ слушателямъ смыслъ названія „theologia“, указываетъ предметъ науки, ея значеніе и раздѣленіе (богословіе дѣлился на умозрительное и дѣятельное) и заключаетъ все это неожиданнымъ посвященіемъ лекцій Богу. „Вѣруемъ, Треблагій, говоритъ онъ, что четыре таинственныхъ животныхъ, образовавшихъ собою четырехкольную колесницу, какъ показываетъ намъ священная страница въ книгѣ (Іез. X, 9 — 15), приносятъ тебѣ торжественныя хваленія; вотъ и мы теперь посвящаемъ четырехкольную колесницу, т. е. четырехлѣтнія наши занятія богословіемъ, при Твоемъ содѣйствіи, для храненія, умноженія и возвышенія Твоей божественной славы“.—Руководясь въ составленіи плана своихъ уроковъ какимъ-то непонятнымъ капризомъ, Кроковскій запуталъ его. Трудность разсмотрѣнія догмата о св. Троицѣ была не устранена имъ, а только отложена, между тѣмъ какъ употреблявшаяся до него система преподаванія богословія, послѣдовательная и гладкая съ формальной стороны, была нарушена, слѣдствіемъ чего явилась необходимость строить фальшивые переходы отъ одного трактата къ другому, изворачиваться на словахъ, хитрить съ слушателями. Послѣ разсужденій о воплощеніи, Кроковскій говоритъ: „въ предшествующемъ трактатѣ мы разсуждали о Словѣ воплощенномъ, какъ о сынѣ человѣческомъ по описанію Іоанна Богослова (Апокал. 1, 13), описан-

номъ поясомъ златымъ и имѣющемъ главу и власы бѣлые, какъ волна и какъ снѣгъ, и глаза, какъ пламень огненный, т. е. разсматривали Его святость, свободу и другія совершенства. Теперь обратимъ взоры свои на сего же Сына человѣческаго, какъ на ходящаго среди седми свѣтильниковъ златыхъ и держащаго седмь звѣздъ въ десницѣ своей, т. е. какъ на учредителя седми таинствъ въ церкви".—За положительнымъ раскрытіемъ православнаго догмата, у Кроковскаго, обыкновенно, слѣдуетъ отрицательно-полемическое; споръ ведется и съ католиками и съ протестантами; ему придавалось особенное значеніе, такъ какъ православіе на западѣ было въ сильномъ гоненіи. Нравственно-богословскіе вопросы слѣдовали наряду съ догматическими; рѣшеніе тѣхъ и другихъ осложнялось мелочными тонкостями, обличавшими въ кіевскихъ профессорахъ больше праздная любопытства, чѣмъ строгой научности (1)—Изъ богословскихъ уроковъ, читанныхъ въ московской академіи, извѣстны лекціи того же Ѳ. Лопатинскаго съ названіемъ: „Scientia sacra, disputationibus hteologicis ss. ecclesiae orientalis, scripturae, conciliis et patribus consentaneis, speculative et controverse illustrata in collegio Petro-Alexiewiano Mosquensi an. 1706—10". Полнотою эти лекціи превосходятъ уроки кіевскихъ наставниковъ (2). „Мы приступаемъ къ великому дѣлу,—такъ начинаетъ Ѳеофилактъ свои чтенія. Если сотая часть капли высшаго вѣденія приводитъ нашъ разумъ въ крушеніе, то что ему дѣлать, когда предъ нимъ будетъ безмѣрный океанъ всякаго совершенства? Если малѣйшій атомъ кажется огромною массою, подавляющею умъ человѣка, что сказать, когда онъ представитъ Того, Который держитъ всю вселенную? Не нашего ума это дѣло; это дѣло самаго неизреченнаго Бога, Который одинъ есть достойный

(1) Исторія кіевской академіи, М. Булгакова, стр. 69 и дал.

(2) Тамъ же, стр. 136 и дал.

слушатель своего святаго Слова; не время, а вѣчность нужна для возможнаго человѣку познанія о Богѣ. Размышленіе о Немъ только умножаетъ, а не облегчаетъ трудность. Это испыталъ древній поэтъ Симонидъ, у котораго когда тиранъ Гіеронъ спросилъ: кто Богъ и каковъ Онъ? то онъ просилъ у него два дня на размышленіе и потомъ все откладывалъ отвѣтъ и требовалъ прибавки срока. Удивленный тиранъ спросилъ, наконецъ, его о причинѣ, почему онъ долго не отвѣчаетъ на вопросъ. Симонидъ отвѣчалъ: чѣмъ болѣе я размышляю, тѣмъ труднѣе для меня кажется рѣшеніе вопроса. Итакъ, не полагаясь на свои силы, но испросивъ помощи отъ Господа, начнемъ о Немъ слово". Потомъ авторъ высказываетъ желаніе начать преподаваніе богословія ученіемъ о тріединомъ Богѣ, потому что Онъ есть начало всего и, подобно Кроковскому, строитъ произвольный планъ. „Вопервыхъ, мы будемъ говорить, предупреждаетъ онъ, о Богѣ, какъ Богѣ, т. е. о Его бытіи, сущности и свойствахъ; во вторыхъ, о Богѣ познающемъ, или о знаніи Божественномъ, въ третьихъ, о Богѣ хотящемъ, или о хотѣніи Божіемъ; въ четвертыхъ о провидѣніи Божіемъ, о предопредѣленіи и отверженіи и, ex occasione, о прочихъ свойствахъ, какъ напр., о неизмѣняемости; въ пятыхъ, о Богѣ въ троицѣ. Здѣсь же будемъ разсуждать о Богѣ, какъ существѣ простомъ. А о невидимости Божіей скажемъ въ слѣдующемъ году". Предложивъ такой странный планъ науки, Ѳеофилактъ замѣчаетъ: „Этотъ порядокъ намъ нравится и мы будемъ держаться его", поставляя, такъ. образомъ, систематизацію знанія въ зависимость отъ личнаго своего взгляда, а не отъ логическихъ требованій. Смѣшеніе разнохарактерныхъ вопросовъ у Лопатинскаго—дѣло обыкновенное; таинства отнесены у него къ нравственному ученію въ трактатѣ о вѣрѣ говорится о вѣрѣ, какъ добродѣтели и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о предметахъ вѣры: о Богѣ, откровеніи, преданіи; въ трактатѣ о правѣ и праведности, наряду съ вопросомъ о гражданскомъ и церков-

номъ правѣ, поставленъ вопросъ о правахъ ангеловъ, о правѣ ангеловъ и людей — плодъ схоластическаго любопытства, слѣдствіемъ котораго также являются въ урокахъ Лопатинскаго вопросы, мало вяжущіеся съ серьезнымъ дѣломъ преподаванія богословія, напр. о волшебствѣ и его видахъ. Правда, этотъ вопросъ съ практической точки зрѣнія былъ важенъ въ петровскую эпоху, но мѣсто ему было не въ догматическомъ богословіи. Придерживаясь категорическихъ указаній Аристотеля въ размѣщеніи отдѣловъ науки, Лопатинскій и его товарищи по каѳедрѣ игнорировали природную, внутреннюю зависимость этихъ трактатовъ другъ отъ друга, основанную на ихъ содержаніи. Въ силу того правила, что „образъ ученія о противоположныхъ предметахъ сходенъ“, и что противоположные предметы становятся болѣе ясными, когда „поставляются одинъ подлѣ другаго“, схоластики, незадумываясь, предлагали въ одномъ трактатѣ ученіе о добродѣтели, о порокѣ, оправданіи, благодати и заслугѣ (1). Привнося въ богословскую науку начала діалектическаго ума и не сдерживая любопытства послѣдняго тамъ, гдѣ откровеніе не могло его удовлетворить, излагая систему по категоріямъ Аристотеля, недостаточно сообразуясь съ тѣмъ, какіе предметы для изслѣдованія давала сама библія, схоластика отводила почетное мѣсто въ богословіи тому, что съ точки зрѣнія откровенія не важно, и, на оборотъ, мало останавливалась на богословскихъ вопросахъ, не подходившихъ подъ готовыя рубрики. Въ видахъ примиренія философіи съ богословіемъ, знанія съ вѣрою, схоластика считала себя въ правѣ переполнять страницы богословскихъ системъ нерѣдко мелочными изысканіями естественно-научнаго свойства, при чемъ на достовѣрность этихъ изысканій обращала недостаточно вниманія и допускала въ нихъ много легеп-

(1) Ист. Моск. акад. 140.

дарнаго. Въ разъ опредѣленныя систематическія формы вкладывался громадный и разнородный научный матеріалъ, подвергаясь урѣзыванію, сокращенію тамъ, гдѣ онъ не подходилъ подъ готовую логическую мѣрку. Благоговѣніе передъ формой всегда вредило содержанію, между предметами котораго порывалась естественная связь и устанавливалась фальшивая. За отсутствіемъ свободы въ изслѣдованіи, схоластики, при томъ, рѣдко пользовались свѣжимъ матеріаломъ для построенія новыхъ системъ; они больше писали комментаріи на комментаріи, передѣлывали и перетолковывали старое, упражнялись въ выводахъ однихъ понятій изъ другихъ, въ составленіи силлогизмовъ изъ вербальнаго запаса, въ изобрѣтеніи ловкихъ діалектическихъ оборотовъ. Крупные и мелкіе отдѣлы науки у московскихъ профессоровъ богословія располагались большею частію по слѣд. плану. Ставился очередной для рѣшенія вопросъ; за нимъ слѣдовалъ отвѣтъ въ формѣ нѣсколькихъ положеній, обозначенныхъ цифрами — положеніе первое, положеніе второе и т. д.; далѣе слѣдовали „доказательства“ изъ св. писанія и „подтвержденія“ изъ отеческихъ твореній, сопровождавшіяся иногда мнѣніемъ богослововъ и богословскимъ силлогизмомъ. Рядомъ съ отвѣтомъ на вопросъ идутъ возраженія и ихъ опроверженія, заимствованныя изъ исторіи церковной полемики, или придуманныя вновь. Положительный и отрицательно-полемическій отдѣлы одинаково переполнялись подробностями, выходили растянутыми и значительно запутанными, такъ что студентамъ не удавалось ихъ выслушивать сполна, не смотря на четырехлѣтній курсъ.

Слабыя стороны схоластическихъ богословскихъ системъ легко подмѣтилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ и взялся устранить ихъ въ своихъ богословскихъ трактатахъ, читанныхъ въ кіевской коллегіи. Прежде всего въ этихъ трактатахъ онъ отдѣлилъ богословіе догматическое отъ нравственнаго, спеціализировавъ то и другое и точнѣе опредѣливъ ихъ задачи. Примѣръ

Прокоповича вызвалъ множество подражаній. Съ его трактатами сперва академическіе, а потомъ и семинарскіе преподаватели богословія обходились такъ же, какъ прежде обходились съ схоластическими системами, т. е. ихъ исправляли, сокращали, дополняли, такъ что въ результатѣ система, извѣстная подъ именемъ Ѳеофана, оказывается плодомъ работы цѣлой школы, трудившейся по почину Ѳеофана и по его методу. Такъ какъ самъ Прокоповичъ не окончилъ своей системы, то его послѣдователямъ предстояло, придерживаясь его указаній, сдѣланныхъ въ обширномъ введеніи, восполнить недостающее. Изъ восьми трактатовъ, написанныхъ Ѳеофаномъ, говоритъ Червяковскій, въ несомнѣнно-подлинномъ видѣ до насъ дошолъ только одинъ (¹) Вотъ ихъ перечень: 1) о священномъ писаніи (это введеніе въ богословіе), 2) о Богѣ единомъ 3) о Богѣ троичномъ, 4) объ исхожденіи Св. Духа (особенно много измѣненный), 5) о твореніи и промышленіи, 6) о состояніи невиннаго человѣка, 7) о состояніи человѣка поврежденнаго, 8) о благодатномъ оправданіи грѣшника чрезъ Христа. Во введеніи, состоящемъ изъ 13-ти главъ, послѣ вступительной рѣчи, раскрывающей важность богословія и указывающей условія, безъ которыхъ немыслимо изученіе его (смиренномудріе, свобода отъ предвзятыхъ идей, расположеніе вѣрить св. писанію и благодать Божія), Ѳеофанъ даетъ научное опредѣленіе богословія, указываетъ его главные предметы и цѣль (гл. 1); дѣлитъ богословіе на догматическое и нравственное (2 гл.); представляетъ порядокъ разсмотрѣнія вопросовъ, которыми должна заняться наука. Главныхъ частей въ догматикѣ двѣ: од-

(¹) «De gratuita peccatoris per Christum justificatione». Христ. Чт. 1876 г. I. стр. 35. Полное собраніе трактатовъ Прокоповича съ исправленіями и дополненіями извѣстно въ печати подъ заглавіемъ: «Christianae Orthodoxae Theologiae in academia Kiowiensia Theophane Procopowicz ejusdem academiae rectore, postea archiepiscoppa Novogrodensi, adornatae et propositae volumen primum, secundum et tertium».

на изъ нихъ учитъ о Богѣ въ себѣ (de Deo ad intra), другая—о Богѣ въ Его дѣйствіяхъ, проявленіяхъ (ad extra). Подраздѣленія 1-й части: а) о Богѣ въ Его существѣ, о бытіи, общихъ (всѣмъ тремъ лицамъ) свойствахъ, б) о Богѣ въ лицахъ, въ ихъ отношеніяхъ и признакахъ. Такъ какъ внѣшняя дѣятельность Божества слагается изъ предопредѣленія (decretum), совѣта Божія о дѣйствіи и изъ самаго дѣйствія, то дѣленія 2-й части слѣдующія: а) предопредѣленіе и совѣтъ Божій о дѣйствіи, б) дѣятельность, проявляющаяся въ твореніи и промышленіи. Твореніе частнѣе разсматривается по отношенію къ міру видимому и невидимому, промышленіе бываетъ общее (о природѣ разумной и неразумной) и особенное—о падшемъ человѣкѣ. Трактатъ объ особенномъ промышленіи долженъ разсуждать о паденіи перваго человѣка и чрезъ него всего человѣчества и объ Искупителѣ, т. е. α, о таинствѣ воплощенія, β, о служеніи Посредника (I. Христа) и γ) о Его двоякомъ состояніи. Плоды искупленія усвояются не всѣми, а только тѣми, которые не противятся благодатному призванію, предопредѣлены ко спасенію на основаніи божественнаго предвѣденія; поэтому богословіе должно говорить и о призваніи и о предопредѣленіи, а потомъ о противоположномъ имъ отверженіи. Такъ какъ, далѣе, искупленіе полезно только подъ условіемъ усвоенія его, то богословіе говоритъ и объ этомъ усвоеніи, т. е. о причинѣ его—благодати,—о способѣ или орудіи: вѣрѣ и божественныхъ таинствахъ,—и о плодахъ усвоеннаго искупленія: оправданіи, усыновленіи, освященіи и прославленіи. Въ концѣ слѣдуетъ рѣчь о предметѣ предопредѣленія, призванія и искупленія, т. е. о церкви Христовой, которая разсматривается въ четырехъ состояніяхъ: до закона, подъ закономъ, въ благодати и славѣ.—Предметъ нравственнаго богословія—добрыя дѣла, обозначаемыя въ писаніи именемъ любви. Любовь—двоякая: къ Богу и ближнему; поэтому нравственное богословіе разсуждаетъ: 1) о религіи, какъ выраженіи любви къ Богу, 2) о спра-

ведливости, которая состоитъ въ любви къ ближнему. Въ порядкѣ изложенія предполагалось сообразоваться съ десятословіемъ. Къ ученію о каждой заповѣди проэктировалось присоединить ученіе о противоположныхъ ей порокахъ, объ обѣтованіяхъ Божіихъ, хранителяхъ закона и о наказаніяхъ преступникамъ его (3 гл.) Далѣе слѣдуютъ: разсужденіе объ основномъ началѣ богословія, каковымъ главнымъ образомъ, съ научной, формальной точки зрѣнія, признается одно св. писаніе (4 гл.), вопросъ объ авторитетѣ св. писанія (5 и 6 гл.), о необходимости его (7), о ясности (8), о совершенствѣ и полнотѣ (9), о правильномъ толковани его (10), о каноническихъ книгахъ (11), о переводѣ св. писанія на отечественный языкъ (12), о значеніи для богословія соборовъ, преданій и отеческихъ писаній (13) (1). За введеніемъ слѣдуетъ первая часть богословія — догматическая. Она представляетъ собою строго-логическое развитіе намѣченныхъ во введеніи пунктовъ по правильно построенному плану (2). Тоже нужно ска-

(1) Большая часть этой главы написана не Θеофаномъ. Хр. Чт. 1876 г. I, 36.

(2) Трактатъ о Богѣ въ Его существѣ распадается на двѣ книги: одна говоритъ о сущности, бытіи и свойствахъ Божіихъ общихъ, другая — о свойствахъ Ипостасей и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Первая книга содержитъ 19 главъ. Въ нихъ предлагается: опредѣленіе и описаніе Бога на основаніи св. писанія; рѣшеніе вопросовъ — можетъ ли сотворенный разумъ познать и обнять Божество (противъ древнихъ аномеевъ), можно ли заключить понятіе о Богѣ въ логическое опредѣленіе (противъ схоластиковъ, частнѣе — противъ Франциска Шварца, который изъ своего опредѣленія «Deus est ens a se» думалъ вывести всѣ совершенства и свойства существа Божія и доказывалъ, что это опредѣленіе достаточно для познанія божественной сущности. Lib I. De essentia et exsitentia Dei, cap. II и III.); раскрывается смыслъ ветхозавѣтныхъ именъ Божіихъ (2 гл.); доказывается бытіе Божіе (противъ атеистовъ — гл. 3), единство Божіе (противъ язычниковъ — гл. 4 и 5), простота божественной сущности (противъ антропоморфистовъ, представлявшихъ Ипостаси св. Троицы въ особенныхъ образахъ и приписывавшихъ Божеству нѣкоторыя ощущаемыя свойства, въ родѣ фаворскаго свѣта — 6 и 7 гл.); говорится о свойствахъ Божіихъ вообще (8 гл.) и, въ частности, о совершенствѣ (9), о

зать и о второй части, которая осталась неоконченною; содержаніе ея въ общихъ чертахъ намѣчено въ трактатѣ „De statu hominis integri“. Матеріалъ у Ѳеофана систематизированъ строго, вслѣдствіи чего цѣль шагъ

безконечности и вѣчности (10). безпредѣльности (11), неизмѣнимости (12), премудрости (13), всемогуществѣ (14), волѣ (15), благости (16), жизни и безсмертіи Божества (противъ акефаловъ — (17), о всеблаженствѣ и отрицательныхъ свойствахъ Божіихъ (18 и 19). Вторая книга, кромѣ вступленія, также состоитъ изъ 19-ти главъ и трактуетъ «о священнѣйшемъ таинствѣ святѣйшей и нераздѣльной Троицы». Здѣсь, на основаніи св. писанія излагаются единство, троичность и различіе Упостасей Божества (1 и 2 гл.), опровергаются возраженія и заблужденія относительно троичности Лицъ (преимущественно-социніамъ, видѣвшихъ въ І. Христѣ только человѣка, а въ Духѣ святомъ силу Божію—гл. 3, 4. и 5), подробно раскрывается Божество І. Христа изъ мѣстъ ветхаго завѣта, которыя говорятъ о Богѣ израилевомъ и въ нов. завѣтѣ прилагаются ко Христу,—изъ мѣстъ нов. завѣта, гдѣ І. Христосъ называется сыномъ Божіимъ собственнымъ, а не усыновленнымъ (6 — 9 гл.),—изъ божественныхъ именъ, приписываемыхъ І. Христу (10),—изъ свойствъ, которыми Онъ обладалъ, какъ Богъ (11),—изъ дѣйствій Его, возможныхъ только для Бога (12),—изъ того почтенія, обожанія, какое требуется І. Христу по ученію св. писанія и которое приличествуетъ одному Богу (13),—изъ свидѣтельствъ сивиллиныхъ книгъ и отеческихъ твореній (14), опровергаются новыя возраженія социніанъ противъ божества І. Христа, на основаніи св. писанія и силлогистическихъ выводовъ (16 и 17), доказывается божество св. Духа (тѣмъ же способомъ, какъ и Сына Божія) и разоблачается лжеученіе по этому предмету древнихъ и новыхъ еретиковъ (аріанъ, македоніамъ, евноміанъ, признававшихъ Св. Духа лицомъ, сотвореннымъ отъ Сына, социніанъ, разумѣвшихъ подъ св. Духомъ силу Божію—15 и 18 гл.); наконецъ говорится о важности православнаго ученія о св Троицѣ (19). Кромѣ указанныхъ главъ о св. Духѣ, Ѳеофанъ составилъ особый обширный трактатъ «De processione Spiritus Sancti a solo Patre» дополненный Домаскинымъ—Семеновымъ—Рудневымъ) и историко полемическое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Historia, in qua de ortu et profectu controversiae graecos inter et latinos de processione spiritus sancti», представляющее къ первому трактату какъ бы введеніе. Трактатъ «О происхожденіи св. Духа отъ Отца» раздѣленъ на 20 главъ. Прежде всего здѣсь дается филологическое и историческое объясненіе богословскихъ терминовъ «исхожденіе» и «посланіе» и устанавливается предметъ спора (вопросъ не въ томъ, разсуждаетъ Ѳеофанъ, посылается ли временно Духъ св. отъ Сына, а въ томъ—происходитъ ли Онъ отъ Сына въ вѣчности—1 гл.); потомъ объясняется основательно извѣстное

за шагомъ достигалась успѣшно, не смотря на уклоненія полемическаго характера. Свое введеніе Ѳеофанъ справедливо назвалъ свѣтильникомъ, необходимымъ въ богословіи болѣе, чѣмъ въ какой либо другой наукѣ.

евангельское мѣсто (Іоан. 15, 26), единственно—ясное указаніе св. писанія на происхожденіе св. Духа отъ Отца, неправильное понимаемое западными богословами (2 гл); доказывается православное ученіе свидѣтельствами вѣроисповѣдныхъ символовъ, соборовъ, ссылками на древнія произведенія отцовъ восточной и западной церкви, а потомъ и логическимъ путемъ (3—5 гл.); опровергается неправильное толкованіе западными комментаторами тѣхъ мѣстъ св. писанія, которыя бросаютъ тотъ или другой свѣтъ на недоумѣнный вопросъ (6—12 гл.), Рядомъ съ опроверженіями у Ѳеофана идетъ изложеніе православнаго ученія, основаннаго на авторитетѣ древней церкви. Въ виду того, что многія мѣста въ символахъ и твореніяхъ отцовъ, касающіеся разсматриваемаго догмата, искажены примѣнительно ко взгляду западной церкви, Ѳеофанъ останавливается на правилахъ, которыми необходимо руководиться при употребленіи этихъ мѣстъ (13 гл.) и старается возстановить истинный смыслъ послѣднихъ (14 и 15), оправдываетъ православныхъ богослововъ отъ взводимой на нихъ клеветы, будто они, а не западные богословы, принаравливали къ своему ученію свидѣтельство символовъ и отцовъ (16 и 17), осуждаетъ дерзость католическихъ богослововъ, допускающихъ вставки въ символъ, утвержденный вселенскими соборами (18 и 19). Въ заключеніи, приличномъ и для трактата о св Троицѣ, говорится о взаимномъ отношеніи Ипостасей (20 гл., написанная Дамаскинымъ—Рудневымъ). Здѣсь и оканчивается по плану Прокоповича первая часть догматическаго богословія, предметомъ которой служитъ «Deus ad intra».—Ученіе «De Deo ad extra» начинается трактатомъ «De creatione et providentia», состоящемъ изъ 11 главъ. Въ предисловіи къ нему различаются два вида творенія—физическій, относящійся къ видимой природѣ и мистическій, таинственный, благодатный; а также и два вида промысла—общій, относящійся ко всему сотворенному, и особенный—къ человѣку. О видахъ творенія и промышленія Ѳеофанъ предполагалъ разсуждать во второй части своей системы, но не окончилъ ея; большая половина ея составлена уже его преемниками, преимущественно Самуиломъ Мисловскимъ, ректоромъ и впослѣдствіи митр. Кіевскимъ († 1796). Въ трактатѣ De creatione et providentia» Прокоповичъ съ схоластическою аккуратностію разбираетъ и строго разграничиваетъ причины творенія—дѣйствующую и конечную, матеріальную и формальную (causa efficiens, causa finalis, materialis et formalis); предметъ творенія раздѣляетъ на видимый и невидимый; первый дѣлитъ на тѣла простыя (элементарныя) и сложныя; сложныя тѣла—наодушевленныя и неодушевленныя; обстоятельства твore-

Опредѣливъ въ немъ спеціальную задачу догматическаго богословія и отдѣливъ послѣднее отъ нравственнаго, онъ устранилъ путаницу въ преподаваніи того и другаго; затѣмъ показалъ слушателямъ матеріалъ своей работы, указалъ способъ ея исполненія и условія, при

нія—на «modus»,« «tempus», „locus» и т. д. и все это въ связи съ полемикой противъ еретиковъ и ссылками на сочиненія по естествознанію. Излишняя схоластичность отняли у этой части системы много жизненности и интереса. Трактатъ «De statu hominis integri» начинается краткимъ обзоромъ всего, что сдѣлано провидѣніемъ для человѣка, сотвореннаго невиннымъ, падшаго и возстановленнаго; за этимъ обзоромъ слѣдуетъ пунктуальное изложеніе всѣхъ вопросовъ, о которыхъ предстояло разсуждать въ другихъ, дальнѣйшихъ догматическихъ трактатахъ. Невинное состояніе человѣка разсматривается 1, по отношенію къ нему самому, къ его душѣ и тѣлу, 2. по отношенію къ внѣшней обстановкѣ его жизни въ раю. Въ трактатѣ «De statu hominis corrupti» предметы изслѣдованія разграничены сообразно послѣдствіямъ грѣхопаденія, которое разсматривается со стороны его вліянія 1) вообще на судьбу людей, 2) на судьбу только прародителей и 3)—только ихъ потомковъ. Самому Прокоповичу принадлежатъ первыя четыре главы этого трактата (а всѣхъ ихъ 14); на нихъ и остановилась его работа; но мы имѣемъ подробный конспектъ на окончаніе его системы, помѣщенный въ трактатѣ «De statu hominis integri». Вотъ онъ I. Человѣкъ, созданный Богомъ, до своего паденія былъ весьма счастливъ, преисполненъ внутреннихъ достоинствъ и внѣшнихъ благъ II. Послѣ паденія онъ осужденъ на смерть, лишился благъ внѣшней природы, непогрѣшимости ума и воли и впалъ въ болѣзни и пороки. III. Богъ, отъ вѣчности предвидѣвшій это паденіе, опредѣлилъ, по одной своей благости, спасти родъ человѣческій. IV. Способъ избавленія людей отъ послѣдствій грѣха также былъ предопредѣленъ; онъ состоялъ въ посланіи Сына Божія на землю въ качествѣ посредника и примирителя, которому предстояло понести всю тяжесть наказанія за преступленіе человѣка и тѣмъ удовлетворить Божественному правосудію. Тѣхъ, которые прибѣгнутъ къ милосердію Сына Божія, Богъ предопредѣлилъ ко спасенію и вѣчной славѣ, а противниковъ Искупителя осудилъ на вѣчное мученіе. V. Предопредѣленное осуществилось въ свое время въ жизни Христа Спасителя VI. Плоды искупленія очевидны на сынахъ церкви Христовой, которые, по вѣрѣ въ Избавителя получили силы къ дѣланію добра и надежду на вѣчное спасеніе VII. Для усвоенія людьми даровъ благодати, Богу угодно было установить особенныя условія (partim ut causas instrumentalias, partim ut conditiones) — евангельскую проповѣдь и VIII) таинства. IX. Вѣрующіе соединяются въ особое общество—церковь, которая переживала различныя состоянія и по этому должна быть разсматриваема до закона, подъ закономъ, въ цар-

какихъ онъ берется за нее; предупредилъ недоразумѣнія (насколько это было въ его власти), какія могли возникнуть при оцѣнкѣ его труда, выразивъ напередъ свои симпатіи къ извѣстнымъ источникамъ богословія (1). Предлагая для богословія синтетическій методъ изслѣдованія, Ѳеофанъ, по его же словамъ, сообщилъ ему „связный и сообразный съ природою предмета порядокъ изложенія“ и устранилъ неудобный локальный методъ, еще употреблявшійся въ 17 в. у восточныхъ и западныхъ богослововъ. Прокоповичъ заимствовалъ свой методъ изъ новыхъ системъ, искусно примѣнивъ

ствѣ благодати и въ царствѣ славы. X. Для нашей же пользы Богъ открылъ намъ до нѣкоторой степени и будущее, нашу послѣднюю судьбу. Насъ ожидаютъ: смерть по тѣлу на землѣ, кончина міра, всеобщій судъ, вѣчная блаженная жизнь, если мы благочестивы, и вѣчныя муки въ противномъ случаѣ.—Вотъ краткое содержаніе системы О. Прокоповича (по лейпцигскому изданію 1782 г.), системы замѣчательной по тому перевороту, какой она произвела въ исторіи русскаго богословія, по авторитету, какимъ она пользовалась у нашихъ профессоровъ. Георгій Конисскій (ректоръ и учитель богословія въ кіевской академіи) и Аѳанасій Волоховскій (въ московской) первые стали читать лекціи по Ѳеофановой системѣ (съ 1751 года) исправляя ее нѣсколько; Арсеній Могилянскій, митрополитъ Кіевскій, и Давидъ Нащинскій, ректоръ кіевской академіи приняли систему Ѳеофана, какъ исключительное руководство въ преподаваніи богословія (съ 1759 г.), вслѣдствіе чего трактаты Ѳеофана, то въ отдѣльности, то вмѣстѣ и въ сокращенномъ видѣ издавались печатно (съ 1770 г.) и появились, въ качествѣ руководства въ невской семинаріи (съ 1778 г.); въ 1782 году Самуилъ Миславскій издалъ въ Лейпцигѣ оконченную имъ самимъ систему Прокоповича; Ириней Фальковскій (ректоръ кіевской академіи съ 1803 г.) сократилъ догматическое богословіе Ѳеофана и издалъ подъ заглавіемъ: «Christianae ortodoxae dogmatico—polemicae theologiae compendium»—изданіе, повторившееся въ 1827 г.; Іакинфъ Карпинскій, Сильверстъ Лебединскій, Макарій Волчанскій, Ѳеофилактъ Горскій и Платонъ Левшинъ писали свои системы подъ сильнымъ вліяніемъ Ѳеофана. Одни изъ подражателей Ѳеофана писали догматическое богословіе отдѣльными трактатами (Іакинфъ Карпинскій и С. Лебединскій), другіе излагали его въ цѣлой системѣ Ир. Фальковскій и Ѳ. Горскій. Хр. чт. 1876 г. Догмат. Богослов. Макарія т. I, 73—4.—

(1) Основат. разборъ «Введенія» — въ Хр. чт. 1876, 77 и 78 гг. Ст. Червяковскаго.

его къ православному вѣроученію и поставивъ, такимъ образомъ, русское богословіе, какъ науку, на одинъ уровень съ западнымъ,—въ этомъ и заключается его капитальная заслуга. Первоисточникъ, начало богословія Θеофанъ указываетъ въ св. писаніи, при чемъ доказываетъ авторитетъ послѣдняго, его необходимость, ясность, полноту: не это была новость для русскихъ богослововъ, а настойчивое напоминаніе имъ, что здѣсь, а не въ другихъ авторитетахъ нужно искать главныхъ основъ вѣроученія, что не слѣдуетъ прибѣгать къ второстепеннымъ и третьестепеннымъ источникамъ, нерѣдко искаженнымъ, когда нѣтъ въ нихъ настоятельной нужды. Опредѣленія соборовъ, по Θеофану, не могутъ служить началомъ богословія наравнѣ съ св. Писаніемъ, такъ какъ сами отцы, участвовавшіе въ соборахъ, искали основаній для своихъ рѣшеній въ богодухновенныхъ книгахъ; они могутъ быть названы второстепенными авторитетами богословской мысли и важны главнымъ образомъ, какъ руководители въ пониманіи св. писанія. Къ отеческимъ произведеніямъ Θеофанъ обращался не за подкрѣпленіямъ своихъ мыслей, а за провѣркою ихъ, чтобы (по его выраженію) тѣмъ „заградить уста противниковъ, показавъ имъ согласіе всей церкви съ (его) ученіемъ“. Вводя новый методъ раскрытія богословскихъ истинъ и придавая большое значеніе въ своей работѣ логикѣ, какъ средству выводить изъ общаго начала частныя истины и возводить ихъ къ нему, Прокоповичъ не ставилъ критеріемъ ортодоксіи правильность логическихъ умозаключеній; начало и конецъ его сужденій встрѣчались въ св. писаніи, какъ своемъ первоисточникѣ; отъ исторической почвы онъ не открывался тамъ, гдѣ она была необходима и надежна, силлогизмы не предпочиталъ научнымъ даннымъ; прибѣгалъ къ первымъ большею частію въ тѣхъ случаяхъ, когда не видѣлъ возможности обойтись въ доказательствахъ при одномъ св. писаніи и преданіи, напр. въ вопросахъ: одна ли библія должна служить первоисточникомъ богословія, какъ толковать св. пи-

саніе и т. п. За положительнымъ раскрытіемъ того или другаго догмата, у него слѣдуетъ отрицательно-полемическое; этотъ пріемъ былъ общеупотребительный, и въ системѣ Θеофана занимаетъ видное мѣсто. Какъ строгій систематикъ, Прокоповичъ передъ каждымъ новымъ трактатомъ устанавливаетъ, путемъ отрицанія, ограниченія и раздѣленія, тему его, послѣ чего предметъ становится до рельефности яснымъ и нетребующимъ оговорокъ въ дальнѣйшемъ своемъ раскрытіи. Тоже нужно сказать и о доказательствахъ Θеофана: и они отличаются опредѣленностью, отчетливостью и, кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ органическою связностью. Логическая форма ихъ разнообразна: то они построяются въ видѣ простаго силлогизма (доказательство единичности смысла св. писанія), то расширяются въ сложныя умозаключенія (св. Писаніе имѣетъ божественный авторитетъ), при чемъ научныя данныя или занимаютъ мѣста различныхъ посылокъ (большихъ и малыхъ), или служатъ посредствующими звѣньями полисиллогизма,—то въ видѣ анологіи,—умозаключенія по способу ab absurdo и ad absurdum, часто въ видѣ sillogismus theologicus и т. д. Прямымъ доказательствамъ, опирающимся на св. писаніи, отеческихъ произведеніяхъ и исторіи, Θеофанъ всегда отдаетъ предпочтеніе, вслѣдствіе чего его дедукція является вѣскою убѣдительною и живою. Діалектическое оружіе больше всего онъ употреблялъ въ полемическомъ отдѣлѣ; тамъ, гдѣ онъ не слѣдовалъ въ подробностяхъ своимъ источникамъ (западнымъ системамъ), живость и горячность его характера положили свою глубокую печать даже на эту, обыкновенно сухую, схоластическую часть. Мелочности въ спорѣ онъ по возможности избѣгалъ. „Схоластика (по его мнѣнію) занимала учениковъ пустыми спорами, поселяла въ нихъ ложную увѣренность въ пріобрѣтеніи мудрости. Нужно преподавать науку (богословія) основательнѣе и достойно важности предмета, а не дѣлать изъ нея комедію“ (писалъ онъ профессорамъ кіевской академіи). Эти слова коротко вы-

ражаютъ сущность Θеофанова обращенія къ студентамъ (въ его „введеніи“) и хорошо характеризуютъ убѣжденія, съ какими онъ начиналъ и продолжалъ свой трудъ, цѣлію котораго было освободить богословіе отъ чуждыхъ ему, наносныхъ элементовъ и сообщить ему лучшую научную постановку. Что система Θеофана достигла цѣли, это видно изъ ея популярности въ продолженіи почти столѣтія, хотя направленіе ея было несогласно съ католическими системами, считавшимися образцовыми. Много нужно было ума и ученой осторожности, чтобы отъ одной крайности не уклониться въ другую, чтобы, ратуя противъ схоластики и католицизма, не сказать чего-нибудь въ пользу протестантизма, особенно требовалось это отъ Прокоповича, человѣка горячаго и нетерпѣливаго. Не смотря на умѣнье облекать православное ученіе въ выработанныя инославными богословами формы, нѣкоторыя симпатіи къ протестантскимъ богословамъ, сквозятъ между строками, хотя и не настолько, чтобы позволительно было усумниться въ его православіи. Августинизмъ—замѣтная черта Θеофановой догматики. Трактатъ „De statu hominis corrupti“ написанъ подъ его сильнымъ вліяніемъ. Западно-богословскіе источники, собранные Θеофаномъ, конечно, не наугадъ, между которыми католическія системы (напр. Беллярмина) служили только отрицательными пособіями, мишенью полемики, а лютеранскіе составляли вліятельное большинство—увлекали Θеофана иногда какъ бы невольно и подсказывали ему подозрительно—неточныя выраженія въ родѣ: „паденіе человѣка состоитъ въ томъ, что онъ *потерялъ* образъ Божій“. Введеніе написано Θеофаномъ главнымъ образомъ подъ двойнымъ руководствомъ католика Беллярмина и кальвиниста Аманда Полянскаго, которые хотя парализовали другъ друга и поэтому позволяли православному богослову „держаться выше обоихъ враждебныхъ вѣроисповѣданій запада“ (какъ выражается Червяковскій), но не въ одинаковой степени: въ то время какъ противъ Беллярмина Θеофанъ

ведетъ оживленную полемику (проходящую чрезъ всю систему и занимающую въ ней громадное мѣсто), Полянскимъ онъ пользуется въ положительномъ смыслѣ (¹). Правда, и противъ него у Θеофана есть возраженія, но они ничтожны сравнительно и далеко не такъ сильны по тону, какъ полемика противъ Беллярмина. Подражаніе протестантскимъ богословамъ сказывается на первыхъ же листахъ системы Θеофана; Червяковскій указываетъ слѣды его даже въ томъ, что во главу угла обширнаго „введенія" Прокоповичъ положилъ ученіе о св. писаніи, хотя этотъ пріемъ въ 18 в. былъ усвоенъ и католическими системами (Сочин. Беллярмина „De controversiis christianae fidei, adversus hujus temporis haereticos" начинается трактатомъ „De verbo Dei"). Нельзя не замѣтить того, что Θеофанъ какъ бы отождествляетъ св. писаніе съ откровеніемъ вообще и отрицаетъ откровеніе (чистое, безъ примѣси человѣческихъ мнѣній) въ церкви, въ исторіи, въ природѣ; но это отрицаніе, впрочемъ, имѣетъ мѣсто для Θеофана только въ богословіи, какъ наукѣ, требующей достовѣрнаго, безспорно-божественнаго, яснаго и убѣдительнаго для всѣхъ (а не только для православныхъ сыновъ церкви) начала, каковымъ онъ и признаетъ одно св. писаніе и притомъ такъ осторожно, что нигдѣ не унижаетъ, не оскорбляетъ и авторитета преданія. „Не отвергая (говоритъ Червяковскій) ни откровенія помимо писанія (въ главѣ о началѣ богословія), ни живаго церковнаго преемства богопреданнаго ученія (въ главѣ о необходимости писанія), ни церковнаго учительства (гл. о ясности писанія), ни церковныхъ вѣроизложеній, каноническихъ опредѣленій и обрядовъ (гл. о полнотѣ писанія и о соборахъ),—онъ только утверждаетъ, что по отношенію ко всѣмъ этимъ источникамъ познанія божественной

(¹) Червяковскій какъ будто старается доказать безпристрастіе Θеофана къ тому и другому,—напрасно: даже въ выдержкахъ, имъ самимъ приведенныхъ на этотъ конецъ, очевидна противоположная мысль. Хр. Чт. 1875. Янв.—Февр., 24—25

истины, св. писанія, какъ слово Самого Бога, съ формальной стороны, въ отношеніи къ наукѣ богословія, есть источникъ самый достовѣрный и существенный, сообщающій другимъ видамъ познанія достовѣрность и твердость, и притомъ оно не представляетъ ни пустыхъ пробѣловъ, ни неразрѣшимыхъ неясностей, только бы умѣли имъ пользоваться" (1). Умѣнье пользоваться писаніемъ Прокоповичъ полагалъ въ томъ, чтобы, не мудрствуя лукаво, не навязывать ясному слову Божію липняго, чего въ немъ не дано прямо, — непонятнаго и спорнаго. Особенно замѣтно отразилось вліяніе на Θеофана протестантскихъ источниковъ въ пунктахъ разногласія между православіемъ и лютеранствомъ. Здѣсь Θеофанъ является иногда слишкомъ уступчивымъ; если, при томъ, ему нужно было полемизировать противъ католицизма, то онъ даже неумѣренно пользовался протестантскими доводами. Таковъ, напр., его трактатъ объ оправданіи. Оправданіе вѣрою во І. Христа составляетъ основную мысль всѣхъ разсужденій Θеофана, имѣющихъ связь съ искупленіемъ и спасеніемъ человѣка; она служитъ подкладкой всей длинной полемики его съ пелагіанизмомъ Беллярмина въ вопросѣ о грѣхѣ и свободѣ («De controversiis christ. fidei, adversus huius temporis haereticos», tom. IV, p. 401: „De justificatione impii" и p. 587—„De bonis operibus"); пожеланіе, доказывалъ Θеофанъ, не есть неизбѣжный результатъ чувственности и слабость достойная прощенія, какъ думалъ Беллярминъ, а грѣховное поврежденіе и потому вполнѣ заслуживаетъ гнѣвъ Божій, какъ и всякій малѣйшій грѣхъ, вслѣдствіе чего, если святымъ приписываются грѣхи простительные, то они называются такъ не по своей ничтожности и природѣ, а по заслугѣ Христа; въ дѣлѣ своего возрожденія человѣкъ не можетъ принимать участія, какъ мертвецъ, и Беллярминъ-де не правъ, когда оставляетъ тутъ долю

(1) Христ. Чт. 1877 г., II, 5.

активности и человѣческой волѣ. Въ вопросѣ объ оправданіи Ѳеофанъ употребляетъ протестантскіе термины и разграниченія. Оправданіе, по его мнѣнію, есть отпущеніе грѣховъ въ смыслѣ судебномъ; подлежащее оправданія—человѣкъ—грѣшникъ, начальная и дѣйствующая причина—милосердіе Божіе, подвигнутое заслугами Христа (человѣкъ тутъ пассивенъ), орудная причина—со стороны Бога таинства, со стороны человѣка—вѣра, плоды вѣры и оправданія—добрыя дѣла, виновникъ которыхъ—Духъ св. Исполненіе закона безъ благодати не спасаетъ; если св. писаніе и придаетъ важность въ дѣлѣ спасенія добрымъ дѣламъ, то не какъ причинѣ оправданія, а какъ доказательствамъ вѣры. Человѣкъ оправданный, облагодатствованный похожъ на цѣнный, но заключающій въ себѣ сокровище сосудъ.

Выше мы имѣли случай замѣтить, что далеко неоконченная система Прокоповича занимаетъ очень объемистые фоліанты. Сжатости, краткости а иногда и строгой послѣдовательности ея повредилъ полемическій отдѣлъ, увлекавшій Ѳеофана въ сухія и пространныя разсужденія даже (вопреки его принципу) небогословскаго характера. На пути къ цѣли онъ встрѣтилъ множество враговъ и, по обычаю всѣхъ современныхъ богослововъ, счелъ нужнымъ сразиться съ каждымъ изъ нихъ. Католики, социніане, раввины, аріане, македоніане, евноміане, лютеране и др. древніе и новые еретики изображали собою его противниковъ. По возможности, все же, Ѳеофанъ стремился къ краткости и отчетливости. Система его научна, умѣренно схоластична и, по методу раскрытія богословскихъ истинъ, была новою въ тогдашней литературѣ. Что хотѣлъ Прокоповичъ дать школѣ въ своей наукѣ богословія и чему хотѣлъ научить своихъ преемниковъ, видно изъ упомянутыхъ уже нами его наставленій преподавателямъ этой науки, помѣщенныхъ въ Регламентѣ". „Челъ бы учитель (писалъ онъ) св. пи-

(1) Христ. Чт. 1877 г., II

саніе и учителя бы правилъ, какъ прямую истую знать силу и толкъ писаній. А въ помощь того дѣла челъ бы прилежно святыхъ отецъ, которые прилежно писали о догматахъ, за нужду распрь въ церкви случившихся, съ подвигомъ на противныя ереси. Ибо есть древніи учители, собственно о догматахъ (тотъ о семъ, а иной о другомъ) писавшіи, напр. о троической тайнѣ Григорій Назіанзенъ въ пяти словахъ своихъ богословскихъ, и Августинъ въ книгахъ о Троицѣ и о Божествѣ Сына Божія. Кромѣ оныхъ Аѳанасій В., въ пяти книгахъ на евноміанъ; о Ипостаси Христовой, Кириллъ Александрійскій на Несторія; о двоицѣ естествъ во Христѣ довольно одно посланіе Леона папы римскаго до Флавіана цареградскаго патріарха. *О грѣхѣ первородномъ и о благодати Божіей Августинъ во многихъ книгахъ на пелагіаны* и прочая. Къ тому жъ, зѣло полезны дѣянія и разговоры вселенскихъ и помѣстныхъ синодовъ. И отъ таковыхъ учителей, при св. писаніи, нетщетное будетъ ученіе богословское. А хотя и можетъ богословскій учитель и отъ новѣйшихъ иновѣрныхъ учителей помощи искать, но долженъ не учиться отъ нихъ и полагатися на ихъ сказки, но только руководство ихъ принимать, какихъ они отъ писанія и отъ древнихъ учителей доводовъ употребляютъ. Наипаче въ догматахъ, въ которыхъ съ нами иновѣрцы согласны суть, а однако доводамъ ихъ не легко вѣрить, но посмотрѣть, есть ли таковое въ писаніи или въ книгахъ отеческихъ слово, и тую ли имѣетъ силу, въ якорый они пріемлютъ; многажды бо лгутъ господа оные и чего не бывало приводятъ (указывается примѣръ противъ католическихъ богослововъ).... Долженъ убо учитель богословскій не по чужимъ сказкамъ, но по своему вѣденію учить, и иногда, избравъ собственное время, показать въ книгахъ и ученикамъ своимъ, чтобы и они извѣстны сами были, а не сумнились бы, правду ли говоритъ или

лжетъ учитель ихъ (¹)". Эти наставленія весьма замѣчательны: онѣ одновременно даютъ двоякій совѣтъ преподавателю богословія, — чтобы онъ самъ относился критически къ источникамъ своей науки, и своихъ воспитанниковъ пріучалъ къ тому же. Совѣтъ этотъ направленъ былъ противъ рабской подражательности кіевскихъ профессоровъ богословія католическимъ системамъ. Въ немъ, какъ и въ трактатахъ Θеофана, выдвигается новая задача для русскаго богослова, онъ обязываетъ послѣдняго болѣе серьезнымъ, чѣмъ компиляція съ Θ. Аквината, трудомъ. Прокоповичу не могла нравиться та близость православія къ католицизму, до какой оно дошло съ нимъ въ кіевской коллегіи. Врагъ Рима, помнившій всѣ бѣдствія Россіи, понесенныя отъ усердныхъ слугъ честолюбиваго папы, Θеофанъ взялъ на себя трудъ показать разницу между латинскою и греческою церковію, уничтожить (какъ ему желалось бы) всѣ ступени, построенныя католиками въ видахъ уніи, выяснить опасность (для православія) дружбы съ вкрадчивой схоластикой, которая на западѣ оцѣнена была, какъ одинъ сложный софизмъ, удивительный съ формальной стороны и несостоятельный по содержанію. Готовое орудіе Θеофанъ нашолъ въ протестантскомъ богословіи. Давая отставку Θ. Аквинату и его школѣ, Прокоповичъ указалъ русскимъ богословамъ новый путь изслѣдованія догматическихъ вопросовъ, болѣе научный и самостоятельный, выработанный въ системахъ протестантекихъ богослововъ Въ этихъ системахъ Θеофану особенно нравились: исключительное довѣріе къ св. писанію и критическое отношеніе къ остальнымъ авторитетамъ; но и на этомъ новомъ пути онъ предостерегаетъ своихъ учениковъ отъ крайностей подражанія; его рѣзкое замѣчаніе: „многажды бо лгутъ господа новѣйшіе иновѣрные учители" одинаково относится какъ къ като-

(¹) Регламъ. Духов.; «Домы училищныя», рег. 7.

лическимъ, такъ и къ протестантскимъ богословамъ.— Вслѣдъ за Ѳеофаномъ, его преемникамъ оставалось продолжать дѣло гармоническаго сліянія православнаго вѣроученія съ строго-научной формой, осторожно минуя ошибки лютеранства, разоблачая ихъ, гдѣ слѣдуетъ и укрѣпляя свои тезисы „свидѣтельствомъ писаній“ не изъ вторыхъ рукъ, какъ это было до сихъ поръ, а изъ подлинныхъ произведеній преимущественно тѣхъ отцовъ церкви, которые „прилежно писали о догматахъ“. Богословіе стало въ строгомъ смыслѣ наукой въ Россіи только съ Ѳеофана. Послѣдовательно вывелъ онъ ея положенія изъ одного общаго начала— ученія о Богѣ, неопустительно провѣряя свои выводы словомъ Божіимъ, а пониманіе послѣдняго — святоотеческими толкованіями. Его система была плодомъ различныхъ богословскихъ направленій: она возвысилась надъ ними и подчинила ихъ себѣ, помиривъ ихъ самыхъ выгоднымъ для православія образомъ; она является однимъ изъ крупнѣйшихъ и характернѣйшихъ памятниковъ духовной литературы петровской эпохи, а потому мы и позволили себѣ остановиться на ней сравнительно долго.

3) **Апологетическія и полемическія сочиненія.** Переходя къ обозрѣнію и характеристикѣ другихъ произведеній духовной литературы петровской эпохи, не назначенныхъ спеціально для школы, а составляющихъ собою вообще сумму памятниковъ церковно-религіозной жизни при Петрѣ, мы должны сказать предварительно, что многія изъ этихъ произведеній, отпечатанныя когда-то не въ большомъ количествѣ, или никогда непечатавшіяся и хранящіяся въ рукописяхъ нѣкоторыхъ библіотекъ, или, наконецъ, совсѣмъ затерявшіяся и извѣстныя только по заглавіямъ, помѣщеннымъ въ словаряхъ,—не имѣлись у насъ подъ руками и потому не могли быть разсмотрѣны здѣсь сколько нибудь подробно. Многія изъ нихъ оказались библіографической рѣдкостью, благодаря своей невначитель-

ности (они не заслужили вниманіе въ свое время и остались незамѣченными послѣ); но не мало между ними и такихъ, которыя очень пригодились бы для характеристики современнаго состоянія русской церковной жизни. Какъ бы то ни было, намъ доведется одни изъ таковыхъ только поименовать и причислить, на основаніи оглавленій и небольшихъ чужихъ характеристикъ, къ соотвѣтствующему разряду, а другія разсмотрѣть подъ руководствомъ журнальныхъ статей.

Своей догматической системой Прокоповичъ положилъ начало спеціально догматическому богословію. Другое сочиненіе Θеофана—„О безбожіи“—положило начало апологетикѣ (¹). Апологіи по различнымъ вопросамъ, въ разное время и по разнымъ поводамъ, писались русскими богословами и раньше Θеофана, но ни одна изъ нихъ не можетъ быть названа апологетикой въ смыслѣ извѣстной опредѣленной богословской науки съ собственнымъ содержаніемъ, отличнымъ отъ содержанія другихъ, однородныхъ съ ней, наукъ съ особо выработанными формой и методомъ, приноровленными къ ея задачѣ. „Просвѣтитель“ Іосифа Волоцкаго и ему подобныя произведенія составляютъ монографіи апологетическаго свойства и къ наукѣ апологіи относятся, какъ части къ цѣлому. Сочиненіе Прокоповича „О безбожіи“ было у насъ первою систематическою защитою главнѣйшихъ и нѣкоторыхъ второстепенныхъ положеній христіанства, а потому съ него можно начинать исторію апологетики въ Россіи. Появленіе его, какъ видно изъ предисловія, стоитъ въ связи съ религіозною жизнью современнаго передоваго общества, столкнувшагося, съ западными философскими системами и подпавшаго ихъ вліянію. Въ русскомъ обществѣ, особенно между людьми, возвращавшимися изъ-за границы, въ это время начали распростра-

(¹) Очеркъ исторіи апологетики, Рождественскаго Хр. Чт. 1873 г. II, 106 и дал.

няться религіозный индифферентизмъ, скептицизмъ, либерализмъ въ худшемъ смыслѣ этого слова. Петру лично приходилось наказывать своихъ птенцовъ за неблаговѣйное отношеніе къ требованіямъ и обрядамъ религіи. Прокоповичъ подъ атеизмомъ разумѣлъ вообще неблагочестивое, антихристіанское и, частнѣе, антиправославное ученіе, отрицающее тотъ или другой догматъ, противорѣчущее тому или другому христіанскому тезису, замѣчая при случаѣ, что такое-то ученіе атеистично не само по себѣ, а по тѣмъ крайнимъ выводамъ, какія неизбѣжно слѣдуютъ изъ него и несовмѣстны съ идеей бытія Божія. Съ этой точки зрѣнія классификація атеистическихъ доктринъ, представленная Θеофаномъ во 2 й главѣ его произведенія, вполнѣ понятна. Видовъ атеизма въ ней указано шесть: 1) атеизмъ скептическій, отрицающій возможность познанія истины, 2) атеизмъ догматическій, признающій вѣчное бытіе матеріи, 3) атеизмъ аристотелевскій, допускающій изначальное существованіе міра и человѣка независимо отъ творческаго всемогущества создателя, 4) атеизмъ стоическій, допускающій неразрывную связь Бога съ матеріей, 5) атеизмъ эпикурейскій, отвергающій актъ творенія ученіемъ объ атомахъ, и 6) пантеистическій атеизмъ Спинозы; т. е. къ числу атеистовъ у Θеофана отнесены всѣ дохристіанскіе философы и солидарные съ ними новѣйшіе ученые. Судя по сокращенному перечню главнѣйшихъ положеній атеизма (гл. 3), видно, что безбожниками у Θеофана называются всѣ свободные мыслители, такъ или иначе уклонявшіеся отъ библейскаго міровоззрѣнія. Вотъ коренныя положенія атеизма: 1) отрицаніе промысла Божія, 2) безсмертія души, 3) бытія добрыхъ и злыхъ духовъ, 4) пророчествъ, 5) чудесъ, 6) христіанскаго благочестія и 7) св. писанія. Ни Аристотеля съ его философскимъ движущимъ началомъ, ни Платона съ его возвышеннымъ ученіемъ о божествѣ, ни пантеистовъ, уничтожающихъ индивидуальное и конечное во славу безконечнаго, ни деистовъ — Θеофанъ не исключаетъ

изъ числа безбожныхъ философовъ. Объясняя происхожденіе и распространеніе атеизма, Прокопоповичъ указываетъ причину того и другаго въ дурныхъ условіяхъ воспитанія и жизни: 1) „въ природномъ развращеніи“, 2) „въ неумѣренномъ превозношеніи“, 3) въ уродливомъ нравственномъ образованіи. 4) въ чтеніи вредныхъ книгъ. 5) въ пренебреженіи къ евангельскому закону, 6) въ быстромъ размноженіи ересей, 7) въ излишнемъ увлеченіи богословскими преніями. Какъ на отличительный признакъ атеизма, по которому онъ легко узнается, Θеофанъ указываетъ на гордость, на его высокое мнѣніе о себѣ и низкое о другихъ. Отмѣтивъ вредныя послѣдствія атеизма для частныхъ лицъ и общества, Прокоповичъ пытается доказать несостоятельность различныхъ его положеній, указывая 1) на фактъ всеобщности религіи въ человѣчествѣ, приводящій насъ къ сознанію, что идея о Богѣ прирождена человѣческой душѣ 2), на необходимость признать движителя міра и 3) на необходимость видѣть въ виновникѣ творенія великаго художника, создавшаго все по плану, цѣлесообразно и прекрасно. Къ этимъ тремъ общеупотребительнымъ доказательствамъ истины бытія Божія сводится вся аргументація Θеофана, хотя самъ онъ дробитъ ихъ на семь (¹); подраздѣляя телеологическое, напр., доказательство на физико телеологическое и историко-телеологическое и снабжая даже это подраздѣленіе новыми частнѣйшими рубриками. Слишкомъ широкое понятіе атеизма у Θеофана выступаетъ особенно въ послѣднихъ трехъ главахъ его сочиненія (IX, X и XI), гдѣ онъ критически разсматриваетъ системы разныхъ философовъ, проводя свой взглядъ на нихъ, какъ *на произведенія, неизбѣжно приводящія къ неправильному понятію о Божествѣ и разрушающія библейское* ученіе о Богѣ личномъ, отдѣльномъ отъ міра, промыслителѣ и т. д. Аристотель (говоритъ здѣсь между прочимъ

(¹) Христ. Чт. 1873 г. III, 114.

Θеофанъ) „находя составленіе міра сего изъ случайнаго стеченія атомовъ зѣло неудобнымъ и смѣшнымъ, глубоко проникнутъ былъ философскою аксіомою, что изъ ничего ничего не бываетъ. Безконечнаго же создателя либо не вѣдалъ, либо не хотѣлъ признать Его всемогущества, почему и впалъ въ атеистическое мнѣніе, яко міръ сей безначаленъ и вѣченъ, и родъ человѣческій всегда былъ и будетъ. Что убо другое есть сіе, ежели не самое лютое Божества опроверженіе"? Послѣ того какъ слово „атеизмъ" спеціализировалось, на такой вопросъ можно отвѣчать отрицательно: изъ посылокъ, поставленныхъ Θеофаномъ, вовсе не слѣдуетъ, что Аристотель былъ философомъ-атеистомъ; онъ не домыслился до творческаго дѣйствія Божества и не призналъ его въ своей системѣ, но бытіе Божества для него было несомнѣнно; не подозрѣвая своей непослѣдовательности, Прокоповичъ самъ же заимствуется у Аристотеля космологическимъ доказательствомъ бытія Божія (не посредственно, конечно) О пантеизмѣ Спинозы Θеофанъ разсуждаетъ: „основаніе атеизма Спинозы есть исповѣданіе единой субстанціи міра или натуры",—разсуждаетъ совершенно несогласно съ новыми изслѣдованіями спинозизма, по которымъ онъ причисляется къ пантеистическимъ или акосмическимъ системамъ, развивающимся изъ положенія—Богъ есть все. Въ послѣднихъ главахъ своего труда Θеофанъ излагаетъ и положительный взглядъ на богопознаніе, пунктуально опровергая (въ семи апологетическихъ трактатахъ) современныя ему антирелигіозныя воззрѣнія (гл. X и XI). Доказательства при этомъ заимствуются изъ разума, исторіи и св. писанія. Не отличаясь самостоятельностью и оригинальностью, многія изъ этихъ доказательствъ имѣютъ вѣковое достоинство по силѣ убѣдительности и систематическому развитію. Заслуга Θеофана здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не въ томъ, что онъ сказалъ новое слово науки, а въ томъ, что выбралъ, сформировалъ и сдѣлалъ достояніемъ русской духовной литературы заимствованное съ запа-

да,—въ настоящій разъ у англійскихъ и французскихъ богослововъ, много потрудившихся въ борьбѣ съ раціонализмомъ въ разныхъ его видахъ и выработавшихъ прочные доводы въ защиту христіанства. Промыслительная дѣятельность Личнаго Бога, безсмертіе души, истинность чудесъ, важность св. писанія — защищены въ произведеніи нашего богослова очень обстоятельно. „Если, говоритъ г. Рождественскій, и нельзя не замѣтить нѣкоторой односторонности въ пониманіи авторомъ (Θеофаномъ) философскихъ ученій, разематриваемыхъ въ его сочиненіи, то уже одно стремленіе автора стать въ апологетическомъ изслѣдованіи на уровень современныхъ ему воззрѣній, господствовавшихъ на западѣ и отчасти въ нашемъ русскомъ обществѣ, отнестись критически къ этимъ воззрѣніямъ съ точки зрѣнія православной богословской мысли предложить въ формѣ систематическаго изложенія рядъ основаній въ подтвержденіе основныхъ истинъ христіанскаго ученія, которыя подрывались господствовавшими тогда ложными теоріями и сопоставить эти теоріи съ философскими воззрѣніями различныхъ школъ до христіанской древности, — рѣзко выдѣляетъ апологетическій опытъ Θ. Прокоповича въ исторіи нашей скудной апологетики не только изъ предшествующихъ, но изъ большей части послѣдующихъ, особенно переводныхъ, апологетическихъ сочиненій, отъ времени до времени являвшихся въ нашей литературѣ съ конца прошлаго столѣтія, не всегда къ сожалѣнію въ очищенномъ видѣ отъ примѣси мистическихъ, масонскихъ и другихъ воззрѣній, несогласныхъ съ духомъ православія“ (¹).

Сочиненія, написанныя Θ Прокоповичемъ по различнымъ богословскимъ вопросамъ и направленныя противъ невѣжества русскихъ съ одной стороны и противъ иностранныхъ нападокъ на православіе съ другой, заслуживаютъ такъ же какъ и крупныя его про-

(¹) Тамъ же, стр. 388—9.

изведенія, полнаго вниманія исторіи духовной литературы. Къ такимъ сочиненіямъ прина лежатъ, между причимъ, трактаты „О нетлѣніи мощей кіевскихъ угодниковъ Божіихъ“ и „Объ игѣ неудобоносимомъ“. Первый написанъ былъ по поводу печатно высказаннаго лютеранами сомнѣнія въ чудесномъ нетлѣніи кіевскихъ мощей (1). Сомнѣніе основывалось на какихъ-то призрачныхъ данныхъ, если судить о нихъ по апологіи Ѳеофана, который нужно замѣтить, не имѣлъ обыкновенія обходить возраженія противниковъ. Въ данномъ случаѣ всѣ онѣ сводятся у Ѳеофана къ тремъ категоріямъ: къ „резонамъ“ *физическимъ*, *историческимъ* и *богословскимъ*. Физическіе резоны доказывали, что или кіевскія пещеры имѣютъ естественное свойство предохранять тѣла отъ гніенія, обусловливающагося температурой и воздухомъ, или трупы въ кіевскихъ пещерахъ набальзамированы искуственно. Ѳеофанъ утверждалъ напротивъ, что атмосфера кіевскихъ пещеръ скорѣе можетъ содѣйствовать разложенію тѣлъ, чѣмъ ихъ сохраненію, что бальзимороваціе не было въ обычаѣ христіанъ, потому что не имѣетъ себѣ основанія въ ихъ религіи и слишкомъ дорого для нищихъ — подвижниковъ, скончавшихся въ пещерахъ. Дешовыя, простыя средства сохраненія труповъ достигаютъ своей цѣли не на долго, на нѣсколько дней, а не столѣтій. Простыми соображеніями опыта и, частію медицинскимъ авторитетомъ Сеннерта (2). Ѳеофанъ разбилъ и возраженія, касавшіяся кіевскихъ муроточивыхъ главъ. Между богословско-историческими возраженіями первымъ стоитъ вопросъ: кому приписывать честь нетлѣнія мощей (если они дѣйствительно нетлѣнны) - заслугамъ І. Христа, или самихъ угодниковъ? Ѳеофанъ ви-

(1) Сочиненіе, вызвавшее Ѳеофана на отвѣтъ, принадлежало І. Гербиніи и было напечатано въ Кенигсбергѣ въ 1675 г. (см 48 стр. «о нетлѣніи кіев. мощей»).

(2) О нетлѣніи мощей, стр. 61—62.

дѣлъ въ этомъ вопросѣ вопросъ о значеніи для нашего спасенія добрыхъ дѣлъ вообще и отвѣчалъ: хотя нѣкоторые божественные дары иногда ниспосылаются туне, безъ особенныхъ заслугъ человѣка, но добрыя дѣла „суть орудія, чрезъ которыя сила крови и смерти Спасителя нашего въ насъ дѣйствуетъ"; чудотворенія нужны промыслу для нашего же спасенія; онѣ не имѣются въ виду у подвижниковъ, какъ награда за подвиги, но даются имъ, какъ достойнѣйшимъ носителямъ благодати Божіей, во славу добродѣтели на землѣ. (¹). Второй вопросъ: если Богъ прославилъ нетлѣніемъ новозавѣтныхъ праведниковъ, то почему не удостоились той же чести праведники ветхозавѣтные и даже первые поклонники Христа Спасителя—волхвы? На это Θеофанъ отвѣчаетъ, что коль скоро доказана сверхъ-естественная причина нетлѣнія мощей и выяснено, что чрезвычайные дары благодати не составляютъ цѣли искупленія и добрыхъ дѣлъ, хотя и сообщаются преимущественно праведникамъ, то поставленный Гербиніемъ вопросъ является неумѣстнымъ и дерзкимъ, такъ какъ въ немъ слышится безразсудное любопытство, желаніе проникнуть въ судьбы Божіи, *яже суть бездна многа*.—Смерть и тлѣніе, продолжалъ Гербиній, составляютъ удѣлъ человѣчества по опредѣленію Божію; мыслимо ли, чтобы Богъ сталъ въ противорѣчіе съ собою, освобождая отъ тлѣнія святыхъ?—Возраженіе, отвѣчалъ Θеофанъ, направлено уже противъ всѣхъ мощей, а не кіевскихъ только, и падаетъ, послѣ всего сказаннаго выше, са о собою. Богъ по благоусмотрѣнію можетъ измѣнять порядокъ природы и творить чудеса безъ посторонняго совѣта.—Историческіе „резоны" у Гербинія совершенно слабы; иногда и самъ Гербиній сознавалъ это. Таково напр., возраженіе, будто на мѣстѣ нынѣшняго Кіева стояла Троя (sic), и тѣла въ кіевскихъ пещерахъ—ничто иное,

(¹) Тамъ же, 67—73.

какъ набальзамированные трупы троянцевъ; или: будто кіевскія мощи принадлежатъ времени до раздѣленія церквей (¹) Ѳеофанъ совѣтуетъ Гербинію навести поточнѣе справки въ „хронологіи".

„Книжица, въ ней же повѣсть о распрѣ Павла и Варнавы съ іудействующими и трудность слова Петра апостола о неудобоносимомъ игѣ законномъ пространно предлагается" заслуживаетъ вниманіе преимущественно своей послѣдней половиной, основная мысль которой та, что падшій человѣкъ не можетъ совершенно исполнить евангельскаго нравственнаго закона и потому получаетъ оправданіе только черезъ вѣру въ искупительную заслугу І. Христа. Установивъ сначала подлежащій разсмотрѣнію вопросъ и устранивъ неправильныя объясненія библейскихъ выраженій о неудобоносимости законнаго ига, Ѳеофанъ высказываетъ принятый имъ взглядъ на этотъ предметъ. Неудобоносимость закона, по Ѳеофану, состоитъ въ томъ, что никто не въ силахъ исполнить нравственный законъ всецѣло, безъ погрѣшностей, безъ претыканій. Сдѣлуютъ доказательства изъ св. писанія, изъ учителей церковныхъ, изъ соображеній относительно цѣли пришествія на землю Сына Божія, относительно разницы двухъ завѣтовъ относительно оправданія ветхозавѣтныхъ праведниковъ чрезъ вѣру въ грядущаго Мессію. Всего въ сочиненіи 19 главъ. Оно можетъ служить новымъ доказательствомъ въ пользу глубокаго богословскаго образованія автора, хотя по своей близости къ протестантской доктринѣ, вызвало возраженія со стороны опасливыхъ русскихъ архіереевъ и послужило въ свое время поводомъ къ немаловажнымъ смутамъ въ іерархіи.

(¹) Эта мысль высказывалась не однимъ Гербиніемъ; ее же приводилъ въ соч. о признакахъ церкви Ѳеофилъ Рутки, заимствуя содержаніе глав. образомъ у Беллярмина—изъ трактата «De notis ecclesiae».

Θеофилактъ Лопатинскій написалъ противъ Θеофана трактатъ подъ заглавіемъ „Иго Господне благо“ и раздѣлилъ его также на 19 главъ. Здѣсь, послѣ объясненія словъ изъ рѣчи ап. Петра на іерусалимскомъ соборѣ (Дѣян. 15, 10), говорится о законѣ нравственномъ и заповѣдяхъ Божіихъ (гл. 3), о христіанской свободѣ (4), о разностви новаго и ветхаго завѣтовъ (5), о добрыхъ дѣлахъ (6), о мнимыхъ противорѣчіяхъ въ словѣ Божіемъ касательно удобоисполнимости и тяжести заповѣдей (7), разрѣшаются нѣкоторые вопросы о ветхомъ законѣ (8), трактуется о непроизвольныхъ страстяхъ плоти и христіанскомъ совершенствѣ (9), о грѣхахъ простительныхъ (10), о вѣрѣ (11), объ оправданіи (11), о благодати оправдывающей и освящающей (13), о пелагіанской и кальвинской ереси (14), о возможности храненія заповѣдей Божіихъ (15), о добродѣтели угодниковъ Божіихъ (16); въ послѣднихъ главахъ, попреимуществу полемическихъ, авторъ излагаетъ ученіе противника, предполагая въ немъ протестанта по убѣжденіямъ, и опровергаетъ его. Эти главы особенно ясно, замѣчаетъ преосв. Филаретъ, намекаютъ на Θеофаново сочиненіе о неудобоносимомъ игѣ и прямо направлены противъ него (¹).

Два означенныхъ сочиненія служатъ первымъ выраженіемъ розни между двумя партіями писателей—богослововъ петровской эпохи, изъ которыхъ каждая подозрѣвала и обвиняла другую въ неправомысліи. Партія Θеофанова изобличалась въ протестантизмѣ, противоположная ей, во главѣ который стоялъ м. Стефанъ Яворскій, а послѣ него Θ. Лопатинскій, обвинялась въ приверженности къ католицизму. Обѣ стороны, чувствуя себя правыми и дѣйствуя въ интересахъ православной церкви, къ которымъ примѣшивалась и личная вражда, доходили, какъ увидимъ, до несправедливой рѣзкости на бумагѣ и до жестокости въ мщеніи на практикѣ.

(¹) Обзоръ духов. литературы, преосв. Филарета. ч. II, стр. 31.

4) **Сочиненія противъ протестантскаго ученія.** Хотя и говорятъ, что протестантизмъ не имѣетъ стремленія пріобрѣтать себѣ прозелитовъ (1), тѣмъ не менѣе русская церковь, какъ извѣстно, понесла много труда въ борьбѣ съ нимъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ этой борьбы совершился при Петрѣ В., когда обстоятельства сложились особенно благопріятно для лютеранской пропаганды въ нашемъ отечествѣ. Не слушая совѣтовъ ревнителей православія, видѣвшихъ дурную сторону въ сближеніи русскихъ съ иностранцами, Петръ, преслѣдуя практически - гражданскія цѣли, издалъ въ 1702 году манифестъ о свободѣ вѣроисповѣданій, подъ прикрытіемъ котораго издавна основанная въ Москвѣ нѣмецкая слобода процвѣла, расширилась и стала центромъ антиправославной пропаганды, быстро развивавшейся на почвѣ, подготовленной русскими вольнодумцами протестанскаго пошиба, вооружавшимися противъ авторитета православнаго духовенства, противъ обрядовъ и таинствъ церкви. Русское юношество, ѣздившее учиться за границу, часто беззавѣтно отдавалось иноземщинѣ, заимствуя изъ нея больше дурнаго, чѣмъ хорошаго, утрачивало любовь къ родинѣ и уваженіе къ православію, увлекаясь обрядовою свободою протестанства, „отступая чести за курочку въ постъ“. Изъ нѣмецкой слободы вышелъ извѣстный Дм. Тверитиновъ, который, благодаря своей профессіи (онъ былъ медикъ), позволявшей ему посѣщать многіе дома, при ловкости и краснорѣчіи скоро пріобрѣлъ себѣ ревностныхъ послѣдователей и помощниковъ въ дѣлѣ лютеранской пропаганды: Косаго, Максимова, Мартынова, Минина, Ѳому Иванова и др.; ихъ трудами ересь распространилась далеко на сѣверъ, за предѣлы Москвы, а въ самой Москвѣ нашла себѣ приверженцевъ между придворными чинами и духовенствомъ. Но были у Тверетинова и враги, слѣдившіе за его дѣйствіями.

---

(1) Г. Терновскій. Пр. Об. 1863 г. кн. 4, 5, 6 и 8.

Первымъ оказался шуринъ его, монахъ Пафнутій, который когда-то самъ увлекался ученіемъ зятя, но потомъ „исправился и на него за церковь возсталъ“. Сперва Пафнутій защищалъ православіе въ устныхъ бесѣдахъ съ Тверитиновымъ; пользы отъ того вышло немного: еретикъ былъ упоренъ и не безъ успѣха оспаривалъ своего оппонента. Тогда Пафнутій рѣшился на составленіе письменной, болѣе или менѣе полной и обстоятельной защиты и написалъ сочиненіе: „Рожнецъ духовный. Вкратцѣ собраніе отъ божественныхъ писаній противолютеранская и калфинская и иныхъ еретиковъ, умствующихъ и непокоряющихся восточнѣй, соборнѣй и апостольстѣй церкви“. По характеру своему это сочиненіе принадлежитъ къ типу сочиненій, написанныхъ начитанными самоучками; въ изложеніи его нѣтъ системы. Оно имѣетъ діалогическую форму и носитъ на себѣ явные слѣды недавнихъ споровъ съ Тверитиновымъ. Въ началѣ сочиненія поставленъ главный вопросъ — о значеніи св. писанія и св. преданія и ихъ взаимномъ отношеніи. Пафнутій рѣшаетъ его, какъ и другіе затронутые еретиками вопросы, на основаніи св. писанія и разума, соображая, что иныхъ авторитетовъ въ богословской области его противники не признаютъ. Сила доводовъ Пафнутія— въ хорошемъ подборѣ текстовъ, въ умѣньи подмѣтить слабыя стороны противника и поставить его въ затруднительное положеніе при помощи оружія, которое тотъ самъ избралъ для полемики. Число возраженій, нашедшихъ себѣ отвѣтъ у Пафнутія, не исчерпываетъ всѣхъ разногласій православія съ протестантизмомъ. Авторъ „Рожнца“ имѣлъ намѣреніе опровергать не систему протестанства, а только заблужденія Тверитинова и его послѣдователей. Кромѣ основнаго вопроса о св. писаніи, какъ единственномъ источникѣ богословія, „Рожнецъ“ разсуждаетъ по вопросамъ: есть ли основаніе въ св. писаніи на то, чтобы молиться о заступленіи ангеламъ и умершимъ святымъ? Слѣдуетъ ли воздавать имъ почтеніе, какое воздаетъ православ-

ная церковь? Заслуживаютъ ли довѣрія мощи и чудеса, совершающіяся при нихъ? Можно ли знать до дня суднаго, кто праведенъ и кто грѣшенъ? Позволительно ли строить храмы въ честь святыхъ? Иконопочитаніе не есть ли идолопоклонство? Не противорѣчитъ ли св. писанію монашество? Какой смыслъ имѣетъ молитва, поклоны на молитвахъ и вообще церковная обрядность? Нужна ли проповѣдь, какъ разъясненіе догматовъ вѣры и обязанностей христіанина, не стѣсняетъ ли она свободы вѣры? На чемъ основывается обычай налагать эпитиміи? Имѣетъ ли молитва за умершихъ значеніе? Совершается ли пресуществленіе даровъ въ евхаристіи? Нужна ли вода при крещеніи? Какой смыслъ таинства священства? Какъ понимать слова св. писанія, что живущій по вѣрѣ, какова бы ни была послѣдняя, пріятенъ Богу? Есть ли у ангеловъ іерархія? Крестъ, какъ орудіе казни Богочеловѣка, заслуживаетъ почтенія, или пренебреженія? Необходимо ли прямое указаніе библіи во всѣхъ случаяхъ нашей вѣры и обрядности, или иногда достаточно примѣненія къ ней? — О. Пафнутій раздѣлилъ свое произведеніе на 46 частей, по числу разрѣшенныхъ въ немъ возраженій. Въ существѣ дѣла, всѣ они сводятся къ выше поставленнымъ вопросамъ, и дробность въ изложеніи Пафнутія отчасти зависѣла отъ его повторяемости, отчасти отъ неумѣнья обобщить нѣсколько близкихъ по содержанію возраженій въ одно и отвѣчать на него систематически—послѣдовательно. Повторимъ здѣсь, что авторъ „Рожица“ находился подъ вліяніемъ живой бесѣды съ Тверитиновымъ, въ которой спорящія стороны, по тому или другому поводу, всегда могутъ возвращаться къ прежде сказанному. Возраженія относительно ангеловъ и святыхъ отшедшихъ Пафнутій поставилъ въ началѣ сочиненія (подъ цыфрою 5), но не обсудивъ ихъ вполнѣ въ одномъ мѣстѣ, дополняетъ свой отвѣтъ подъ 37-ю рубрикою и

далѣе (1). Крупные и мелкіе вопросы Пафнутій мало различаетъ, сперва онъ занятъ догматическимъ, потомъ обрядовымъ, потомъ опять догматическимъ тезисомъ православія, хотя не рѣдко у него замѣчается стремленіе подчинить важнѣйшему менѣе важное и указать тѣмъ самымъ на связь, на взаимное отношеніе того и другаго (2). Сила доводовъ Пафнутія, сказали мы, заключается въ его знаніи библіи и въ умѣньи логическимъ путемъ разбить хитросплетенія противника. Примѣры хорошо подобранныхъ цитатъ у него встрѣчаются на каждомъ шагу.—Какъ на образецъ всѣхъ доказательствъ отъ разума, можно указать на аргументацію Пафнутія въ пользу таинства евхаристіи. Протестанты говорятъ ему, что пресуществленіе даровъ недоступно внѣшнимъ чувствомъ и потому сомнительно. Онъ отвѣчаетъ: лучше довѣрять глаголу Божію, никогда не изнемогающему, нежели чувствамъ, часто обольщающимъ насъ. Ангелъ, спутникъ Товіи, на взглядъ послѣдняго былъ человѣкъ. І. Христосъ по воскресеніи не былъ узнанъ апостолами, пока самъ не открылся—и т. д. Протестанты говорятъ: огонь—не вода, хлѣбъ—не тѣло и кровь—не вино. Пафнутій отвѣчаетъ: огонь въ пещи вавилонской орошалъ отроковъ, вода, возлитая на жертву (пр. Иліи), попалила ее—и т. д. (3). Вся задача Пафнутія—въ опроверженіи возраженій; надъ ней онъ трудится съ начала до конца сочиненія, излагая православное ученіе въ самыхъ краткихъ словахъ, насколько это было необходимо для сопоставленія его съ протестантскими мыслями. Иначе сказать, положительная сторона сочиненія Пафнутія сквозитъ въ отрицательной, отражается въ ней, какъ контрастъ. Съ положительной стороны трудъ этотъ

(1) Пр. Об. 1863 г XII, 201 и 215.

(2) Вопросъ о монашествѣ. Тамъ же стр. 209—10.

(3) Тамъ же, 213.

не претендовалъ ни на какое значеніе; онъ былъ важенъ только въ полемическомъ отношеніи, пригоденъ для своей спеціальной цѣли. Мудрость православія въ разсужденіи подлежавшихъ разсмотрѣнію вопросовъ, не раскрыта для читателей: она подразумѣвается сама собою. Полноты безотносительной, поэтому, въ „Рожницѣ“ нѣтъ.—„Слогъ Рожница“, говоритъ г. Терновскій, не можетъ похвалится правильностью и чистотою; видно, что авторъ считалъ своею обязанностію писать книжнымъ, славянскимъ языкомъ, но видно также, что ему трудно было втискивать живую рѣчь въ непривычныя формы“ (1).

Самымъ сильнымъ противникомъ Тверитинова и его сообщниковъ былъ м. Стефанъ Яворскій. Какъ только дошелъ до него слухъ о ереси, онъ, не смотря на видимое несочувствіе государя, рѣшительно началъ преслѣдовать ее даже полицейскими мѣрами. Гражданскимъ судомъ онъ довелъ одного изъ приверженцевъ протестантизма до казни, а остальныхъ предалъ церковному отлученію, пока не раскаются. Предостерегая отъ ереси народъ, Стефанъ обличалъ ее въ устной проповѣди. Затѣмъ, противъ нея онъ написалъ капитальное сочиненіе подъ заглавіемъ: „Камень вѣры православно-каѳолическія восточныя церкви святыя, сыномъ на утвержденіе и духовное назиданіе, претыкающимся же о камень претыканія и соблазна на возстаніе и исправленіе“.—„Камень вѣры“ не представляетъ собою самостоятельнаго труда. Названіе заимствовано у іезуита Ѳеофила Рутки, написавшаго сочиненіе „Lapis“, (2) а въ содержаніи очень много взято изъ сочиненія католическаго богослова Беллярмина. Ни научныхъ средствъ, ни времени у Стефана не было на то, чтобы написать исключительно самому такое обширное и основательное сочиненіе, какимъ представляется

(1) Тамъ же, стр. 200.

(2) Труды К. Д. Ак. 1864 г. I. Біогр. Стефана Яворскаго, стр. 62.

„Камень вѣры", и опъ обратился къ готовой противопротестантской системѣ Беллярмина, очень научной, обильной доводами изъ св. писанія, соборныхъ постановленій, отеческихъ произведеній, исторіи церкви и др. источниковъ. Манера опровергать противниковъ и доказывать свои положенія взята Стефаномъ у Беллярмина же. Сдѣлаемъ нѣкоторые сопоставленія. На первомъ мѣстѣ въ „Камнѣ вѣры" стоитъ трактатъ о святыхъ иконахъ. Въ сочиненіи Беллярмина соотвѣтствуетъ ему трактатъ „De reliquiis et imaginibus sanctorum". М. Стефанъ, прежде чѣмъ начинать изложеніе доказательствъ православнаго ученія, ставитъ рубрику: „Извѣщеніе глаголемыхъ и нѣкая къ свѣденію подлежащая", подъ которой объясняетъ значеніе словъ „икона" или „образъ", а въ началѣ полемической части трактата различаетъ понятія иконопочитанія и идолослуженія. У Беллярмина рѣчь о томъ же ведется подъ заглавіемъ „De nonne imaginis et idolis" (1) У Стефана аргументація направлена къ тому чтобы доказать законность иконопочитанія и опровергнуть его противниковъ. Беллярминъ въ первыхъ строкахъ названной главы говоритъ: „теперь намъ, сообразно съ планомъ нашей полемики, слѣдуетъ говорить о почитаніи иконъ, т. е. 1) разсуждать о понятіяхъ „образъ" и „идолъ" и „изображеніе" (икона), 2) о противникахъ иконопочитанія, 3) позволительно ли имѣть иконы, 4) позволительно ли ихъ почитать, 5) какъ почитать".... Беллярминъ выясняетъ понятія иконопочитанія и идолослуженія историческимъ путемъ, показывая, у какихъ древнихъ и новыхъ писателей и въ какомъ смыслѣ употреблялись обозначающія ихъ слова. М. Стефанъ держится въ этомъ случаѣ только на почвѣ св. писанія и при помощи его старается разграничить тѣже понятія, но цитуетъ библію по Беллярмину. Иногда Онъ

(1) Камень вѣры. I, 1—4; 109—111; Bellarm. t. s. De reliquiis sanct., cap. V. p. 432 и д.

переставливаетъ доказательства источника, нѣкоторыя изъ нихъ совсѣмъ опускаетъ, какъ неправославныя; иногда (когда у него есть русскіе авторитеты) прибавляетъ свои. Измѣненный въ подробностяхъ планъ полемики позволяетъ Стефану помѣщать рядомъ такія доказательства, которыя у Беллярмина разбросаны (1). Сокращенія въ выраженіи однихъ мыслей и распространенія въ другихъ, своеобразное построеніе силлогизмовъ придаютъ „Камню вѣры“ характеръ самостоятельности (2). Чтобы видѣть зависимость „Камня вѣры“ отъ Беллярмина относительно библейскихъ цитатъ, приведемъ выдержки. У Беллярмина: „Iacob vidit Deum, innixum summitati scalae et proinde forma corporea. Genes. 28. v. 13. Moyses vidit posteriora Dei, id est tegra et humeros. Exod. 33, v. 23. Isaias cap. 6, v. 1 et Michaeas 3 Reg. ult. v. 19. viderentur Dominum, sedentem in solio ad formam hominis Regis, et Amos cap. 9, v. 1. vidit Dominum stantem super altare.... Spiritus sanctus apparuit in forma columbae. Matth. 3, 16 Denique angeli apparientur frequentissime in forma humana. Genes. 18, v. 2, 19, v. 1 et in liber. Tobiae. Visi sunt etiam cum aliis, ut Jsaiae 6, v. 2, Daniel. 9, v, 21 et in candida, Matth, ultimo

---

(1) Измѣненіе это, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, что Беллярминъ напр., подъ рубриками, намѣченными въ главѣ «De nomine imaginis et idolis» послѣдовательно, въ связи съ полемикой, большею частію въ вопросо-отвѣтной формѣ, приводитъ цитаты изъ св писанія, соборовъ, св. отцевъ, исторіи и т. д., не дѣлая для нихъ особенныхъ рубрикъ, а только выставляя цыфры предъ каждымъ формулированнымъ доказательствомъ; авторъ же «Камня вѣры», кромѣ Беллярминова дѣленія, неозначеннаго въ заглавіяхъ, но удержаннаго въ расположеніи мыслей, ставитъ особыя рубрики, въ родѣ «твердость камене вѣры отъ св. писаній» (гл. 1) «отъ соборовъ вселенскихъ» (гл 2) и т. д. Цыфры Беллярмина у него замѣнены цѣлыми выраженіями:—«заключеніе глаголемыхъ первое», «заключеніе глаголемыхъ второе», «утверженіе», «подкрѣпленіе» и т д.

(2) Ср. Кам. вѣры, стр. 2—3. 8, 9, 27, 109. 110. 111 и дал. и Бдллярм. I sec., стр. 137 дѣленіе 17; стр. 138 дѣл II; стр. 137, дѣл. 14; стр. 138. дѣл 23; 137. 28; 138, 26, 138,. 7. 445, 12..

v. 3, luce ultimo, v. 4, et Joan. 20, v. 12"... Въ „Камнѣ вѣры" читаемъ: „Господь явился Іакову на лѣствицѣ утверждающся. (Быт. 28) И паки: къ Моисею рече: задняя моя узрини, лице же мое не явитися (Исх. 33) И паки: Духъ св. виденъ бысть въ видѣ голубинѣ (Мѳ. 3). Тое же разумѣй и о ангелахъ, иже аще и безплотни суть, обаче во образѣ тѣлеснѣмъ являхуся. Якоже Аврааму, Товіи, Исаіи, Даніилу, мироносицамъ при гробѣ Господнемъ и прочімъ по воскресеніи Христовомъ (Быт. 28, Исх. 33, Исаія 6, 3 Цар. 25, Мѳ. 3)", Ссылокъ на св. писаніе въ „Камнѣ вѣры"—множество. за нѣкоторыми исключеніями, они подобраны хорошо.—Кромѣ цитатъ изъ св. писанія, м. Стефанъ заимствовалъ у Беллярмина цитаты изъ соборныхъ постановленій, изъ свв. отцовъ, историческія свѣдѣнія. Тутъ разница между ними замѣтнѣе. Видно, что у м. Стефана были подъ руками нѣкоторые изъ источниковъ, указанныхъ Беллярминомъ, что̀ позволяло ему провѣрять послѣдняго и дѣлать свои прибавки. Нерѣдко онъ указываетъ на свято отеческія творенія, которыми самъ пользовался (1). Въ выборѣ цитатъ каноническаго характера авторъ „Камня вѣры" соблюдаетъ надлежащую осторожность. Обходя католическіе соборы и многія произведенія западныхъ учителей, онъ останавливается на авторитетахъ церкви восточной (разумѣется и на тѣхъ, которые признаны ею за таковые, хотя бы были и западнаго происхожденія), часто дѣлая при этомъ такого рода указанія: „Вѣдѣти же подобаетъ, яко свидѣтельства послѣдствующихъ здѣ отецъ святыхъ взята суть отъ Дамаскина святаго, отъ трехъ его бесѣдъ, якоже богомудрѣ написалъ есть о почитаніи иконъ святыхъ діалектомъ греческимъ" (2). Тоже дѣлаетъ онъ относительно русскихъ сочиненій. Доказывая, напр., „твердость камене вѣры отъ исторій церковныхъ и отъ чудесъ, при иконахъ святыхъ бываемыхъ", онъ беретъ изъ исторіи фактъ,

(1) Камень вѣры, I, 38, 50, 116, 119, 121, 239, отр. и др.

(2) I, гд. IV; также III, 20; III, 22 и др.

что I. Христосъ послалъ Авгарю свое изображеніе и прибавляетъ: „читай о семъ въ прологѣ, августа въ 6 день, и видѣ начало иконъ у Самаго I. Христа". Также онъ цитуетъ Кормчую и богослужебныя книги.— Доказательства отъ разума въ „Камнѣ вѣры" взяты изъ Беллярмина же. Въ трактатѣ о св. иконахъ м. Стефанъ указываетъ признаки истинной церкви, подводитъ подъ нихъ церковь восточную, дѣлаетъ выводъ о необходимости повиноваться ей, какъ непогрѣшимой хранительницѣ и толковательницѣ божественнаго откровенія, обличаетъ въ неповиновеніи ей протестантовъ— по трактату Беллярмина „De ecclesiae natura et proprietatibus" и „De notis verae ecclesiae", по обыкновенію опуская непригодные для православнаго богослова аргументы и придерживаясь постоянно св. писанія, такъ что цѣлые отдѣлы раскрывающіе „твердость камене вѣры отъ доводнаго показанія", представляютъ собою умозаключеніе по формѣ syllogismi theologici.— Не смотря на такую сильную зависимость „Камня вѣры" отъ сочиненія Беллярмина, онъ можетъ быть вполнѣ названъ камнемъ православной вѣры: католическія идеи, которымъ, кажется, легко было проникнуть въ произведеніе м. Стефана не проникли въ него.—При первой возможности оставить католическій источникъ, Стефанъ оставлялъ его въ пользу православнаго и уже безъ стѣненія, безъ пропусковъ и передѣлываній, списывалъ цѣлыя страницы изъ I. Дамаскина, изъ I. Златоуста, изъ „Православ. исповѣданія" и т. п. Въ этихъ аторитетахъ онъ видѣлъ надежнѣйшую опору своему богословствованію и вѣрнѣйшее средство расположить въ свою пользу читателей. Беллярмина онъ нигдѣ не цитовалъ, избѣгая нареканій.

Вопросы, разсмотрѣнные въ „Камнѣ вѣры"—тѣже, которые рѣшилъ и о. Пафнутій въ „Рожицѣ", съ прибавкою двухъ, очень важныхъ: о значеніи литургіи, какъ умилостивительной жертвы, и объ оправданіи человѣка вѣрою и добрыми дѣлами,—и за исключе-

ніемъ вопросовъ о монашествѣ, о чинахъ церковныхъ и о почитаніи святыхъ. Одного общаго, всеобъемлющаго и всепроникающаго начала, которое устанавливало бы связь между всѣми отдѣлами сочиненія, въ „Камнѣ вѣры нѣтъ. „Камень вѣры"—не система, а полемическій отвѣтъ на вопросы, поставленные временемъ, хотя, сравнительно съ Рожнцемъ", онъ представляется болѣе полнымъ и систематичнымъ опроверженіемъ протестантской доктрины. Хотя м. Стефанъ не постарался размѣстить части своего сочиненія соотвѣтственно ихъ важности, но каждый отдѣльный трактатъ у него, не связанный съ предыдущимъ и послѣдующимъ, является цѣльнымъ, законченнымъ изслѣдованіемъ по однообразному, разъ избранному плану. Доказательства отъ св. писанія, отъ соборовъ вселенскихъ, отъ благочестиваго ученія отецъ св., отъ исторій церковныхъ, отъ чудесъ, отъ доводнаго показанія, на св. писаніяхъ утвержденнаго, слѣдуютъ въ положительной и отрицательной частяхъ каждаго трактата сплошными рядами и неуклонно бьютъ въ одну цѣль, подкрѣпляютъ и дополняютъ другъ друга, измѣняютъ позицію противника, изъ наступательнаго положенія ставятъ въ оборонительное и отступательное. Послѣ каждой частной побѣды, авторъ „Камня вѣры" останавливается какъ бы осматривается, чтобы потомъ снова начать съ опредѣленнаго пункта. Показавъ въ трактатѣ о св. иконахъ „твердость камене вѣры" отъ писанія, м. Стефанъ пишетъ „заключеніе глаголемыхъ первое", потомъ—„второе" и д., сколько ему ихъ нужно, затѣмъ снова ставитъ цѣль и идетъ къ ней путемъ научной силлогизаціи. „Не можетъ быти то грѣхомъ, что Господь Богъ творити повелѣваетъ.... но понеже творити образъ Богъ повелѣваетъ... убо творити образъ нѣсть грѣхъ",—это схема его вывода изъ доказательствъ отъ св. писанія. „Мощно, глаголюгъ, имѣти иконы, но почитати я и тѣмъ кланятися не подобаетъ. Тако ли глаголете противницы"? Отвѣтъ слѣдуетъ далѣе.—Съ цѣлію найти надлежащій смыслъ священнаго текста,

авторъ „Камня вѣры“, придерживаясь своего принципа „свящ. писаніе само себе толкуетъ“, обыкновенно прибѣгаетъ къ контексту, уясняя его толкованіемъ свв. отцовъ и дѣлаетъ выводъ въ формѣ силлогизма (1). Для выясненія своей мысли, въ видахъ устраненія неправильнаго пониманія, или намѣреннаго извращенія со стороны противниковъ, а также для того, чтобы сообщить ей осязательныя формы непререкаемой истины, онъ приводитъ сравненія (2). Разнородные цитаты у м. Стефана въ совокупности составляютъ посылки одного полисиллогизма, первое звѣно котораго иногда отстоитъ отъ заключенія на нѣсколько листовъ, хотя находится съ нимъ въ тѣсной связи. Чтобы читатель не терялся, не путался въ длинной цѣпи аргументовъ, ему часто предлагается резюмѣ сказаннаго (3). Не довольствуясь прямыми письменными свидѣтельствами древности въ пользу православнаго ученія, м. Стефанъ прибѣгаетъ къ косвеннымъ даннымъ, сообщая имъ чрезъ введеніе въ логическую цѣпь вѣское значеніе (4). Такъ какъ протестанты недовѣрчиво относятся къ богословскимъ авторитетамъ, кромѣ св. писанія, то въ „Камнѣ вѣры“ свидѣтельства преданія связываются съ библейскими текстами (5). Въ отдѣлахъ отрицательнаго характера обыченъ такой пріемъ: прежде всего указывается камень претыканія и соблазна, о которой запнулись противники, каковымъ является большею частію выдержка изъ св. писанія, изъ соборныхъ дѣяній и т. д., потомъ опредѣляется способъ правильнаго пониманія приведеннаго мѣста, высказывается православный взглядъ на него и начинается защита послѣдняго въ связи съ опроверженіемъ протестанскаго

(1) Тамъ же I, 14.

(2) Тамъ же, I, 16, 22 и др.

(3) I, 25—26.

(4) I, 27.

(5) I, 33 и д., 52, 61, 63 и дал.

ученія, при чемъ Стефанъ старается поставить ученіе противниковъ въ разладъ съ писаніемъ и преданіемъ, ищетъ въ немъ внутреннихъ противорѣчій и недомолвокъ, зависящихъ отъ непослѣдовательности, доводитъ его до крайностей по способу ab absurdo и ad absurdum. При случаѣ указывается явное разногласіе въ сужденіяхъ объ одномъ и томъ же предметѣ у лютеранъ и кальвинистовъ, родственниковъ по происхожденію. Въ концѣ изслѣдованія того или другаго вопроса у автора „Камня вѣры“ какъ бы невольно прорывается побѣдный возгласъ, и прилагается нѣсколько строкъ, а послѣ крупныхъ трактатовъ нѣсколько страницъ, назидательнаго свойства или для православныхъ читателей, или для противниковъ.

Принципы пониманія и толкованія св. писанія у м. Стефана высказаны ясно. „Преданія къ вѣрѣ, говоритъ онъ, тако суть потребна, яко единемъ преданіемъ можетъ быти вѣра, а безъ преданій св. писаніе нѣсть къ вѣрѣ довольно“. Это первый принципъ, указывая который, авторъ, очевидно, хотѣлъ поднять въ глазахъ читателя источникъ богословской мысли, отвергаемый протестантами. Увлеченный собственнымъ усердіемъ, онъ даетъ преданію слишкомъ большое значеніе, такъ что думается, не станетъ ли м. Стефанъ злоупотреблять этимъ богословскимъ источникомъ въ полемикѣ съ людьми, непризнающими его. Оказывается—нѣтъ. Стефанъ не упускалъ изъ вида ученія своихъ противниковъ и на доводы изъ преданія не особенно расчитывалъ, а если и помѣщалъ ихъ, то въ качествѣ дополненія, очень, впрочемъ, обширнаго, въ виду православныхъ читателей (черта, отличающая „Камень вѣры“ отъ „Рожнца“). „Писаніе священное само себе толкуетъ“. Это второй принципъ Стефана—экзегетическій, котораго онъ крѣпко держится вездѣ, гдѣ можно и должно, и о которомъ очень часто говоритъ въ своихъ трактатахъ. „Не тако нечестивіи, не тако, обыкновенно восклицаетъ онъ, когда видитъ, что текстъ приводится противниками отрывочно и толкуется про-

извольно,—но приведите намъ писаніе полное. Вѣдати бо о семъ предлежитъ, яко нѣсть истиннѣйшаго толкованія писаній священныхъ, якоже само писаніе священное, многащи бо предваряющая словеса послѣдствующими толкуетъ, или, вопреки, послѣдствующая толкуетъ предваряющими" (1). Контекстомъ и параллелизмомъ авторъ „Камня вѣры" пользуется въ широкихъ размѣрахъ и большею частію добросовѣстно, безъ натяжекъ. Страницы и листы, испещренные библейскими цитатами, встрѣчаются въ „Камнѣ вѣры" постоянно; одни изъ нихъ содержатъ одинаковыя, близкія по смыслу мѣста писанія, другія — мнимо-противорѣчивыя; и тѣ и другія отлично приноровлены къ цѣлямъ автора (2). Обычая схоластиковъ, искать въ словѣ Божіемъ множество смысловъ, въ „Камнѣ вѣры" не замѣчается. „Въ священныхъ писаніяхъ говоритъ Стефанъ, два суть къ разумѣнію подлежащая: письмя и разумъ (духъ), якоже въ человѣцѣ тѣло и душа. И о сихъ, по толкованію нѣкіихъ учителей, апостолъ глаголетъ; письмя убиваетъ, а духъ животворитъ. Аки бы рекше: аще держишися праваго писаній разума, иже есть аки духъ оживляющъ, будетъ ти во спасеніе, аще не пренебрежеши истиннаго и праваго писаній разума, и внѣшнему точію письмени внемлеши, прельстишися". Не смотря на то, что, какъ увидимъ ниже, м. Стефанъ въ своихъ проповѣдяхъ употреблялъ схоластическіе пріемы толкованія, въ „Камнѣ вѣры" онъ воздерживается отъ этого и протестантамъ рекомендуетъ, въ избѣженіе безконечныхъ разногласій, при объясненіи свящ. текста руководиться мнѣніемъ церкви. „Аще вы, противницы, говоритъ онъ, на единомъ точію священномъ писаніи утверждаетеся, правила же и уставы вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, такожде и отецъ святыхъ преданія отмѣтаете, то како въ распряхъ.

(1) I, 110; тоже см. стр. 111.

(2) III, 36 и дал.

о вѣрѣ бываемыхъ можетo имѣть конецъ и опредѣленіе? Кто страны противныя между вами разсудитъ и едину истинную, другую же лживу быти распознаетъ и рвеніямъ конецъ сотворить?... Добро есть священнаго писанія держатися: но аще будетъ сумнительно, обоюдно, неясно и, по вашему свободному мудрованію, на двѣ противныя страны толкуемо, кто разсудитъ ея? кто дастъ ему правое и опредѣлительное толкованіе“ (1)? Когда Стефану возразили, что св. писаніе ясно, не обоюдно, онъ выписалъ множество „въ свящ. писаніяхъ встрѣчающихся мнимыхъ противорѣчій, яже немалымъ трудомъ читателя обременяютъ“ (2), и привелъ убѣдительнѣйшій примѣръ разнобразныхъ утонченныхъ толкованій словъ Спасителя: *сіе есть тѣло Мое* (3).

Въ заключеніе повторимъ, что авторъ „Камня вѣры“, какъ православный богословъ, внушаетъ къ себѣ полное довѣріе, что онъ очень строгъ и разборчивъ въ пріисканіи авторитетовъ. Всѣ обвиненія, сыпавшіеся на Стефана — въ томъ, что онъ больше католикъ, чѣмъ православный, больше слуга папы, чѣмъ русской церкви, могли принадлежать или его личнымъ врагамъ, или замаскированнымъ врагамъ православія, или, наконецъ, совсѣмъ непроницательнымъ, невѣжественнымъ ревнителямъ отечественной вѣры.— Скажемъ нѣсколько словъ и о недостаткахъ „Камня вѣры“. На немъ лежитъ глубокой слѣдъ довольно сильной раздражительности—общая черта полемическихъ сочиненій петровской эпохи, нетолько русскихъ, но и иностранныхъ (4). У него встрѣчаются, напримѣръ, така-

(1) «Камень вѣры» III, 30.

(2) III, 36—40.

(3) III, 96—97. Варіаціи въ толкованіи этого текста онъ насчитываетъ до 26-ти.

(4) Схоластическая сторона «Камня вѣры», а также отношеніе м. Стефана къ протестантской доктринѣ, выразившееся въ этомъ сочиненіи, довольно подробно разсмотрѣны въ статьѣ г. Терновскаго. Пр. Об. 1863 г. XII, 270 и дал.

го рода заключенія по аналогіи. „Первому собору никейскому повинуетеся, противницы, убо и второму должни есте. Аще же сей отмѣщете, отвержите и первый и тако злочестія Аріева держитеся“ (1). Или: *„слово крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія* (1 кор. 1, 18). Отъ сихъ словесъ апостольскихъ сицевъ доводъ: имъ же слово крестное бываетъ юродство, тіи суть сынове погибели. Слово бо крестное погибающимъ убо юродство есть. Но вамъ, противницы, слово крестное есть юродство. Егда бо мы кланяемся кресту Господню и научаемъ кланятися, вы сему смѣетеся и насъ вмѣняете быти юродивыхъ. Понеже убо вамъ слово крестное есть юродство, убо вы есте сынове погибели“ (2). Странными и неумѣстными кажутся, наряду съ серьезными доводами, и тѣ схоластическія препирательства, въ которыя довольно охотно вступаетъ Стефанъ въ своихъ искуственныхъ діалогахъ (полемическіе отдѣлы у него имѣютъ большею частію діалогическую форму) (3). Въ пріисканіи ветхозавѣтныхъ прообразовъ, различнаго рода сравненій и подобій также замѣчается схоластическая замашка. Въ главѣ „Твердость Камене вѣры отъ проображенія креста Христова въ ветхомъ завѣтѣ“ прообразовъ оказывается больше 30-ти. Между прочимъ, здѣсь читаемъ: „креста проображеніе бѣху два полѣнца, яже жена вдовица въ Сарептѣ Сидонской собираше, еже спѣщи малъ опрѣснокъ“ (4). Побѣдные возгласы, которыми заключаются почти всѣ крупныя и мелкія части „Камня вѣры“, часто выражены неумѣренно. Иногда они занимаютъ цѣлыя листы и страницы. Патетическія изліянія облечены у Стефана въ

(1) Камѣнь вѣры I, 34.

(2) Тамъ же I, 235—6.

(3) I, 20—21.

(4) I, 223.

самую витіеватую форму, писаны самымъ торжественнымъ стилемъ, съ схоластическими украшеніями.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, которые очень ловко высчитали противники м. Стефана, чтобы уронить въ глазахъ читателей и сочиненіе и автора, „Камень вѣры“ произвелъ въ свое время замѣчательное дѣйствіе въ Россіи и заграницей, вызвалъ цѣлую полемическую бурю, потому что направленъ былъ не противъ горсти московскихъ еретиковъ, запуганныхъ судомъ, а противъ протестантской доктрины, лежавшей въ основѣ ученія Тверитинова. Полемика эта важна въ томъ отношеніи, что вызвала на откровенность два враждебныхъ западныхъ церковныхъ лагеря и выяснила ихъ корыстные взгляды на русскую церковь которая, по выраженію г. Извѣкова, представлялась имъ лакомымъ кускомъ, и въ спорѣ изъ за которой они стали соперниками. Обыкновеннымъ пріемомъ, употреблявшимся у католиковъ и протестантовъ въ видахъ привлеченія Россіи, было излагать свое и православное ученіе въ примирительномъ духѣ, доказывать, что эти ученія facillime legitimeque uniuntur и, какъ бы a propos, чернить въ глазахъ русскаго духовенства и народа своихъ противниковъ, соискателей вліянія на Россію. Таковы, напр., были два протестантскихъ сочиненія. іенскаго профессора Будлея и и профессора петербургской академіи Коля (1), написанныя еще до появленія „Камня вѣры“ какъ только пронесся слухъ о замыслахъ сорбонскихъ богослововъ касательно соединенія церквей. Сочиненіе м. Стефана, мѣтко направленное противъ всевозможныхъ попытокъ на этотъ же счетъ со стороны лютеранства, разоблачавшее „волковъ въ овчихъ кожахъ“, естественно, испугало послѣднихъ и поставило ихъ въ оборонительное положеніе. Нужно было, во чтобы то ни стало, отразить своевременно тяжелый ударъ и прежъ-

(1) Православ. обозр. 1876 г., II, 141.

де всего доказать, что онъ принадлежитъ не безпристрастному перу православнаго богослова (православная доктрина - де такъ близка къ лютеранству!) а раздражительному врагу лютеранства—католику, доказать, что м. Стефанъ Яворскій вовсе не охранитель русской церкви, а усердный защитникъ тѣхъ убѣжденій, которыя вынесъ онъ изъ коллегій братьевъ іезуитовъ. Такого рода трудъ, въ сущности поверхностный и голословный, опрометчиво соскользнувшій съ богословско-полемической почвы на политически-партіозную, появился прежде всего въ Лейпцигскихъ Ученыхъ Актахъ (за май 1729 года), въ видѣ предварительнаго критическаго отзыва о сочиненіи м. Стефана. Вниманіе автора въ этомъ отзывѣ останавливается главнымъ образомъ на предисловіи „Камня вѣры“ гдѣ Стефанъ съ особенною рѣзкостью указываетъ на двуличность враговъ православія, напоминаетъ объ ихъ небреженіи къ догматамъ, принятымъ православною церковію, говоритъ что хотя протестанты въ своемъ отрицаніи главною цѣлію имѣютъ римскую церковь, но стрѣлы ихъ досягаютъ и до насъ“, убѣждаетъ православныхъ избѣгать общенія съ еретиками, опредѣляетъ признаки послѣднихъ и такъ далѣе. Насколько чувствительны были обличенія „Камня вѣры“, видно изъ раздражительнаго тона лейпцигской рецензіи, изъ ругани, какою осыпаетъ она м. Стефана, забывъ протестантское спокойствіе и безпристрастіе. Не довольствуясь одною личностью сочинителя „Камня вѣры“, рецензентъ обвиняетъ въ несостоятельности и его издателя, Ѳеофилакта Лопатинскаго. Центръ, тяжести разсматриваемаго отзыва — въ обвиненіи м. Стефана въ томъ, что онъ совершенно окатоличился, дѣйствуетъ въ интересахъ папы и пишетъ подъ вліяніемъ римскихъ богослововъ. Въ концѣ рецензіи находится предупрежденіе, чтобы читатели не повѣрили на слово автору „Камня вѣры“, и увѣдомленіе, что въ непродолжительномъ времени на сочиненіе будетъ написана основательная критика. Она, дѣйствительно,

не замедлила явиться, подписанная именемъ Буддея и подъ заглавіемъ „Epistola apologetica pro ecclesia lutherana contra calumnias et obtrectationes Steph. Iaworskii, B—e M. M., ad amicum Mosquae de gentem, scripta a I. Fr.Buddeo theologiae D. Ienae. 1729 an.“ Смыслъ и цѣль этого сочиненія тѣ же, что́ и у вышеупомянутаго отзыва, только оно пообширнѣе, пообоснователънѣе и похладнокровнѣе его, хотя опять-таки далеко несильно для того, чтобы разбить „Камень вѣры“, потому что не идетъ дальше разсмотрѣнія и опроверженія „предисловія къ читателю“ и „предувѣщенія православнымъ христіанамъ“ которыя Стефанъ помѣстилъ на первыхъ листахъ своей книги, и представляется, так. обр. по отношенію къ сочиненію м. Стефана логическимъ уклоненіемъ (ἑτεροζήτησις): то, что требовало въ „Камнѣ вѣры“ опроверженій и возраженій со стороны Буддея, обойдено въ его критикѣ. Правда, слѣдуя историческому методу въ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ Буддей научнѣе отнесся къ „Камню вѣры“, чѣмъ лейпцигская рецензія, по м. Стефанъ, какъ знатокъ дѣла, за которое взялся, изучилъ позицію непріятеля раньше, чѣмъ тотъ ее занялъ, и безопасилъ себя отъ нападеній. Въ подтвержденіе своихъ положеній Буддей ссылается на различныя мѣста св. писанія, не обращая вниманія на слова „Камня вѣры“, что „писанія божественная однимъ могутъ служить камнемъ созиданія и утвержденія, а другимъ камнемъ претыканія и соблазна и погибели“,—въ зависимости отъ того, какъ и на какомъ основаніи ихъ понимаютъ. „Разсмотри, говоритъ м. Стефанъ и узриши истину. Словеса сія Христова: *не входящее въ уста сквернитъ человѣка, но исходящее изъ устъ*, тому (Лютеру) бяше камнемъ претыканія и соблазна, на немъ же преткнувся, отмѣтаетъ отъ церкве святыя посты. Словеса Божія сія: *не сотвориши себѣ кумира, ниже всякаго подобія*, тому бяху камнемъ претыканія, того ради отмѣтаетъ отъ церкве святыя иконы. Словеса сія Христова: *горе вамъ яко зиждете гробы пророкъ*, тому быша камнемъ

претыканія, того ради отмѣщетъ отъ мощей святыхъ честь. Словеса сія Христова: *разористе заповѣдь Божію за преданіе ваше*, тому быша камнемъ претыканія, того ради отмѣщетъ преданіе" и т. д (1). Эти немногія строки довольно мѣтко характеризуетъ протестантскую доктрину вообще и, въ частности, апологію Буддея. Не смотря на то, что приведенные тексты и другіе, имъ подобные, на извѣстныхъ основаніяхъ православная церковь понимаетъ въ извѣстномъ смыслѣ, противномъ лютеранскому отрицанію иконъ, мощей и т. д., протестантскіе богословы не перестаютъ ссылаться на нихъ, навязывая православнымъ и католикамъ какое-то грубое пониманіе ихъ. Если бы Буддей не игнорировалъ содержаніе первыхъ листовъ „Камня вѣры", гдѣ отчетливо разграничены понятія иконопочитанія и идолопоклонства, онъ не далъ бы мѣста въ своей апологіи слѣд. строкамъ: „Лютеръ не отвергалъ того почтенія (δουλείαν), которое принадлежитъ І. Христу, святымъ и ликамъ (ангельскимъ), но утверждалъ, что поклоненіе (λατρεία), понимаемое въ смыслѣ обоготворенія и соединенное съ жертвами, принадлежитъ только Богу. Въ этомъ смыслѣ разсуждаетъ объ иконахъ само Православное Исповѣданіе, разсмотрѣнное и утвержденное восточными патріархами. Самъ Богъ запретилъ боготворить всякія изображенія, скульптурныя и живописныя (Исх. 20, 4). Изъ выраженій этаго текста слѣдуетъ заключить, что иконопоклоненіе, понимаемое въ смыслѣ чествованія вещей, противно Богу. Иконы, которымъ воздается какое либо религіозное почтеніе (cultus), справедливо называются идолами, о которыхъ говоритъ вторая заповѣдь десятословія. Поэтому мы, протестанты, чествуемъ І. Христа, Богоматерь и св. угодниковъ, но не воздаемъ, въ избѣжаніе идолослуженія, поклоненія ихъ иконамъ". Далѣе слѣдуютъ указанія на практику первенствую-

(1) Предислов. къ чит. стр 18 — 19

щей церкви, ссылки на историковъ, которыя никакъ не равносильны противоположнымъ доводамъ „Камня вѣры“. Спрашивается: зачѣмъ и противъ кого ратовалъ Буддей? Ни православные, ни католики не боготворятъ иконъ, за исключеніемъ невѣждъ, въ родѣ нашихъ раскольниковъ, да и то не всѣхъ. „Камень вѣры“ имѣлъ право сказать Буддею, что если протестанты не чествуютъ иконъ въ избѣжаніе злоупотребленій, то они, оставаясь послѣдовательными, должны отказаться отъ употребленія огня, воды, отъ всего, что полезно человѣку и чемъ онъ, въ тоже время, можетъ злоупотреблять.—Такова же аргументація Буддея и въ вопросѣ о постахъ. Вообще, Буддей оказывается правъ только въ тѣхъ пунктахъ своей апологіи, которыхъ „Камень вѣры не оспаривалъ, потому что они не противорѣчили его собственному взгляду на дѣло. „Многія мѣста нов. завѣта свидѣтельствуютъ, что постъ есть произвольный подвигъ человѣка“, говоритъ, напр., Буддей и цитуетъ: Гал. 5, 23; Рим. 13, 14; Тит. 2, 12. М. Стефанъ, опредѣляя постъ, пишетъ: „Постъ въ обществѣ есть хотѣнія самопроизвольное удержаніе отъ желаемыя страсти. Глаголется же самопроизвольное удержаніе, ибо удержатися отъ желаемаго по нуждѣ, спрѣчь или за скудость, или за немощь, или за тщеславіе, сицево удержаніе не имать силы, посту надлежащія, нѣсть бо отъ благаго произволенія, но отъ нужды“. Обязательную заповѣдь о постѣ м. Стефанъ видитъ (опускаемъ его ссылки на в. завѣтъ) въ слѣд. текстахъ: Мѳ. 6, 16; 9, 14; Мар. 2, 18; Лук. 5, 35; Мѳ. 13, 21; Мар. 9, 29; Рим. 13, 13 и 14, Кор. 7, 5; 2 Кор. 6, 4; 11. 27; Сол. 5. 6; Петр. 5. 8 и др. Логическое сочетаніе этихъ мѣстъ св. писанія, при помощи контекста и параллелизма, даетъ слѣдующее правило: *Супостатъ нашъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (Петр. 5. 8); *бѣсовскій родъ ничимъ же можетъ изыти токмо молитвою и постомъ* (Мѳ. 17, 21; Мар. 9. 29); *тѣмже, возлюбленніи, препоясавше чресла помышленія вашего, тре-*

звящеся (Петр. 1. 13), *умертвите уды ваша на земли* (Колос. 3, 5). (да) *внидете узкими враты въ животъ вѣчный* Лук. 13, 24; Мо. 7. 13); *егда же поститеся, не будите якоже лицемѣры сѣтующе...* (Мо. 6, 16). Противъ мысли, что ни апостолы, ни первенствующіе христіане не имѣли опредѣленныхъ правилъ для поста, м. Стефанъ говоритъ еще: „Христосъ Спасъ нашъ постился четыредесять дней и четыредесять нощей (Мо. 4, 2); *Іоаннъ имяше ризу свою отъ власъ верблюдіихъ и поясъ усменъ на чреслѣхъ своихъ, снѣдь же его бѣ пружіе и медъ дивій* (Мо. 3, 4)... *Служащимъ же имъ* (апостоламъ) *Господеви и постящимся рече Духъ св: отдѣлите ми Варнаву и Савла на дѣло, на неже призвахъ ихъ. Тогда постившеся и помоливше ся и возложше руки на ня, отпустиша ихъ* (Дѣян. 13, 2). *Рукоположше же имъ пресвитеры на вся церкви и помолистася съ постомъ, предаша ихъ Господеви* (14, 23). Т. е. для м. Стефана важно было доказать не то, были ли опредѣленныя правила для постовъ въ первенствующей церкви, а то—считался ли тогда постъ такимъ же важнымъ подвигомъ, какимъ его признаетъ православная церковь, были ли тогда примѣры поста и заслуживаютъ ли они подражанія со стороны христіанъ. Приведенные Буддемъ цитаты не разрѣшаютъ сущности дѣла и менѣе всего противорѣчатъ православному ученію о постахъ. Наконецъ, Стефанъ напомнилъ протестантамъ, что церковь въ правѣ „установляти законы о постахъ", и, на основаніи словъ Спасителя (Мо. 18, 15 и дал.), анаоематствовалъ ея ослушниковъ (¹). Съ одной стороны, для православныхъ читателей авторъ „Камня вѣры" раскрывалъ истину положительно и догматически, а съ другой—указывалъ въ протестантахъ двуличныхъ интригановъ, смотря по обстоятельствамъ принимающихъ на себя ту или другую физіоно-

(¹) Камень вѣры III, 230.

мію. Развивая мысль, что протестантство стоитъ въ ближайшей родственной связи съ православіемъ, Буддей говорилъ, что образованная Лютеромъ церковь признаетъ и содержитъ во всей чистотѣ евангельское ученіе, принимаетъ свидѣтельства отцовъ первыхъ трехъ вѣковъ, руководствуется никео-цареградскимъ символомъ и опредѣленіями первыхъ вселенскихъ соборовъ. Какъ бы предвидя такую соблазнительную для простодушныхъ уловку, Стефанъ пишетъ: „На соборѣ святомъ первомъ вселенскомъ, иже въ Никеи, отцы богоносніи воспоминаютъ постъ св. четыредесятодневный и въ правилѣ пятомъ сице глаголютъ.... дважды въ лѣтѣ кійждо области собору быти: первое убо прежде четыредесяти дней св. и вел. поста, второе же по времени овощнѣмъ.... Здѣ прилежно разсуди, яко отцы оніи вселенскаго собора воспоминаютъ токмо постъ великій, а не уставляютъ, яко прежде собора уставленъ бысть (1)". Непослѣдовательность протестантизма разоблачалась у Стефана настойчиво. Проводя строгое сравненіе „Камня вѣры" съ критикой на него, можно найти множество странныхъ несообразностей.— Невѣрность Буддея самому себѣ обусловливалась обстоятельствами написанія его апологетическаго письма, задачею котораго было заискивать передъ русскою церковію и, въ тоже время, полемизировать противъ чисто православнаго сочиненія, обсуждавшаго именно тѣ пункты, въ которыхъ погрѣшаетъ протестантизмъ. Буддей по неволѣ ограничился въ своемъ письмѣ разборомъ „предисловія" и „предувѣдомленія"; если бы онъ коснулся „Камня вѣры въ его главныхъ частяхъ, путаницѣ и противорѣчіямъ не было бы конца. „Предисловіе" и „предувѣдомленіе" раскритиковать было не тяжело съ той точки зрѣнія, на какую сталъ Буддей: дѣствительно, недружелюбныя чувства м. Стефана къ протестантамъ выражены у него слишкомъ

(1) Тамъ же, III, 240.

рѣзко. Но и здѣсь Буддей оказывается неправъ, потому что неправильно объяснялъ причину гнѣва русскаго архипастыря; а такъ какъ онъ сдѣлалъ это намѣренно, то и съ нравственной стороны его репутація обрисовывается невыгодно въ глазахъ исторіи. Пастырской ревности м. Стефана нужно отдать справедливость, и въ ней прежде всего слѣдуетъ искать объясненій его непріязни къ протестантамъ, присоединивъ сюда и личное раздраженіе его противъ шайки Тверитинова, борьба съ которой навлекла на него гнѣвъ государя; наконецъ, несдержанность въ обращеніи съ литературными противниками становится еще понятнѣе при томъ соображеніи, что „Камень вѣры“ писанъ въ ту пору, когда нетолько въ богословско-полемическихъ, но и въ историческихъ произведеніяхъ сильно выступала вѣроисповѣдная рознь. Самъ Буддей, при всемъ своемъ похвальномъ желаніи отнестись къ дѣлу хладнокровнѣе, чтобы тѣмъ дать, такъ сказать урокъ м. Стефану, не опускаетъ случая кольнуть, обвинить, а при возможности и очернить, если не прямо м. Стефана, то католичество, къ которому онъ будто бы слѣпо былъ приверженъ.—Разсмотрѣнное апологетическое письмо протестанты приписывали Буддею; о томъ, что Буддей работаетъ надъ составленіемъ критики „Камня вѣры“ было повѣщено въ Лейпцигскихъ Актахъ заранѣе, а потомъ, когда книга явилась, въ нихъ снова помѣщена была ея рекомендація. Не смотря на все это, такъ какъ Буддей умеръ 19 ноября 1729 г., т. е. чрезъ полгода послѣ перваго извѣстія о его трудѣ, а по заявленію Ѳ. Лопатинскаго—до изданія его; такъ какъ въ литературныхъ пріемахъ апологетическаго письма и сочиненій Ѳ. Прокоповича нашли сходство (¹); такъ какъ, далѣе, Ѳеофанъ былъ соперникомъ и личнымъ врагомъ автора „Камня вѣры и отъ него можно было ожидать противодѣйствія ему,—то приверженцы м. Сте-

(¹) Пр. Обозр. 1876 г. II 163; примѣч.

фана, русскіе епископы, съ Ѳ. Лопатинскимъ во главѣ, рѣшительно приписывали апологію протестантизма „новгородскому епископу“, говорили, что она печатана въ Ревелѣ и сильно возмущались противъ Прокоповича. Католиковъ же особенно смущало содержаніе апологетическаго письма, искавшее примиренія русской церкви съ протестантской въ ущербъ ихъ расчетамъ. Популярность произведенія Буддея, какую оно сразу пріобрѣло между сторонниками лютеранской партіи, заставила ея оппонентовъ отписываться, и вотъ, въ 1731 г. является „Responsum antapologeticum ecclesiae catolicae contra calumniosas blasphemas I. F. Buddei nomine evulagatas in orthodoxos latinos et graecos, quo Petrae fidei, a St. Iaworskio ad evertendum Luteri jactae, repetitur ictus. Datum ad omnes fideles et serenissiman, altissiman et potentissiman Dominan An. Ioannown. (Wienne 1732 an.)“. Отвѣтъ этотъ—дѣло рукъ доминиканца Рибейры, секретаря при испанскомъ посольствѣ въ Москвѣ. Какъ видимъ изъ посвященія, онъ расчитывалъ на благосклонное вниманіе „всѣхъ вѣрныхъ“ и даже самой императрицы. Прежде всего „Responsum“ получилъ извѣстность между знакомыми Рибейры, а потомъ между другими приверженцами его автора. Его одобрили, но отпечатать на русскомъ языкѣ не могли: бдительный Ѳ. Прокоповичъ, со смертію Петра В. исключительно отдавшійся интригамъ, размѣнявши, по выраженію г. Чистовича, свой талантъ на мелкую монету, съумѣлъ помѣшать его изданію и сократить католическую партію до того, что она только украдкой писала свои апологіи противъ враговъ и то безъ успѣха: Ѳеофанъ, при помощи тайной канцеляріи, не давалъ имъ ходу (1). Такая судьба, между прочимъ, постигла и „Апокризисъ, или отвѣтъ на написаніе отвѣтное Фр. Буддея къ нѣкоему другу, въ Москвѣ живущему, о лютеранской ереси, на книгу

(1) Подробности въ статьѣ Извѣкова, Пр. Обозр. 1876 г. 156 и дал.

Камень вѣры" (Ѳ. Лопатинскаго), который такъ и затерялся въ бурномъ ли круговоротѣ послѣ-петровской эпохи, или еще позже. А на сочиненіе м. Стефана безпрепятственно все сыпались порицанія изъ протестантскаго лагеря. Почти одновременно съ отвѣтомъ Рибейры въ Тюбингенѣ напечатано было сокращеніе „Камня вѣры": „St. Iaworskii genius, ex ejus opere posthumo theosophico „Petra fidei" dicto in epistola familiari revelatus"—анонимный трудъ Яблонскаго, брата президента берлинской академіи наукъ, который былъ хорошо знакомъ съ Ѳ. Прокоповичемъ. Малосдержанное раздраженіе, нерѣдко грубая брань на покойнаго митрополита, обвиненія его въ латинствѣ, наконецъ, увѣренія, что отъ протестантства до православія рукой подать—вотъ характерныя черты полемики противъ „Камня вѣры". Между тѣмъ, „Камень вѣры" оставался камнемъ претыканія для протестантовъ; только нѣкоторыя части его, имѣющія научнаго достоинства, пострадали, отъ нападеній враговъ. Послѣ „предисловія" и „предувѣдомленія" обращено было вниманіе на послѣднюю главу сочиненія м. Стефана—„о наказаніи еретиковъ", гдѣ гнѣвъ автора обрушался на „противниковъ" сполна (1). Эту главу изъ Камня вѣры перевелъ на латинскій языкъ академикъ Вюльфингеръ и послалъ ее лютеранскому богослову Л. Мосгейму, а Мосгеймъ написалъ на нее опровержение подъ заглавіемъ: De poenis haereticorum, cum St Iaworcio disputatio". Соотвѣтствующимъ финаломъ раздражительной полемики служатъ: „Молотокъ на Камень вѣры" (анонимное сочиненіе) и „Возраженіе на Молотокъ" Арсенія Мацѣевича (2). Въ этихъ произведеніяхъ затронута уже и

(1) М. Стефанъ сознавалъ свою рѣзкость въ сужденіяхъ о протестантахъ, и Петръ В. замѣчалъ ему о ней. Въ письмѣ къ Антонію Стахоѣскому Стефанъ просилъ вычеркнуть излишнія рѣзкости въ «Камнѣ вѣры». Тр. Кіев. Д. Акад. 1866 г. Апрѣль. Въ послѣдующихъ изданіяхъ послѣдняя глава «Камня вѣры» не печатана.

(2) Появленіе этого сочиненія г. Павѣковъ относитъ къ 30-мъ гг. 18 ст.

жизнь м. Стефана чуть не съ пеленокъ, при чемъ, съ одной стороны (въ первомъ сочиненіи) оказывалось, что Стефанъ, зараженный папежскими идеями, проводилъ ихъ постоянно въ Россіи—и въ академическихъ лекціяхъ, и въ проповѣдяхъ, и въ административной дѣятельности, и въ литературѣ, что онъ плохо управлялъ ввѣренною ему паствою, былъ своекорыстенъ и т. д., а съ другой (во второмъ сочиненіи)—онъ рисовался, какъ безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ архипастырь; первое изъ названныхъ сочиненій так. обр., представляется пасквилемъ на м. Стефана, а второе—панегирикомъ ему. „Камень вѣры“ оставленъ, собственно говоря, въ сторонѣ. По крайней мѣрѣ, отъ нихъ ему не было ни ущерба, ни прибыли.

Движеніе новѣйшей исторіи, говорятъ, образуется взаимодѣйствіемъ двухъ началъ,—начала авторитета и начала свободы. Въ религіозной области на западѣ представителемъ перваго начала является католицизмъ, представителемъ втораго — протестантизмъ. Развитіе русской исторіи подъ вліяніемъ принципа свободы началось съ Петра В., когда открытъ былъ государемъ доступъ иностранцамъ въ Россію, а для русскихъ стало обязательнымъ бывать заграницей для образованія. Петръ не долго выбиралъ между католицизмомъ и протестантизмомъ, когда задумалъ устроить жизнь Россіи по образцу европейскихъ государствъ. Католицизмъ не имѣлъ кредита въ глазахъ царя преобразователя; даже кіевскіе ученые, сохранившіе симпатію къ схоластическому образованію, не пользовались у него особенною милостію, потому что не сочувствовали его стремленіямъ въ преобразованіи церковнаго управленія и не задумывались обличать крайности въ его реформахъ вообще. Властолюбивыя попытки папы по отношенію къ русской церкви, такимъ обр., въ началѣ 18 ст. казутся неблаговременными болѣе, чѣмъ когда либо. Поэтому ихъ немного и было, и литература разсматриваемаго періода не богата антикатолическими произведеніями. Пользуясь

личнымъ присутствіемъ Петра В. въ Парижѣ (въ 1717 г.), сорбонскіе богословы предложили ему вопросъ о соединеніи римской и русской церквей, причемъ расчитывали, конечно, на содѣйствіе всесильнаго монарха. Внушительный отвѣтъ государя, что онъ солдатъ и въ богословіе не мѣшается, несовсѣмъ смутилъ ихъ. Они испросили у Петра позволеніе начать переговоры съ русскими епископами и написали къ нимъ посланіе. Отъ имени послѣднихъ составленъ былъ отвѣтъ въ двухъ редакціяхъ. Одна изъ нихъ принадлежала Ѳ. Прокоповичу, другая Стефану Яворскому. Отослана была по назначенію первая, потому что она болѣе отвѣчала намѣренію Петра относительно русскаго патріаршаго престола, въ то время еще не выяснившемуся. Сущность отвѣта м. Стефана заключается въ слѣдующихъ его словахъ: „Аще бы мы и хотѣли сему злу (раздѣленію церквей) коимъ либо образомъ забѣжати, возбраняетъ намъ канонъ апостольскій, который епископу безъ своего старѣйшины ничтоже, а наипаче въ столь великомъ дѣлѣ церковномъ, творити попущаетъ, престолъ же святѣйшаго патріаршества россійскаго праздень и вдовствующій быти мнимъ, яко извѣстно есть иностраннымъ, и сего ради епископомъ безъ своего патріарха хотѣти что либо замышляти тоже было бы, акибы членамъ безъ своея главы, хотѣти движитися... Сей есть предѣлъ крайній, который въ настоящемъ дѣлѣ не попущаетъ намъ больши что либо глаголати или творити“ (1). Петръ не думалъ замѣщать патріаршій престолъ. Прокоповичъ, какъ и всегда, угадалъ его мысль, или она была ему открыта. Онъ мотивировалъ отказъ русской церкви касательно ея соединенія съ римской иначе. „Россійская церковь, писалъ онъ, не одна православную церковь составляетъ; православія держатся и иные народы многіе“. Необходимо ихъ согласіе, иначе съ ними придет-

(1) Тр. Кіев. дух. Акад. 1864 г. II, 169.

ся ссориться, а это немыслимо. Это посланіе и было отправлено въ Сорбонну 15 іюля 1718 г. (1). Собственно антикатолическихъ произведеній петровской эпохи извѣстно два: „Отрицаніе и опроверженіе римско католическихъ догматовъ“ (2).—Палладія Роговскаго (игумена москов. Заиконоспасскаго монастыря), написанное при отреченіи Палладія отъ католицизма, который обязательно навязывался въ то время всѣмъ, кто хотѣлъ получить образованіе въ іезуитскихъ коллегіяхъ. Свое сочиненіе Роговскій подалъ патріарху Адріану, чтобы онъ разрѣшилъ ему поступить на службу русской церкви и государству. Другое сочиненіе—„Воспиcаніе на книгу папежскую“—принадлежало Стефану Прибыловичу и написано было по случаю появленія книжки (какого-то уніата) подъ заглавіемъ: „Вопросы, разрѣшенные отвѣтами св. отецъ“, гдѣ оправдывались католическіе догматы хитро подобранными мѣстами изъ святоотеческихъ твореній. Стефанъ, на основаніи того же источника, съ прибавленіемъ свидѣтельствъ изъ св. писанія, опровергъ католическаго богослова и обличилъ его въ подлогахъ (3).

5) **Сочиненія противъ раскола.** Самую трудную и рѣшительную борьбу русская церковь должна была вынести съ расколомъ, который ко времени Петра В. сформировался и окрѣпъ на столько, что сталъ смѣло угрожать авторитету церковному и государственному, принявъ, по выраженію Щапова, рели іозно-національно-демократической характеръ и завоевавъ себѣ право гражданскаго существованія. Преобразованія Петра, менѣе всего согласовавшіяся съ симпатіями старообрядцевъ и непонятныя для народа, давали обильную пищу проповѣди расколоучите-

---

(1) Тамъ же, стр. 170.

(2) Отпечат. въ 18 ч. Древней рос. Вивліоѳики.

(3) Словарь м. Евгенія, II, 262. «Воспиcаніе» не издано въ печати; хранится въ Петерб. академіи.

лей, настойчиво доказывавшихъ, что церковь православная на Руси стала мерзость запустѣнія, что древнее благочестіе скрылось въ скитахъ старовѣровъ, что на престолѣ русскомъ воцарился „императоръ — антихристъ“, что Москва—Вавилонъ и т. д. Противораскольническая литература разсматриваемаго времени сохранила въ себѣ все, что было характернаго въ отношеніяхъ тогдашнихъ представителей церкви, а частію и государства, къ раскольникамъ. Въ зависимости отъ того, какое образованіе имѣли эти представители, какое общественное положеніе занимали они, какими полномочіями были облечены, насколько были знакомы съ раскольниками, какъ смотрѣли на нихъ—измѣнялись ихъ пріемы въ литературной борьбѣ съ старообрядствомъ. М. Стефанъ, въ качествѣ дѣятеля противъ раскола, не похожъ на Питирима нижегородскаго, Ѳ. Прокоповичъ не похожъ на нихъ обоихъ. По характеру противораскольническихъ обличеній къ Стефану Яворскому близокъ Ѳеофилактъ Лопатинскій; Питиримъ имѣлъ подражателя въ своемъ ученикѣ, іеромонахѣ Неофитѣ; близокъ къ нему и крестьянинъ Посошковъ.

Памятникомъ противораскольнической дѣятельности м. Стефана осталось между прочимъ его сочиненіе: „Знаменія пришествія антихристова и кончины вѣка“, носящее на себѣ отчетливые слѣды систематическаго образованія автора и малаго знакомства его съ тѣми людми, для которыхъ онъ писалъ. Сочиненіе имѣетъ приличное предисловіе, установленную тему и правильно расположенныя части въ изложеніи главнаго предмета; оно свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ его зналъ латинскій и греческій языки, былъ начитанъ въ богословской области, и — о томъ, что изъ раскольнической литературы онъ, кромѣ тетрадокъ Талицкаго (1), ничего не читалъ, хотя въ ней вопросъ объ антихристѣ былъ однимъ изъ видныхъ

(1) Знаменія пришествія антихриста л. 22 наоб

съ давнихъ поръ. „Знаменія пришествія антихристова и кончины вѣка“ Стефанъ написалъ вскорѣ по вступленіи въ званіе блюстителя патріаршаго престола (первое изданіе сочиненія относится къ 1703 г.), въ то время, когда у него было множество дѣла и безъ раскольниковъ; онъ знакомился съ епархіей, съ патріаршими дѣлами, судилъ еретиковъ, писалъ проповѣди, хлопоталъ о школахъ. При всемъ томъ, онъ не могъ и не хотѣлъ молчать, когда ему донесли, что въ Москвѣ появилась цѣлая шайка дерзскихъ бунтовщиковъ, устно и письменно возмущавшая народъ мыслію, что Петръ В.—антихристъ, а его помощники — слуги діавола, увлекающаго православныхъ на путь погибели. Истребивъ шайку при помощи гражданской власти, Стефанъ хотѣлъ истребить и посѣянные ею плевелы, хотѣлъ путемъ убѣжденія успокоить взволнованные умы и возвратить къ обычнымъ занятіямъ тѣхъ, которые бѣжали изъ городовъ и селъ въ лѣса, въ скиты и пустыни, чтобы тамъ умереть въ готовыхъ гробахъ не даваясь въ руки слугамъ антихристовымъ. Не ограничиваясь проповѣдью, Стефанъ рѣшился писать сочиненіе, хотя довелось писать его спѣшно, безъ подготовки, лишь при помощи латинскаго сочиненія Мальвенды „Antichristus“. Понятно, что произведеніе вышло далеко не такое, какого требовали обстоятельства и цѣль его написанія. Содержаніе его, кромѣ приступа, указывающаго на трудность подлежащаго рѣшенію вопроса, составляетъ разсмотрѣніе признаковъ пришествія антихристова, указанныхъ въ св. писаніи. М. Стефанъ дѣлитъ ихъ на три категоріи, на предваряющіе, совокупные и послѣдствующіе. Излагая православное ученіе объ антихристѣ и его пришествіи, сочиненіе опровергаетъ вслѣдъ за тѣмъ неправильныя мнѣнія раскольниковъ по данному вопросу, заключая въ себѣ, так. обр., двѣ стороны—положительно-догматическую и отрицательно-полемическую. Послѣдняя у Стефана очень слаба и мало содержательна. Обыкновенный пріемъ его таковъ: онъ ставитъ вопросъ и, не разобравъ обстоятель-

по всѣхъ недоразумѣній, связанныхъ съ нимъ, прямо говоритъ: „отвѣщаю“, и коатко, въ докторальномъ тонѣ пишетъ свой отвѣтъ, подкрѣпляя его относительно немногими цитатами изъ св. писанія и отеческихъ твореній. Скрупулезныхъ въ сущности, но серьезныхъ въ глазахъ раскольниковъ, возраженій и доводовъ Стефанъ или не зналъ, или игнорировалъ ихъ намѣренно. Лучшими мѣстами его сочиненія можно назвать тѣ, въ которыхъ авторъ былъ внимательнѣе, снисходительнѣе къ невѣжеству своихъ противниковъ. Въ началѣ книги напр., о седминахъ даніиловыхъ (1), или „о первомъ знаменіи, пришествіе антихристово предваряющемъ, еже есть разореніе и кончина монаршества римскаго“ (2), говорится довольно много; глава 8-я „о имени антихристовѣ и о начертаніи его“ отличается особенно подробными каббалистическими (по выраженію Фокеродта) изысканіями и въ свое время навлекла даже нареканія на м. Стефана: его обвиняли въ мелочности, въ любви къ пустому словопренію (3), хотя это обвиненіе въ настоящемъ случаѣ нельзя назвать заслуженнымъ, соображая, что Стефанъ полемизировалъ съ раскольниками петровской эпохи. Для нихъ не неумѣстны были даже такія разсужденія, какими занимается м. Стефанъ по вопросу о рожденіи антихриста (4), приводя тутъ различныя, совсѣмъ несолидныя мнѣнія и выбирая изъ нихъ „истиннѣйшее“.

---

(1) Тамъ же, л. 9 наоб. и дал.

(2) Тамъ же л. 27 и дал.

(3) Извѣстный по своимъ запискамъ о Россіи при Петрѣ В. Фокеродтъ (секретарь прусскаго посольства при русскомъ дворѣ) далъ такой отзывъ о сочиненіи Стефана: «м. Стефанъ написалъ противъ Талицкаго сочиненіе до того плохое, что оно могло бы служить посмѣшищемъ для всей Европы. Одно изъ самыхъ главныхъ доказательствъ, почему Петръ не антихристъ, выводилось изъ того что антихристово число 666 никакой каббалой нельзя было составить изъ имени Петра». Чт. въ обществѣ ист. и древ. рос. 1873 г., II: «Матеріалы иностранные», стр. 10. Записки Фокеродта отпечатаны въ «Рус. Архивѣ» за 1872 г.

(4) Листъ 44 и дал.

Если истиннѣйшее мнѣніе и не всегда имѣло подъ собою твердую почву, все же оно было лучше и основательнѣе раскольническихъ. Вопросъ объ имени антихриста интересовалъ Стефана настолько, на сколько имъ занимались раскольники; его задача состояла въ томъ, чтобы показать наскончаемыя разногласія даже между просвѣщенными богословами въ пониманіи темнаго апокалипсическаго мѣста, упоминающаго о числѣ звѣриномъ, и привести читателей къ сознанію что досужее любопрѣніе на этотъ счетъ не можетъ дать никакого дѣльнаго результата (1). Въ разсматриваемомъ сочиненіи постоянно имѣется въ виду разъ намѣченная цѣль: разоблачить несостоятельное убѣжденіе раскольниковъ, будто антихристъ уже пришолъ и царствуетъ въ лицѣ Петра; всѣ доказательства автора сводятся къ той мысли, что признаковъ наступившаго пришествія антихристова, указанныхъ въ св. писаніи, нѣтъ, а если они и открываются лжеучителями, то совершенно неправильно, произвольно и злонамѣренно.—Высказанныя положенія свои, какъ мы замѣтили, Стефанъ обыкновенно основываетъ на св. писаніи и свято отеческихъ сочиненіяхъ. Въ св. писаніи онъ различаетъ два смысла—буквальный и таинственный (2) Склонность понимать библейскій текстъ преимущественно въ духовномъ смыслѣ не доходитъ у него до схоластическихъ крайностей. Сравнительная простота, естественность въ толкованіи слова Божія составляетъ одну изъ хорошихъ чертъ настоящаго произведенія. Таинственный смыслъ, большею частію, безъ натяжекъ приправливается въ немъ къ содержанію текста и удобно подразумѣвается въ послѣднемъ. Въ выдержкахъ изъ св. отцевъ онъ также не обнаруживаетъ схоластическаго стремленія произвольно подтасовывать цитаты, перетолковывать ихъ въ

(1) Листъ 66 наоб. и 67.

(2) Листъ 32 наоб. и дал.

свою пользу; выписывая ихъ часто сполна, онъ понимаетъ ихъ правильно (1). Историческихъ данныхъ у м. Стефана почти нѣтъ (2).—Какъ на важный недостатокъ сочиненія, кромѣ слабости его полемической части, нужно указать еще на бранныя выраженія, нерѣдко встрѣчающіяся въ немъ и относящіяся къ раскольникамъ, которые, конечно, могли только раздражаться ими. (3). Во внѣшней обработкѣ, въ изложеніи, замѣчается схоластичность, но умѣренная. Языкъ сочиненій свободенъ отъ иностранныхъ словъ и тяжелыхъ оборотовъ. Встрѣчающаяся по мѣстамъ образность рѣчи, нѣкоторая витіеватость съ слогѣ не вредятъ общедоступности сочиненія. Судя по тому, что трудъ Стефана неоднократно издавался печатно въ 18 ст. (4), можно заключать о его немаловажномъ значеніи для своего времени. Самъ авторъ усердно заботился о его распространеніи: рекомендовалъ его новгородскому м. Іову (5), а директору типографіи Поликарпову велѣлъ раздавать экземпляры его всѣмъ желающимъ безплатно (6). Но позволительно предполагать и то, что значеніе и популярность сочиненія Стефана мало простирались на раскольническую среду: на первыхъ же порахъ раскольники отвѣтили Стефану сочиненіемъ, гдѣ провели параллель между своимъ ученіемъ о Петрѣ—анти-

---

(1) У него встрѣчаются имена: Св. Аванасія, І. Златоустаго, І. Дамаскина, Кирилла Іер., Оеофилакта, Амвросія, Мегафраста, Кирилла Алек. Ипполита и др.

(2) Имена Баронія, Зонары, Бельскаго, Никифора Каллиста только перечислены (л. 22).

(3) Раскольники называются у Стефана, козлищами безсловесными, рожденіемъ эхидновымъ, скорпіями вселютѣйшими (предисл. л 5 наоб. и 9), скудоумными (38 л.), безмозглыми мужиками (66 наоб.) и т. п.

(4) Словарь духов. писат. м. Евгенія, II, 255. У насъ имѣлось изд. 1819.

(5) Странникъ 1861 г., II, 120. Въ Новгородѣ также ходили тетрадки Талицкаго.

(6) Тр. К. Дух. Ак. 1864 г. I, 260.

христѣи признаками пришествія антихристова, изложенными у митрополита, нашли соотвѣтствіе и тѣмъ разумѣется, нанесли чувствительный ударъ сочиненію Стефана, по крайней мѣрѣ въ глазахъ своихъ собратій (¹).

Другимъ памятникомъ петровской противораскольнической литературы, памятникомъ, по характеру похожимъ на разсмотрѣнное сочиненіе м. Стефана, служитъ „Обличеніе неправды раскольническія“ Ѳеофилакта Лопатинскаго. Это произведеніе также явилось изъ-подъ пера не спеціально приготовленнаго автора, также носитъ на себѣ печать обширнаго и систематическаго образованія послѣдняго, слѣды его основательнаго знанія греческаго языка, но, кромѣ того, оно свидѣтельствуетъ и о его знакомствѣ съ русскими сочиненіями, написанными раньше противъ раскола, хотя въ полемической части и оно не отличается тою опытностію, тою внимательностію къ возраженіямъ противниковъ, какія находимъ, напр. у Питирима нижегородскаго.—Когда раскольники на всѣ предложенія явиться въ Синодъ для открытыхъ ученыхъ состязаній отвѣчали молчаливымъ отказомъ. Синодъ, по указу государя, для собесѣдованія съ ними на мѣстѣ ихъ жительства, отправилъ въ Поморье іеромонаха Неофита, а въ Стародубье іеромонаха Іосифа (Рѣшилова), снабдивъ ихъ подробной инструкціей (въ 17-ти пунктахъ), гдѣ давались наставленія, какъ обращаться съ раскольниками и куда сообщать о результатахъ миссіи (²). Но раскольники опять не хотѣли устно состязаться съ православными на ученой почвѣ. Прибывшій по назначенію Неофитъ послалъ къ выговцамъ 106 вопросовъ и ждалъ отъ нихъ отвѣта, сообразно своему требованію, черезъ мѣсяцъ. Отвѣты были, сверхъ ожиданія миссіонера, очень обширны и неудовлетворительны, хотя надъ ними трудились не мѣсяцъ, а семь мѣся-

(¹) Хр. чт. 1863 г. III, 220 и дал.

(²) Тр. К. Д. Ак. 1860 г. III, 212—19.

цевъ. Въ нихъ собрано было все, чѣмъ богаты были раскольники со временъ Никона и что давно уже было опровергнуто православными учителями. Въ устныхъ бесѣдахъ съ Неофитомъ раскольники упорно держались своего и постоянно ссылались на свои отвѣты. Неофитъ понялъ, что нужно писать почтенныхъ размѣровъ книгу для новаго опроверженія раскольническаго кодекса, о чемъ просили въ предисловіи и сами составители его. Поэтому онъ, записавъ кратко свои диспуты, возвратился въ Синодъ. Трудъ письменнаго опроверженія поморскихъ отвѣтовъ выпалъ на долю преосв. Ѳеофилакта Лопатинскаго, который и составилъ названное выше сочиненіе. Исключительное вниманіе авторъ обратилъ въ немъ на 50-й отвѣтъ раскольниковъ, гдѣ подъ нѣсколькими рубриками исчислены были всѣ мнимыя новизны и ереси русской церкви, ради которыхъ раскольники оставили ее. Разсмотрѣнію этихъ пунктовъ и посвящена вся книга (изъ 10 главъ), а относительно прочихъ отвѣтовъ авторъ ея въ послѣдней главѣ замѣтилъ, что они „безъ всякаго обличенія сами себе показуютъ быти неправыми: иныя бо ложными доводами утверждаются, иныя суетнымъ многословіемъ и приборными рѣчами покрываютъ силу вопросовъ (Неофита), иныя мимо вопросовъ колобродятъ“... На это у Ѳеофилакта находимъ и доказательства (1). Главная мысль, проникающая все сочиненіе Ѳеофилакта, та, что „ни едина изъ статей (разногласія между православіемъ и расколомъ), ни вси купно, довольни суть къ раздору церковному: не суть бо сія догматы апостольскія и православныя вѣры, но внѣшніе чины и обряды церковнаго моленія, не отъ Христа преданныя, не отъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ установленныя, но отъ пастырей потомъ благолѣпія ради и внѣшняго единогласнаго вѣрныхъ знаменія, введенныя, иныя же и невѣдомо откуду вне-

(1) Обличеніе неправды раск., гл. 10 листъ 49 и д.

сошася и долговременнымъ обычаемъ утвердившася" (1) Эту мысль авторъ постоянно имѣетъ въ виду и развиваетъ ее во всѣхъ частяхъ книги, доказывая, что если и есть въ исторіи основанія для какого либо обряда церковнаго, то они на сторонѣ православія, а не раскола.—Взявъ „первый чинъ раскольническаго суевѣрія, воеже бы въ знаменіи крестномъ слагати два персты средніи, а палецъ — съ двумя послѣдними", Θеофилактъ шагъ за шагомъ опровергаетъ его 1) на основаніи св. писанія („сложеніе перстовъ раскольническое ни отъ Христа предано, ни отъ апостоловъ проповѣдано"), 2) на основаніи соображенія, что иконописаніе, которому даютъ большое значеніе раскольники, не можетъ стоять на ряду съ авторитетомъ св. писанія, 3) на основаніи разногласія по данному предмету въ средѣ самыхъ раскольниковъ, 4) на основаніи сочиненій свв. отцовъ и учителей церкви, 5)—соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, 6) на основаніи перстосложенія у мощей святыхъ. Въ такомъ родѣ написаны всѣ главы „Обличенія неправды раскольническія", главы обширныя и обстоятельныя, свидѣтельствующія, объ усердномъ трудѣ автора. Св. писаніе, творенія свв. отцовъ, дѣянія соборовъ, церковно-историческія свѣденія не составляютъ еще всего научнаго матеріала, бывшаго въ распоряженіи пр. Θеофилакта. Онъ обратилъ серьезное вниманіе на археологическія и литургическія данныя, особенно драгоцѣнныя въ спорѣ съ расколомъ касательно изображенія креста Господня, перстосложенія для крестнаго знаменія, иконописи и т. п., и этихъ данныхъ у него оказывается большой запасъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги приложены различныя рисунки съ доказательствами ихъ историческаго достоинства. Наконецъ, Θеофилактъ зналъ библіографію древнихъ церковно-богослужебныхъ и другихъ книгъ.—Выдержекъ изъ разныхъ церковныхъ писателей у него встрѣчается множество; они

(1) Предисл. л. 2.

отличаются обширностію (1), и ко многимъ изъ нихъ, гдѣ нужно, авторъ относится критически (2). Не опущены у него и произведенія русской литературы въ родѣ „Жезла Правленія“, „Пращицы“ и т. п. „Нерѣдко обращается онъ къ славянскимъ богослужебнымъ и катихизическимъ книгамъ (3). Наконецъ, что особенно важно въ полемикѣ, Θеофилактъ опирается и на такіе авторитеты, которые имѣютъ вѣсъ и у его противниковъ, напр. на Кириллову книгу. Постановленія собора 1551 г., будто бы утвердившаго нѣкоторыя догмы раскола, онъ опровергаетъ на основаніи другихъ соборовъ и главнымъ образомъ—собора 1667 г.—Вообще, со стороны содержанія сочиненіе Θеофилакта полно и обстоятельно въ разсужденіи тѣхъ вопросовъ, которые онъ въ немъ рѣшалъ, но недостаточно было для своей цѣли, такъ какъ изъ 106-ти отвѣтовъ, данныхъ раскольниками Неофиту, оно останавливалось на одномъ, хотя существенномъ и важномъ. Всѣ другіе отвѣты Θеофилактъ назвалъ не заслуживающими вниманія и серьезнаго опроверженія. Это для раскольниковъ, надо полагать, было совсѣмъ неубѣдительно. Правда, у Θеофилакта приведены примѣры ихъ несостоятельности, но, основываясь на нихъ, онъ напрасно предполагалъ, что читатели во всемъ остальномъ повѣрятъ ему на слово и вполнѣ согласятся съ нимъ. Правда, далѣе, что Θеофилактъ нерѣдко отсылаетъ читателей за разрѣшеніемъ недоразумѣній къ прежде написаннымъ сочиненіямъ противъ раскола, но и въ

---

(1) Θеофилактъ цитуетъ: Аѳанасія В., Василія В., І. Златоустаго, Кирилла Іерус., Амвросія, Тертулліана, Григорія Наз., Мелетія Ант. Θеодорита Кирскаго, Петра Дамаскина, Никифора Панагіота, Григорія Неокесар. Августина, Іеронима, Иннокентія, папу римскаго, Прокла, Іустина, Созомена, Никифора Ксанѳопула, Евсевія Памфила и др.

(2) См., напр., разборъ житія Евфросина Псковскаго, л. 99—107 и дал.

(3) У него есть выдержки изъ Минеи, Октоиха, Пролога, Филаретовскаго Требника, Коричей и т. д.

этомъ представлялось большое неудобство: книги въ то время, какъ жаловался Досошковъ, были рѣдкостію; не бѣда, слѣд. если бы полемистъ и допустилъ повторенія въ защиту православія, не взирая на мелочность раскольническихъ придирокъ. — Другая важная опрометчивость Θеофилакта—пренебрежительный тонъ его въ обращеніи нетолько съ самими раскольниками, но и съ тѣми авторитетами, на которыхъ они основывали свою полемику. Раскольниковъ онъ осыпаетъ руганью не меньше м. Стефана (¹). Въ изложеніи сочиненія Θеофилакта нужно отнести къ числу недостатковъ излишне-дробную дѣлимость. Вмѣсто того, чтобы, напр., въ четвертомъ „разсужденіи“ о перстосложеніи для крестнаго знаменія, просто опровергать постановленія стоглаваго собора, онъ дѣлитъ это разсужденіе на 10 частей (потому что находитъ 10 „винъ“, доказывающихъ невѣжество отцовъ собора) и отмѣчаетъ рубрики: „вина первая“, „вина вторая“ и т. д., хотя нѣкоторыя изъ нихъ легко было соединить. Не мало пестрятъ страницы и обычныя у него рубрики: „вопросъ“, „отвѣтъ“, „отвѣтъ на отвѣтъ“ и т. п. Часто, наконецъ, у Θеофилакта составляютъ особенныя дѣленія выдержки изъ разныхъ церковныхъ писателей (²). Планъ сочиненія поставленъ въ зависимость отъ порядка статей разногласія между православіемъ и расколомъ, перечисленныхъ въ 50-мъ отвѣтѣ на вопросы Неофита; системы въ немъ нѣтъ. Сочиненіе не представляетъ собою труда цѣлостнаго и законченнаго.

(¹) Они у него—сыны діавола, евіопы, всезлобные люди и т. п. Сравнивая ихъ съ прелюбодѣйною женою, онъ употребляетъ ужъ совсѣмъ неприличныя выраженія (гл. 1, л. 8 наоб.). У него не рѣдкость, потомъ, такія выраженія: «Двуперстное ваше сложеніе (говоритъ онъ, обращаясь къ раскольникамъ) отстоитъ ли отъ латинскаго перстосложенія, или ни, о томъ здѣ разсужденія не творимъ, и отъ латинъ ли вы взяли, или отъ инаго какого горшаго черта, о томъ здѣ не изслѣдуемъ» (л. 26). Или: «Сколько ты ни мый своего евіопа Зизанія, не возможеши его бѣлымъ сотворити» (л. 139) и т. п.

(²) Листъ 10—15.

Новый памятникъ противораскольнической литературы, уже другаго типа, мы имѣемъ въ сочиненіи Питирима нижегородскаго, подъ заглавіемъ: „Працица противу вопросовъ раскольническихъ“. Благодаря особеннымъ обстоятельствамъ своей жизни (1), Питиримъ изучилъ расколъ по первоисточникамъ, узналъ его внутреннія пружины и неожиданно выступилъ смѣлымъ его обличителемъ, подъ покровительствомъ Петра и съ благословенія м. Стефана, получивъ назначеніе быть миссіонеромъ въ керженскихъ и черноаменскихъ лѣсахъ нижегородской губерніи, гдѣ ютилось одно изъ главныхъ гнѣздъ раскола. Св. писаніе, святоотеческія произведенія, дѣянія соборовъ, церковная археологія и письменность составили научную почву въ его полемической борьбѣ и помогали ему въ большинствѣ случаевъ выходить изъ нея побѣдителемъ. Неутомимая ревность монаха сломила упорство раскольниковъ,— онъ заставилъ ихъ слушать себя и въ частныхъ бесѣдахъ, и при народныхъ собраніяхъ, отвѣчать на свои устные и письменные вопросы опредѣленно, безъ обычныхъ увертокъ. Долго Питиримъ ограничивался въ своей полемикѣ устными бесѣдами съ противниками, но потомъ, сознавъ необходимость и возможность изложить подробное опроверженіе раскольническихъ заблужденій письменно, онъ въ генварѣ 1716 года послалъ къ раскольникамъ діаконова согласія 130 вопросовъ, требуя особаго и обстоятельнаго рѣшенія каждаго изъ нихъ. Онъ спрашивалъ: что заставило раскольниковъ отдѣлиться отъ церкви? Какъ понимаютъ они себя и православныхъ? Въ чемъ состоитъ ихъ ученіе, что оно значитъ, на чемъ основано? Раскольники обѣщали отвѣчать письменно же, но чрезъ пять мѣся-

(1) Родители и родственники воспитали его въ раскольнич. духѣ. См. брошюру: «Питиримъ, архіеп. нижегор. и алатырскій». Дѣятельность Питирима противъ раскола, въ связи съ біографіей, разсмотр. у г. Опоцкаго, въ Хр. Чт. 1874 г. III, 1—14 и 247—312.

цевъ прислали Питириму не отвѣты, а 240 вопросовъ съ требованіемъ ихъ рѣшенія. Питиримъ и написалъ „Пращицу противу вопросовъ раскольническихъ“—одно изъ обширнѣйшихъ сочиненій своего времени, сочиненіе безъ хорошей литературной отдѣлки, но вѣское своимъ содержаніемъ. Въ авторѣ вопросовъ, по замѣчанію г. Опоцкаго, видится человѣкъ съ обширными свѣдѣніями догматическими, историческими, археологическими и каноническими, тщательно изучившій пункты несогласія раскола съ церковію, знакомый съ противораскольнической полемикой и со всѣмъ, что можно сказать въ защиту старообрядства. Кромѣ общихъ и извѣстныхъ положеній раскола, онъ предлагалъ новыя возраженія, опиравшіяся большею частію на археологическихъ, церковно-историческихъ и библіографическихъ данныхъ. Изъ вопросовъ, одни касались общихъ богословскихъ тезисовъ, другіе—частныхъ разногласій между православіемъ и расколомъ. Первые поставлены преимущественно въ началѣ книги, находятся въ связи съ послѣдними и служатъ для нихъ какъ бы основаніемъ. На общіе богословскіе вопросы (что есть вѣра? что есть преданіе вѣры? что есть догматъ?—церковь?) Питиримъ отвѣчалъ кратко и ясно, согласно съ св. писаніемъ и опредѣленіями св. отцовъ. Съ особеннымъ вниманіемъ Питиримъ остановился на вопросѣ о церкви (о ея установленіи, характерѣ, правахъ и обязанностяхъ, о ея іерархіи, таинствахъ и т. д.), потому что въ этомъ вопросѣ онъ видѣлъ краеугольный камень для своихъ дальнѣйшихъ разсужденій. Послѣ общихъ вопросовъ, дѣло сводится собственно на причины раздѣленія русской церкви и полемика стоитъ больше на церковно-исторической почвѣ. Разсмотрѣны мнимыя новизны въ богослужебныхъ книгахъ, разсмотрѣны основанія невѣжественнаго возмущенія и совершеннаго отдѣленія раскольниковъ, разсмотрѣны попытки церкви образумить фанатиковъ, упомянуты антираскольническіе соборы и розобраны ихъ дѣйствія, разсмотрѣны письменныя авторитеты раскольническаго

ученія, приняты во вниманіе вопросы объ аллилуіа, о перестосложеніи, объ изображеніяхъ на просфорахъ, объ антиминсахъ и т. д. Не забытъ и вопросъ объ антихристѣ. Питиримъ не хотѣлъ миновать ни одного сомнѣнія и заботился о полнотѣ своихъ отвѣтовъ. Способъ его доказательствъ соотвѣтствуетъ полемическимъ пріемамъ самихъ раскольниковъ. Отвѣтъ у Питирима ставится прямо послѣ резюмированнаго вопроса и сразу подкрѣпляется очевидными данными, если только эти данныя имѣются у него въ достаточномъ количествѣ; ловкихъ фразъ и мудреныхъ софизмовъ, которые прикрывали бы внутреннюю несостоятельность, у него нѣтъ. Къ мелочнымъ придиркамъ раскольниковъ Питиримъ не относился съ пренебрежительнымъ молчаніемъ, хотя въ его тонѣ нерѣдко звучитъ раздражительность противъ ихъ ничтожности и безтолковости (1).

Какъ всякое обширное по своей задачѣ сочиненіе „Пращица“ не во всѣхъ своихъ отдѣлахъ одинаково подробна и основательна; погрѣшаетъ она, конечно, въ тѣхъ частяхъ, къ написанію которыхъ у автора не было надлежащихъ средствъ. Отдѣлъ о богослужебныхъ книгахъ, напр., не могъ быть обработанъ Питиримомъ основательно, потому что онъ не зналъ греческаго языка и заимствовалъ свои свѣденія при сличеніи стараго и новаго текста изъ чужихъ рукъ, не имѣя возможности отнестись къ нимъ критически. Тамъ, гдѣ Питиримъ имѣлъ дѣло съ русскими источниками, онъ является полнымъ хозяиномъ, дѣлаетъ относительно ихъ иногда обширныя библіографическія замѣчанія (о соборномъ дѣяніи на еретика Мартина); а касательно переводныхъ пособій онъ ограничивался такими лишь замѣтками: „Оная книга Симеона Θессалоникскаго, изъ нея же здѣ во отвѣтахъ многія приведены свидѣтель-

---

(1) Бранныхъ выраженій въ «Пращицѣ» находимъ не меньше, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ.

ства, переведена убо въ Москвѣ съ печатныя греческія книги, печатанной въ Молдовалахіи, въ Гіазѣ, патріархіи іерусалимской, во обители первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла; а свидѣтельствована въ достовѣрное утвержденіе древнею письменною греческою же книгою, а та книга писана во градѣ Θессалоникѣ, во обители св. І. Крестителя, въ лѣто 742. А у греческихъ учителей, у іеромонаха Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ есть“ (1). Не удивительно, если раскольники относились къ такимъ краткимъ свѣденіямъ съ сомнѣніемъ. Понятно также, почему Питиримъ преимущественно пользовался пособіями русскаго происхожденія, или такими изъ переводныхъ, популярность и авторитетность которыхъ не могла быть заподозрѣна его противниками (2).—Внѣшняя отдѣлка „Працицы“, какъ замѣчено выше, не отличается особенными достоинствами, что̀ повторимъ здѣсь, зависѣло отъ образованія ея автора и, нужно прибавить, имѣло свою хорошую сторону для читателей—простецовъ. Жаль только, что Питиримъ не избѣжалъ смѣшенія догматическихъ вопросовъ съ обрядовыми, рабски придерживаясь порядка предложенныхъ ему недоумѣній. Языкъ Працицы, простой и ясный вообще, темнѣ тамъ, гдѣ у Питирима не доставало надлежащаго пониманія предмета. По мѣстамъ онъ не правленъ. Видно, что объ изяществѣ и чистотѣ его авторъ заботился мало.—Сравнивая, въ заключеніе, количество достоинствъ и недостатковъ Працицы“, нужно сказать, что первыя рѣшительно перевѣшиваютъ въ ней послѣдніе и со-

---

(1) Працица, стр. 285.

(2) Питиримъ цитуетъ: Василія В., Іоан. Златоустаго, Гр. Назіанзина, Марка Ефес., Андрея Кесарійскаго, Матоея Властаря, а больше: Увѣтъ духовный, Жезлъ правленія, сочиненія Максима Грека, Книгу о вѣрѣ, Катихизисъ, Кормчую, Прологъ, Кириллову книгу, Требникъ харатейный, Скрижаль, соборное дѣяніе на еретика Мартина, соборные свитки и т. п.,—все, что только онъ могъ собрать при своемъ рвеніи и усидчивомъ трудѣ.

вершенно оправдываютъ ея популярность въ свое время. Это капитальное сочиненіе увѣнчало долголѣтнюю дѣятельность трудолюбиваго миссіонера противъ раскола и увѣковѣчило ее. Посѣщая раскольничьи скиты, Питиримъ, какъ извѣстно, нерѣдко раздавалъ здѣсь и разсылалъ тетрадки противораскольническаго содержанія. Они остались неотпечатанными и затерялись, какъ затерялось множество и другихъ мелкихъ произведеній петровской духовной литературы, которыя въ общей характеристикѣ ея могли бы имѣть важное значеніе. „Пращица“ является дорогимъ сборникомъ опроверженій раскола со стороны человѣка, посвятившаго на изученіе его всю жизнь и знакомаго съ нимъ до подробностей. Какъ ни малы были средства его образованія, онъ воспользовался ими съ замѣчательнымъ умѣньемъ, характеризующимъ природный здравый смыслъ и житейскую опытность лучшихъ представителей духовенства петровской эпохи.

Были у Питирима въ борьбѣ съ расколомъ и сотрудники, которыхъ онъ искалъ усердно и которые много содѣйствовали ему (1). Между ними особенно выдавались: вышеупомянутый Неофитъ (миссіонеръ въ предѣлахъ олонецкой губерніи), Андроникъ (миссіонеръ на Вѣткѣ), Іосифъ Рѣшиловъ (въ Стародубьѣ), Филаретъ (состоявшій при св. Синодѣ увѣщателемъ раскольниковъ). Письменные труды первыхъ двоихъ (Неофитъ написалъ 106 вопросовъ по расколу, а Андроникъ—сочиненіе о крестѣ)—незначительны; написали ли что нибудь двое послѣднихъ, неизвѣстно. Въ Новгородѣ находилъ время возражать противъ раскола извѣстный своими заботами о духовныхъ школахъ м. Іовъ. Тетрадки и мысли Талицкаго, который былъ представителемъ мнѣній (касательно совершившихся реформъ) громадной массы простонародья (2), быстро распростра-

---

(1) Хр. Чт. 1874 г. III, 302 и дал.

(2) Странникъ 1882 г. Мартъ, 360.

нились въ Новгородѣ, въ Вологдѣ, въ Астрахани, въ Пензѣ. М. Іовъ противъ появившейся тетрадки „о рожденіи антихриста“ поспѣшилъ написать „увѣщательный отвѣтъ отъ писаній“ и въ спискахъ разослалъ его по епархіи. „Отвѣтъ“ надо полагать, былъ основательный: Петръ велѣлъ его отпечатать для всеобщаго употребленія. При удобныхъ случаяхъ, потомъ, м. Іовъ не уклонялся и отъ устныхъ бесѣдъ съ раскольниками; такъ онъ вступалъ въ споръ съ вожаками раскола, извѣстными братьями Денисовыми.

Противъ раскола писалъ и Посошковъ. Какъ и Питиримъ, онъ въ молодости самъ былъ раскольникомъ, хотя и не извлекъ изъ знакомства съ расколомъ тѣхъ выгодъ для полемики съ нимъ, какія извлекъ нижегородскій миссіонеръ. Сочиненіе его озаглавливается: „Зерцало, сирѣчь очевидное и извѣстное, на суемудріа раскольнича, въ немъ же чрезъ св. Евангеліе и Апостольскую проповѣдь и чрезъ многая Божественная писанія, ясно вся ихъ блядословная главизна изъявится“. Въ расположеніи главъ этого, довольно обширнаго, сочиненія систематичности нѣтъ, хотя у Посошкова не было предъ глазами безпорядочныхъ, раскольническихъ вопросовъ, или чего нибудь въ этомъ родѣ, что оправдывало бы безсистемность его произведенія, какъ, напр., было у Питирима. Извиняясь предъ читателями (1) за неполноту своихъ обличеній противъ раскола, Посошковъ говоритъ, что онъ обличаетъ изъ раскольническаго ученія только то, что слышалъ отъ лжеучителей при своихъ съ ними сношеніяхъ, которыя съ временемъ прекратились и больше, кажется, не возобновлялись. Не отыскивая взаимной связи и соподчиненія между вопросами, которые ему довелось обсуждать съ раскольниками, Посошковъ въ „Зерцалѣ“ ставитъ рубрику за рубрикой: глава 1) о хульникахъ на Св. Духа, и на церковь, и на вся святы-

(1) Прилож. ко окончанію Зерцала, стр. 206.

ни; гл. 2) о ругателехъ; гл. 3) о осудителехъ, людей осуждающихъ, себе же оправдывающихъ; гл. 4) о крестѣ и т. дал. до 26-ти главъ. Раскольниковъ Посошковъ осуждаетъ очень строго, примѣняя къ нимъ самыя рѣзкія выраженія св. писанія касательно еретиковъ и воспрещая всякое общеніе съ ними. Характеристикѣ раскольниковъ онъ посвящаетъ нѣсколько главъ, одну другой бранчивѣе (1). Предостерегая православныхъ отъ раскола, Посошковъ научаетъ ихъ различать истинныхъ учителей церкви отъ волковъ въ овчихъ кожахъ, отъ лжеучителей—раскольниковъ, указывая признаки тѣхъ и другихъ. Сравнительно съ разсмотрѣнными выше противораскольническими произведеніями, трудъ Посошкова не представляетъ ничего новаго, существенно важнаго. Въ области богословія, по выраженію Брикнера, Посошковъ былъ диллетантъ. Пользуясь своимъ случайнымъ знакомствомъ съ расколомъ, подмѣтивъ его слабыя стороны, онъ, при помощи своей начитанности, вздумалъ, по мѣрѣ разумѣнія, написать опроверженіе лжеученія, руководясь тою мыслію, что, какъ бы ни былъ слабъ его трудъ, онъ принесетъ долю пользы его соотечественникамъ при современной скудости полемическихъ сочиненій противъ раскола. Образцами для Посошкова могли служить сочиненія, ранѣе его написанныя, а пособіями—тѣ же произведенія, которыми пользовался Питиримъ. Знакомства съ церковною археологіею, впрочемъ, у Посошкова не замѣчается, библіографическихъ изысканій онъ не дѣлаетъ, богослужебныхъ книгъ не сличаетъ. Многія главы у него написаны исключительно на основаніи св. писанія и двухъ-трехъ отцовъ церкви и разбавлены благочестивыми размышленіями и воззваніями (2). Чаще другихъ у Посошкова встрѣчаются цитаты изъ І. Златоустаго и Кирилла Іерусалимскаго.

(1) Таковы главы 1, 2 и 14.

(2) Напр. 2, 3, 6, 8 и др.

Не много въ „Зерцалѣ“ главъ убѣдительныхъ для раскольниковъ по своей основательности, по непререкаемости доводовъ. Большинство изъ нихъ состоитъ изъ положеній и увѣщаній, которыя каждый расколоучитель легко могъ обратить противъ православныхъ. Въ главѣ „о хульникахъ на Св. Духа и на церковь и на вся святыни“ Посошковъ доказываетъ не то, что хульниками являются раскольники, а то, что хульники заслуживаютъ небесной кары, въ чемъ никто не сомнѣвался. Во второй главѣ—„о ругателяхъ“—тоже самое. Кромѣ того, въ обѣихъ главахъ находятся мѣста, прямо соблазительныя для раскольниковъ: въ нихъ трактуется о послѣднихъ дняхъ міра, когда, по писанію, должны явиться хульники и ругатели въ своихъ похотѣхъ ходящіи. Посошковъ въ появленіи раскольниковъ видитъ признакъ послѣднихъ временъ, между тѣмъ какъ раскольники сами проповѣдывали о пришествіи антихриста; во взглядахъ оказывалось, так. обр., нѣчто общее, очень опасное въ петровскую эпоху. Глава 3 написана на тему: *не судите, да не судимы будете* и представляетъ совершенно лишнія страницы въ книгѣ. Трактатъ о крестѣ (гл. 4) основательнѣе и дѣльнѣе другихъ: въ немъ авторъ весьма благоразумно доказываетъ, что всякій крестъ, и четверокопечный и осмикопечный, одинаково заслуживаетъ почтенія, и что четверокопечный—исторически такъ же [illegible]огребителенъ, какъ и осмиконечный. Въ 5-й гл. Посошковъ усиленно доказываетъ что І. Христосъ не стоялъ на крестѣ, а висѣлъ, и что думающіе иначе подлежатъ церковному проклятію, наравнѣ съ еретиками, отрицающими страданіями Спасителя. 7-я гл. посвящена разсужденію о томъ, что непокоряющіеся церкви и устрояющіе собранія помимо нея заслуживаютъ полнаго осужденія и наказанія, а опредѣленія признаковъ истинной церкви въ ней нѣтъ, такъ что всѣ обличенія и угрозы автора скользятъ мимо раскольниковъ. Вообще, о сочиненіи Посошкова нужно замѣтить, что оно въ большинствѣ случаевъ ставитъ и доказываетъ те-

зисы, противъ которыхъ раскольники не возражали. Онъ расчитывалъ больше на сочувствіе православныхъ читателей; къ нимъ онъ обращаетъ постоянныя возваванія—твердо стоять за церковь и ничтоже сумняся держаться ея. Убѣдительнѣйшими трактами въ „*Зерцалѣ*“ являются тѣ, которые мало имѣли нужды въ историческихъ данныхъ для обвиненія раскольниковъ, обличаютъ такіе ихъ поступки, которыхъ ни чѣмъ нельзя оправдать съ догматической точки зрѣнія. Таковы: о важности таинствъ покаянія и причащенія; мірянину учителемъ не быть; о крещеніи единомъ. Очень силенъ своею логичностью и умѣньемъ показать неправомысліе раскольниковъ трактатъ „о книжномъ исправленіи“. Въ немъ нѣтъ историческихъ изысканій, доказывающихъ необходимость и законность исправленія книгъ, но онъ съ неумолимою строгостью проводитъ мысль, что невѣжды не должны разсуждать о томъ, что̀ подлежитъ разсмотрѣнію просвѣщенныхъ пастырей церкви, иначе неизбѣжна безтолковая путаница въ важномъ дѣлѣ, какъ это и вышло въ русской церкви: взявшись судить и рядить о богослужебныхъ книгахъ, раскольники возвели обряды на степень догматовъ, остановились на мелочахъ и чрезъ нихъ не задумались отторгнуться отъ церкви, ея таинствъ, ея ученія. Коснулся Посошковъ и вопроса объ антихристи сказалъ, что онъ неразрѣшимъ. — Въ качествѣ сочиненія, дополнительнаго къ прежнимъ сочиненіямъ противъ раскола, „Зерцало“ могло имѣть значеніе; какъ самостоятельный и одиночный трудъ, оно осталось бы безъ всякаго вѣса, особенно въ глазахъ раскольниковъ. Послѣднимъ не могъ нравиться и его рѣзкій, докторальный, недопускающій полемическаго равенства съ противниками тонъ. На популярность въ средѣ православныхъ читателей произведеніе Посошкова могло расчитывать. Содержаніе его безхитростно знакомило съ православнымъ взглядомъ на заблужденіе раскольниковъ; убѣжденія держаться церкви, обращенныя къ вѣрнымъ чадамъ ея, краснорѣчивы по теплотѣ и иск-

ренности. По изложенію „Зерцало“ вполнѣ доступно простымъ читателямъ.

По своей отзывчивости на всѣ, болѣе или менѣе крупныя явленія церковной и гражданской жизни при Петрѣ, по своему оффиціальному положенію въ св. Синодѣ, который былъ озабоченъ церковными нестроеніями, Ѳ. Прокоповичъ, при всѣхъ своихъ безчисленныхъ занятіяхъ, принялъ участіе и въ рѣшеніи вопроса о расколѣ. Какъ за недостаткомъ времени, такъ и за недостаткомъ соотвѣтствующей подготовки, Прокоповичъ не взялъ на себя труда написать что нибудь капитальное противъ раскола, а ограничился замѣчаніями въ проповѣдяхъ и, главное, воззваніями, которыя служили выраженіемъ (по крайней мѣрѣ оффиціально) мнѣній Синода о раскольникахъ. Въ 1722 году, по порученію Синода, Прокоповичъ издалъ „Пастырское увѣщаніе къ обращенію раскольниковъ въ нѣдра православной церкви“, гдѣ съ сожалѣніемъ говорилось, что раскольники „не по слову Божію, но по легкомысленнымъ разсказамъ и по бабіимъ баснямъ всуе вѣруютъ“. Синодъ приглашаетъ искателей истины безпристрастно обсудить, „коль неисцѣлимый, душепагубный вредъ есть человѣку, неучену сущу, не требуя отъ искусныхъ наставленія, самоволіемъ избирати мнѣнія, и не вѣдая, суть ли истинная, за истинная себѣ утверждати“, и увѣщевалъ „да всякъ, кто бы ни былъ, ежели въ книгахъ прежде печатныхъ, такожъ и которыя впредь будутъ напечатаны, покажется кому нѣкое сумнительство, приходилъ бы съ объявленіемъ сего сумнительства въ Синодъ, безо всякаго подозрѣнія и опасенія. И таковому (говорилось далѣе) въ ономъ Синодѣ то сомнительство изъяснено будетъ отъ св. писанія, и оный сомнитель по тому разсужденію сомнительства своего удовольствуется рѣшеніемъ“. Чрезъ два съ небольшимъ мѣсяца послѣ перваго воззванія издано было новое, обращенное собственно къ расколоучителямъ и приглашавшее ихъ въ Синодъ на состязанія въ опредѣленные сроки. Синодъ объявлялъ, что онъ „не намѣренъ никакимъ образомъ

удерживать и озлоблять“ защитниковъ раскола, а хочетъ только „свободнаго съ ними о противности разглагольствія“. „Которые (говорилось въ синодальномъ приглашеніи) явятся къ обращенію къ св. церкви непреклонны и останутся при прежнемъ своемъ мнѣніи, тѣмъ дана будетъ неудержимая свобода... Если же который на сіе толь правильное призываніе не пріидетъ (продолжалъ Синодъ), тотъ, яко совѣстенъ лжи и лести своей и за стыдъ обличенія своего отъ разговора опрятающійся, покажетъ явно о себѣ, что онъ есть безбожникъ и прелестникъ, и не мнимою себѣ истиною, но вѣдомою лестію, ради суесловія и тунеядства своего, уязвляетъ сердца незлобныхъ“ (1). Однако на этотъ миролюбивый призывъ въ Синодъ диспутантовъ не являлось. Довелось писать новыя воззванія, уже въ другомъ родѣ. „Объявленіе съ увѣщаніемъ отъ Синода о продерзателяхъ, неразумно на мученіе дерзающихъ“ написано было Ѳеофаномъ Прокоповичемъ по случаю нѣсколькихъ проявленій упорнаго фанатизма раскольниковъ, которые охотнѣе подвергались, судебному наказанію и самосожженію, чѣмъ соглашались перемѣнить платье, остричь волосы, сбрить бороду. Оно, какъ показываетъ и заглавіе, отличалось болѣе суровымъ тономъ, чѣмъ предшествующія воззванія. Потомъ, опять по порученію Синода, Прокоповичъ написалъ разсужденіе о поливательномъ крещеніи подъ заглавіемъ: „Истинное оправданіе православныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ“. Кромѣ предисловія, гдѣ находится обычныя у Ѳеофана рѣзкости противъ невѣждъ, отважно толкующихъ о богословскихъ истинахъ, „ово лицемѣрно воздыхая, ово гордо поднося бровь и пащеки свои надымая“, въ названномъ разсужденіи Ѳеофанъ ищетъ доказательствъ въ пользу поливательнаго крещенія и находитъ ихъ прежде всего въ греческихъ названіяхъ

(1) Рус. В. 1878 г. кн. 6, стр. 506 и дал.

крещенія, которые вообще означаютъ омовеніе, потомъ—въ прообразахъ, въ сущности и силѣ крещенія, въ обстоятельствахъ, препятствующихъ погруженію, въ примѣрахъ измѣненія обрядовой стороны высочайшаго таинства евхаристіи, указываетъ на извѣстное мѣсто въ Дѣяніяхъ апост., гдѣ говорится о крещеніи каженика, на историческія извѣстія о принятіи въ церковь мучениковъ и больныхъ, на согласіе относительно дѣйствительности поливательнаго крещенія между древними пастырями церкви (1). Ѳеофану Прокоповичу принадлежатъ еще: „Увѣщаніе отъ св. Синода невѣждамъ“ (раскольникамъ) и трактатъ „О мученичествѣ“. Содержаніе послѣдняго направлено противъ заблужденія раскольниковъ, въ силу котораго они мученичество полагали въ сопротивленіи власти, въ упорной пропагандѣ, связанной съ большими препятствіями и рискомъ, а также въ добровольномъ отреченіи отъ жизни—въ самоубійствѣ. Наконецъ, противъ раскольниковъ Ѳеофанъ написалъ разсужденіе о присягѣ и клятвѣ. Самыя заглавія упомянутыхъ воззваній и увѣщаній и обстоятельва ихъ написанія показываютъ, что Прокоповичъ писалъ ихъ больше ex officio. Занятый постоянно другимъ, онъ уступалъ главную дѣятельность противъ раскола людямъ, болѣе свѣдущимъ въ этой области и болѣе свободнымъ. Онъ былъ законодателемъ въ церковной области по волѣ государя и дѣйствовалъ по указаніямъ послѣдняго, а Петръ заботился о status quo церкви на столько, на сколько онъ соотвѣтствовалъ status quo государства. Отсюда, дѣятельность Ѳ. Прокоповича противъ раскола имѣла оригинальный характеръ, сравнительно съ дѣятельностію въ томъ же направленіи упомянутыхъ выше архипастырей, преслѣдовавшихъ въ ней первѣе всего интересы православія.

(1) По замѣчанію г. Чистовича, Ѳеофанъ подвергся за это соч. укоризнамъ со стороны нѣкоторыхъ церковныхъ писателей. IV сборн. Акад. Наукъ, стр. 130.

Въ увѣщаніяхъ и воззваніяхъ, писанныхъ рукою Θеофана отъ лица Синода, больше уступчивости въ пользу раскола, больше гуманности въ отношеніи къ заблудшимъ чадамъ церкви, чѣмъ въ сочиненіяхъ частныхъ лицъ. Очевидно, церковное правительство шло объ руку съ правительствомъ гражданскимъ, которое признало право существованія въ государствѣ за громадной массой людей, отторгшихся отъ церкви. Дѣйствуя такимъ образомъ, Синодъ давалъ направленіе противораскольнической полемической литературѣ, сглаживалъ рѣзкости въ обращеніи двухъ враждебныхъ сторонъ. Частію вслѣдствіе церковныхъ неурядицъ, частію вслѣдствіе народнаго недовольства распоряженіями свѣтской власти, въ петровскую эпоху легко было ожидать бунта обширнѣйшихъ размѣровъ, чѣмъ былъ стрѣлецкій бунтъ. Понятны, поэтому, то угрожающія обличенія, то примирительныя увѣщанія Синода, обращенныя къ вожакамъ раскола, на сторону котораго готова была перейти и остальная часть народа, пребывавшая пока въ единеніи съ православіемъ. Авторитетъ церкви былъ единственнымъ, которому вѣрилъ еще темный людъ, недоумѣвавшій предъ распоряженіями императора, дружившаго съ нѣмцами и прозваннаго антихристомъ. Прокоповичъ вообще былъ примирителемъ народа съ правительствомъ, защитникомъ дѣйствій послѣдняго и обличителемъ невѣждъ, позволявшихъ себѣ заявлять свои незрѣлые взгляды на современныя событія, обвинителемъ раскольниковъ за ихъ сопротивленіе новшествамъ, за ихъ несочувствіе просвѣщенному монарху, за ихъ склонность видѣть все въ дурномъ свѣтѣ, или, какъ выражался онъ въ своихъ проповѣдяхъ, за ихъ „мизанѳропію“ и „меланхолію“. Пессмистическій взглядъ на подвиги Петра, которыми самъ Θеофанъ восхищался и въ которыхъ онъ принималъ активное участіе, въ его глазахъ ничѣмъ не могъ быть оправданъ, ни даже исторіей. А исторія показала, что забитый со всѣми духовными потребностями въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, народъ

въ петровскую эпоху оскорбленный въ своемъ національномъ самолюбіи, готовъ былъ умирать за свои традиціи, за свою вѣру. Неудовлетворенныя нормальнымъ путемъ, духовныя потребности массы нашли себѣ другой исходъ, хотя и ложный. Неспособный понять и оцѣнить дѣйствій государя надлежащимъ образомъ, народъ объяснялъ ихъ по своему. Сперва онъ только удивлялся и жаловался, ожидая, что сближенію Петра съ иноземцами придетъ конецъ, что царь, „оставя младыхъ лѣтъ дѣла, все исправитъ на лучшее“; потомъ порѣшилъ, что „нѣмцы его обошли“, далѣе усомнился точно ли изъ-за границы возвратился подлинный русскій царь, и пришолъ къ заключенію, что „нѣмцы погубили настоящаго царя Петра у себя и прислали къ намъ другаго, своего нѣмца же, чтобы обусурманить православныхъ“; наконецъ разыгравшаяся народная фантазія по всѣмъ признакамъ узнала въ Петрѣ антихриста. Появились и пошли по рукамъ подметныя письма и тетрадки, которыхъ не успѣвали сжигать. Послышалась и открытая проповѣдь о Петрѣ—антихристѣ, образовались цѣлыя „согласія“ (Адамантово и Ѳедосѣевское) съ ученіемъ о послѣднихъ временахъ міра; масса народа заволновалась и понесла вѣсть объ антихристѣ на самыя отдаленныя окраины Россіи. Раскольники съ горячностію ухватились за эту вѣсть, потому что въ ней видѣли совершенно удовлетворительное объясненіе непонятныхъ дѣйствій императора (1).— Духовенство, такъ долго остававшееся въ невѣденіи относительно того, какія бѣдствія грозятъ церкви по причинѣ его невѣжества и нерадѣнія, глазами лучшихъ своихъ представителей увидѣло теперь ясно, что брошенное давно въ подготовленную почву зерно раскола дало не слабые ростки, а громадныхъ размѣровъ дерево. Противъ зла нужно было принять энергическія мѣры. Составился кружокъ немногихъ сравни-

(1) Странникъ 1882 г., мартъ, 365—71.

тельно, но даровитыхъ миссіонеровъ и писателей и нашелъ нужнымъ стать съ своею устною и письменною проповѣдью возможно ближе къ заблудшимъ чадамъ церкви. Не говоря о томъ, какъ полезна была въ раскольничьихъ скитахъ живая рѣчь Питирима, слѣдуетъ обратить вниманіе на воодушевленный языкъ указанныхъ выше сочиненій, языкъ чисто разговорный, полный чувства; въ немъ постоянно слышится необыкновенный интересъ къ затронутымъ вопросамъ и неослабѣвающее вниманіе къ тѣмъ, кто ихъ затронулъ. Иногда это вниманіе сопровождалось миролюбивымъ, а чаще враждебнымъ настроеніемъ полемиста, но заслуга послѣдняго въ томъ, что онъ не равнодушествовалъ. Раздражительный тонъ и несдержанная брань составляютъ крупный недостатокъ разсмотрѣнныхъ произведеній; особенно они неумѣстны въ устахъ пастырей всепрощающей церкви, пастырей, которые сами же довели своихъ чадъ до плачевнаго умственнаго и религіозно-нравственнаго состоянія; но петровская эпоха была временемъ, когда безъ страсти, безъ излишняго увлеченія ничего не дѣлалось, не говорилось, не писалось. Полемисты противъ раскола видѣли въ раскольникахъ враговъ церкви, враговъ фанатичныхъ и страшныхъ своею ненавистью къ ней; ревнуя о православіи, они приняли ихъ, какъ защитники церкви за своихъ враговъ и не въ силахъ были хладнокровно говорить съ ними о предметѣ раздора. Въ тѣхъ же самыхъ произведеніяхъ находимъ признаки того, что полемисты сознавали свою горячность и какъ будто раскаявались въ ней, подыскивая для себя извиненія въ ней. „Отъ печали и отъ туги сердца написахъ вамъ многими слезами (заключаетъ текстомъ св. писанія м. Стефанъ свое сочиненіе), не яко да оскорбитеся, но любовь да познаете, юже имамъ изобильно къ вамъ". А въ началѣ книги онъ привелъ слова св. I. Златоустаго: „ничтоже тако раздражаетъ Бога, якоже церкви раздѣлитися: аще и безчисленна будемъ содѣлавше благая, отъ иже тѣло Его пресѣ-

кающихъ не меншую пріимемъ казнь, пресѣкающе неполненіе церковное". Питиримъ, послѣ предисловія, обращается съ рѣчью къ раскольникамъ въ апостольскомъ духѣ,—желаетъ имъ, во имя Отца и Сына и св. Духа, „всеусерднѣ здравія, спасенія и всякаго благополучія, мира и тишины и соединенія ко св. церкви". По мѣстамъ въ противораскольническихъ сочиненіяхъ встрѣчаемъ трогательныя увѣщанія „растерзателемъ ризы Христовы", убѣждающія ихъ составить едино стадо съ православными, подъ покровительствомъ и руководствомъ православной іерархіи. Вообще видно, что не одно враждебное чувство къ противникамъ церкви говорило въ обличителяхъ раскола, но что они, сердечно переживая строки своихъ сочиненій, поочереди переходили, какъ это часто бываетъ въ полемическихъ произведеніяхъ, то къ симпатическимъ, миролюбивымъ, то къ гнѣвнымъ потамъ и выраженіямъ. Литературная форма, принятая ими для бесѣды съ раскольниками, по природѣ своей жива; она больше—вопросо-отвѣтная. Въ ней постоянно чувствуется присутсвіе двухъ спорящихъ сторонъ, и обмѣнъ мыслей какъ будто олицетворяется. Это—особенно важная черта противораскольническихъ сочиненій петровской эпохи, черта, приближающая ихъ въ устному собесѣдованію пастыря съ пасомыми, которое раньше такъ мало слышалъ русскій народъ.

6) **Проповѣдническая литература.** Перейдемъ теперь къ проповѣди. Она, какъ литературный памятникъ, важна въ томъ отношеніи, что отражаетъ въ себѣ всю религіозно-нравственную жизнь народа со всѣми ея подробностями. Частнѣе говоря, проповѣдь разсматриваемаго періода носитъ въ своемъ содержаніи глубокіе слѣды современной жизни и можетъ служить характернымъ ея памятникомъ.—На первомъ планѣ въ обозрѣніи проповѣдей петровскаго періода удобнѣе всего поставить проповѣди м. Стефана Яворскаго, такъ какъ они, выражаясь словами г. Терновскаго, „стоятъ

на рубежѣ (по своему складу) между старыми преданіями южно-русской гомилетики и новыми требованіями петровской эпохи" (1). Въ содержаніи проповѣдей м. Стефана находимъ, что авторъ ихъ боролся противъ тѣхъ же непормальностей въ русской религіозной жизни, какія обличалъ онъ и въ другихъ своихъ, разсмотрѣнныхъ уже нами, литературныхъ произведеніяхъ, — противъ раскола и протестантизма; сверхъ того, м. Стефанъ касается здѣсь и нравственныхъ недостатковъ общества, къ которому обращена была его рѣчь. — Противъ раскола, впрочемъ, м. Стефанъ съ церковной каѳедры ратовалъ немного, вѣроятно потому, что велъ съ нимъ другаго рода борьбу. Но первое его слово въ Москвѣ преимущественно направлялось именно противъ этаго недуга русской церкви. Въ немъ онъ убѣждалъ паству покаряться законной іерархіи и не слушать „ученія странныхъ учителей". „Не сомнѣвайся, православный народе, говорилъ онъ, не сомнѣвайся, обрѣтая въ печатныхъ книгахъ нѣкія перемѣны; вѣруйте моему архіерейскому слову, яко не развращенія суть сіи перемѣны, а исправленія. Вѣруйте, отцы мои честніи, братія и чада любимая, яко просящимъ вамъ хлѣба словесе Божія не подадимъ камень, ниже просящимъ рыбы не подадимъ змію или смертоносную скорпію.... се съ радостію истинная душевная пища подается нами, а подается аки рыба нечешуенная отъ всякихъ прегрѣшеній писательничихъ и типографскихъ.... Не преклоняйтеся въ ученіе странныхъ учителей, послушайте гласъ пастыря своего. Не ищите врачей неискусныхъ, убивающихъ паче, неже исцѣляющихъ души, но отъ Бога данныхъ вамъ пастырей ищите врачевства духовнаго" (2).

Выше мы имѣли поводъ замѣтить, что расколъ при Петрѣ находился въ такомъ фазисѣ развитія, въ

(1) Рук. для сельск. паст. 1870 г. № 36.

(2) Черниг. Епар. Вѣд. 1861 г. № 21, прилож. стр 529—30, 532—3.

какомъ трудно было побѣдить его одною проповѣдью безъ средствъ судебно -административныхъ. Употребивъ послѣднія, м. Стефанъ заставилъ умолкнуть шайку отважныхъ московскихъ буиговщиковъ и въ проповѣди какъ бы забылъ о нихъ, тѣмъ болѣе, что вниманіе его было отвлечено другими важными обстоятельствами службы, и онъ, по необходимости, сосредоточился на другой дѣятельности. По оффиціальному донесенію префекта академіи Ѳеофилакта Лопатинскаго, м. Стефанъ энергично началъ слѣдственное дѣло о протестанской ереси, главнымъ распространителемъ которой явился упомянутой Д. Тверитиновъ. Не смотря на бездѣйствіе сената, Стефанъ церковнымъ судомъ довелъ фанатиковъ до застѣнка и казнилъ одного изъ нихъ, а другихъ предалъ отлученію, пока не раскаются.—хотя государь и не сочувствовалъ митрополиту въ его антилютеранской дѣятельности. Обличалъ м. Стефанъ „люторскую и калвинскую ересь“ и съ церковной каѳедры. Въ словѣ на 7 недѣлю по Пасхѣ, установивъ для себя тему: „ святіи удодницы Божіи, предстояще престолу Божію, суть молитвенницы о насъ: вѣдаютъ моленія наша къ нимъ и сія приносятъ къ Богу: помоществуютъ же намъ во всякихъ нуждахъ нашихъ и предстательствуютъ“, указываетъ прямое назначеніе слова—„да познаютъ нечестивіи ложь свою, юже въ народѣ о васъ (святыхъ) разсѣваютъ“. Обращаясь къ слушателямъ, проповѣдникъ говоритъ объ иноземныхъ ересяхъ, волнующихъ церковь русскую и указываетъ на лютеранскихъ пропагандистовъ, выше цихъ изъ нѣдръ церкви православной. „Слышасте, православніи слышателіе, яко на церковь Божію, на святыхъ Божіихъ, на иконы ихъ возстали сыдѣтеліе неправедніи, возсташа злочестивые лжехристіане, возсташа человѣцы хульницы, прежде сынове церкви православно-каѳолической, въ семъ православномъ градѣ рожденніи, въ благочестіи воспитанніи, нынѣ же исполненніи всякія лести и всякія злобы, сыны діаволи, напыщеннїи отъ своея гордости и высокоумія вреднымъ духомъ нѣкіихъ ересіарховъ исполненіи“. Они утверждаютъ, „аки бы мы всуе

творимъ, егда святыхъ Божіихъ почитаемъ, имъ кланяемся, ихъ помощь призываемъ, паричающе ихъ мертвыми, и глаголятъ сія (Кальвина) словеса: кто глаголетъ тако долгія у нихъ быти уши и острыя, дабы отъ неба наши гласи слышали, тако очи ясныя, дабы нужды наши видѣли: не можетъ, глаголютъ, показатися, коимъ образомъ наши молитвы познавали святые. Не познаютъ убо: а понеже не познаютъ молитвъ нашихъ, то всуе ихъ и въ помощь призывати". Далѣе проповѣдникъ, слѣдуя постоянному своему обычаю въ полемикѣ, сперва излагаетъ и обосновываетъ положительное православное ученіе, потомъ разбиваетъ доводы противниковъ. И въ томъ и другомъ случаѣ аргументація его отличается хорошимъ подборомъ цитатъ умѣньемъ поставить оппонентовъ въ затрудинтельное положеніе, а догматъ православія въ послѣдовательномъ его развитіи освѣтить, какъ несомнѣнную истину. Тоже нужно сказать и о другомъ его словѣ—по вопросу о преданіи (на 16 нед. по св. Духѣ), гдѣ онъ доказываетъ, съ опытностью искусившагося полемиста, что св. писаніе содержитъ въ себѣ не все нужное для христіанина, что его безъ руководства всегда можно толковать произвольно, что безъ преданія „никоею мѣрою сохранити возможно церковные обычаи", что І. Христосъ многое говорилъ ученикамъ (особенно по воскресеніи), что̀, по свидѣтельству св. Луки, не записано въ книгахъ, что апостолы твердо хранили преданное І. Христомъ и заповѣдали церкви наряду съ библіей хранить и преданіе,—и церковь свято̀ чтила эту заповѣдь, какъ видно изъ писаній мужей апостольскихъ, многихъ ея отцовъ и учителей.—Въ проповѣдяхъ м. Стефана преобладаетъ положительная сторона: онъ хотѣлъ ближе ознакомить своихъ слушателей съ мудростью православія и заставить блѣдиѣть предъ нею умствованія еретиковъ. Искренно увлеченный важнымъ предметомъ спора, проповѣдникъ какъ бы забываетъ о схоластическихъ орнаментахъ рѣчи, говоритъ сравнительно просто, одушевленно, резонно. Въ словѣ о вѣрѣ оправ-

дывающей (¹), путемъ неотразимой логики и богословскаго знанія, м. Стефанъ приводитъ слушателя къ тому убѣжденію,—„что вѣра мертвая, безъ дѣлъ, не токмо не дарованіе, но погибель человѣку“, который при ней можетъ не превосходить діавола вѣрующаго и трепещущаго.

Воспитанникъ запада, гдѣ со времени реформаціи на ряду съ религіей поставлена наука, а на ряду съ церковію — государство, усердный поклонникъ идей общественной и гражданской добродѣтели, Петръ В. былъ неумолимымъ врагомъ суевѣрія и ханжества, выросшихъ на религіозной почвѣ. Но суровая сатира, безпощадная насмѣшка надъ русской народной вѣрой въ прадѣдовскіе обычаи нерѣдко доходили у европейскаго государя до крайностей и оскорбляли приверженцевъ старины. Примѣру царя и его приближенныхъ слѣдовали многіе члены высшаго общества, падкіе въ то время до всего чужаго, потому что оно умно, и смѣявшіеся надъ своимъ, потому что оно глупо; охотно усвояя „люторскіе и кальвинскіе обычаи“, они оставили посты, храмы, крестные ходы, молебны по домамъ, забыли молитву, отвертывались на улицахъ отъ св. иконъ, не вѣрили въ св. мощи, трунили надъ духовными особами и т. д.; чтобы сдѣлаться достойными членами „всепьянѣйшей компаніи“ и посѣтителями узаконенныхъ ассамблей, они повели жизнь на широкую ногу, часто не по средствамъ, не стѣсняясь обирали народъ, принялись за взяточничество, потерявъ судейскую честность. Женщины, легкомысленно оставившія скучныя терема и пустившіяся въ свѣтъ, увеличивали расходы своихъ мужей и отцовъ; семейныя узы ослабѣли, нравственность падала. М. Стефанъ не могъ терпѣть поношенія вѣры православной и возсталъ на ея защиту съ громкимъ обличеніемъ, забывъ практическіе расчеты, не соображаясь съ желаніями царя.

(¹) Въ нед. 24 по Св. Духѣ,—т. II, стр. 195—221.

Чѣмъ дальше, тѣмъ безпощаднѣе становился архипастырь въ своемъ карающемъ словѣ. Указавъ (въ словѣ на 15 нед. по св. Духѣ) на тотъ фактъ, что „мнози, сгда узрятъ чуждыя земли, скоро отъ своея православныя вѣры каѳолическія подвижутся и прелагаютея, и чуждыя, богомерзкія, еретическія, пространнымъ путемъ во адъ ведуціа, вѣры похваляютъ.... свою же осмѣиваютъ и уничтожаютъ“. (1) хорошо понимая, куда можетъ повести такое увлеченіе, митрополитъ рѣшился обличить самихъ виновниковъ нововведеній и увлеченій. „Се имате мзду, закона Божія разорители (говорилъ онъ, не щадя, очевидно, и самого государя), слышите громы, заповѣдей господнихъ преступницы, того ради не удивляйтеся, что многомятежная Россія наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ волнуется, не удивляйтеся, что по толикихъ смятеніяхъ доселѣ не имамы превожделѣннаго мира: кто законъ Божій разоритъ, отъ того миръ далече отстоитъ, гдѣ правда, тамъ и миръ. Море, свирѣпое море, человѣче законопреступный! почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? Берегъ есть законъ Божій, во еже непрелюбы сотворити, не вожделѣти жены ближняго, не оставляти жены своея; берегъ есть во еже хранити благочестіе, посты и наипаче четыредесятницу; берегъ есть почитати иконы“ (2) .. — За это слово м. Стефанъ подвергся опалѣ: ему запрещено было говорить проповѣди (1713—15 г.). Но доблестный архипастырь безтрепетно продолжалъ свою дѣятельность, хотя ему довелось перенести ее съ высшаго сословія на низшее: именно въ указанный промежутокъ времени онъ совершилъ свой строгій судъ надъ Тверитиновымъ и его сообщниками.—Чувство глубокой скорби подавляло святителя, когда онъ обращалъ свое вниманіе на нравственность общества. „Коликое множе-

(1) Проповѣди м. Стефана II, 23.

(2) Исторія Россіи Соловьева, XVI, 353.

ство между нами растлѣнія", восклицаетъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей,—„гдѣ только обратишь лице, вездѣ заплаканными очами узришь нравовъ человѣческихъ растлѣніе. Глянешь на начальниковъ — растлѣніе, глянешь на подначальныхъ—растлѣніе, глянешь на посыльщиковъ, которые, яко піявицы, кровь піютъ изъ людей убогихъ, снѣдаютъ люди, вмѣсто хлѣба, о коликое узришь растлѣніе! Глянешь на супружество, и ту растлѣніе; непрестанные разводы, распускныя жидовскія книги; въ самомъ чину духовномъ и по монастырямъ не малое обрящеши въ нравахъ иноческихъ растлѣніе" (1). Въ словѣ на день успѣнія Божіей Матери м. Стефанъ выражаетъ даже опасеніе за безопасность Россіи. „Что же я ту начну глаголати о тебѣ царствующій граде? Что начну глаголати о тебѣ, благочестія столпе необоримый, Россіе мати наша? Сіяла ты въ прежнемъ времени благочестіемъ свѣтла и аки столпъ непоколебимый въ вѣрѣ православной утверждена. Нынѣ же что? Усомнѣваюся о твердости твоей, столпе непреклонный, егда тя вижу вѣтрами противными отвсюду обуреваема. Вѣетъ на тя вѣтръ иконоборный, иконы святыя нипочтожающій и презирающій и обалити тщащійся. Вѣетъ на тя вѣтръ чревоугодный, посты святые разоряющій. А ты, столпе мой непреклонный, вѣтромъ тлетворнымъ попирающися, уже колебатися начинаеши, и вмалѣ вмалѣ, яко столпъ силуамскій, паденіемъ своимъ насъ не погубляеши"... Доказательствомъ того, что м. Стефанъ далекъ былъ отъ лицепріятія въ своихъ обличеніяхъ, служитъ его проповѣдь, попреимуществу направленная противъ столичной знати, забывшейся въ своемъ временномъ величіи и потерявшей вѣру въ благіе обычаи старины. „Блистаете въ очахъ нашихъ сего свѣта свѣтила, на высокихъ властѣхъ, аки на небѣ, и разумѣете, яко мраку смертному есте не причастни. Приидетъ, приидетъ

(1) Неизд. проп. Стефана Яворскаго. Хр. Чт. 1867 г. I. 828.

смертный вечеръ, который всѣ ваши погаситъ блистанія, и яко огнь обращается въ нечесть, тако ваша слава въ персти вселится, и бысть вечеръ. Не вспоминаю здѣ злата, сребра и каменій драгоцѣнныхъ, не вспоминаю лицъ прекрасно сіяющихъ: все то тлѣніе міра сего. Пріидетъ, пріидетъ вечеръ смертный, который все то погаситъ. Сама только слава небесная, самъ только день успокоенія вечера не знаетъ, день нечечерній, день немеркающій, нощи непричастный. О, кое тебѣ, человѣче, на семъ свѣтѣ до неба пренятіе! Для чего къ земли всѣмъ сердцемъ прилипаеши? Кровь дражайшая Спасителя моего, ради насыщенія и услажденія нашего изліянная! Окропи и умягчи окаменѣнное сердецъ нашихъ нечувствіе! Даждь намъ сію благодать, просвѣти намъ мысленныя омраченныя очи!“ (¹).

До сихъ поръ мы видѣли, что м. Стефанъ внимательно всматривался въ современную ему жизнь и сочувственно отзывался пастырскимъ словомъ на ея запросы, Со стороны содержанія, поэтому, его проповѣди значительно выше произведеній схоластическихъ ораторовъ, мѣнявшихъ жизнь на гомилетику, факты на фразы и на правила реторики, Тревожная эпоха, развивавшая практицизмъ въ духѣ великороссовъ, жизненный характеръ Петра — не гармонировали съ отвлеченностью крайняго схоластицизма, проникшаго въ южно-русское краснорѣчіе.—Но замѣтны въ проповѣдяхъ м. Стефана и глубокіе слѣды школы, которую онъ прошелъ до своего поступленія на митрополичью каѳедру. Мало простоты и много витіеватости оказывается въ тѣхъ его проповѣдяхъ, гдѣ онъ разсуждаетъ объ истинахъ христіанской вѣры, отрываясь отъ жизненной почвы и пускаясь въ философію, — когда онъ говоритъ, напр. о воскресеніи мертвыхъ, о милосердіи Божіемъ, о грѣхѣ, о мукахъ ада и т. д. Еще

(¹) Проп. м. Стефана Яворскаго, I. 199.

болѣе сквозитъ готилетика І. Голятовскаго въ словахъ м. Стефана на дни святыхъ; предметомъ ихъ служитъ обыкновенно добродѣтель въ разныхъ ея видахъ. Тоже нужно замѣтить и о его панегирикахъ Петру В. Въ послѣднихъ, правда, отводится мѣсто такъ наз. гражданскому элементу, въ нѣкоторыхъ ощутителенъ и ораторскій талантъ проповѣдника, но—не въ большихъ размѣрахъ, между тѣмъ какъ въ то время современный слушатель нуждался въ подробномъ раскрытіи пользы начинаній и дѣйствій монарха, въ объясненіи его заслугъ для отечества, а не въ высокопарныхъ, безотчетныхъ восхваленіяхъ, не въ фигурахъ умалчиванія, къ которымъ не рѣдко прибѣгаетъ нашъ проповѣдникъ, касаясь словомъ того или другаго событія изъ гражданской жизни Россіи, развивавшейся подъ неключительною ферулою государя. „Высокаго надобѣ ума, высокихъ словесъ на похвалу высокопарнаго птенца“ (Петра), говорилъ м. Стефанъ въ 1709 г. по случаю полтавской побѣды. „Но что здѣсь словеса пользуютъ, идѣже кличъ, вопль и шумъ марсовый, военный скудоумнаго и косно-язычнаго глагольника заглушаютъ. Не риторскихъ здѣ гласовъ, но многошумныхъ пушекъ, литавровъ, трубъ и всея марсовыя музыки требѣ есть на торжественную радость. Мало пользуютъ тамъ остроръчіе и умъ остръ, идѣже острое желѣзо тріумфуетъ“ (1).... „Многа суть, говоритъ Стефанъ въ другомъ мѣстѣ, яже мнѣ запрещаютъ глаголати о преславныхъ величіяхъ (Петра); въ первыхъ мое недоумѣніе, также высота дѣла, умъ и языкъ превосходящая, заграждаетъ уста и кротость побѣдителя сицевому лицу странна и необычна, но наипаче запрещаетъ глаголати зависть побѣжденныхъ, которая яко сѣнь солнцу побѣдителемъ послѣдствуетъ; убо азъ, косноязычный сый, умолчу, но каменіе возопіютъ, каменіе же не иное, только раз-

(1) Неизд. проповѣди м. Стефана. Прпб. къ твор. свв. оо. 1863 г., стр. 251.

рушенныхъ стѣнъ“ (1). Въ этомъ родѣ составлено большинство панегириковъ м. Стефана. Но и по нимъ съ достаточною ясностію обрисовывается могучая фигура преобразователя „великаго мужествомъ, крѣпостію, силою, великодушіемъ; великаго счастіемъ воинскимъ, всегда побѣдительнымъ“; Петръ – отецъ Россіи, для которой не щадитъ труда; Петру не страшенъ огонь и мечъ непріятеля, не страшны солдатскія лишенія и походная жизнь; онъ не нуждается въ тѣлохранителяхъ, потому что не боится измѣны; въ обращеніи съ простыми людьми онъ забываетъ свое величіе и снисходитъ вниманіемъ до послѣдняго бѣдняка; его умственныя качества и многостороннее образованіе заслуживаютъ удивленія (2). Защищая государя предъ народомъ, роптавшимъ на обременительную воинскую повинность и уклонявшимся отъ нея, м. Стефанъ старался успокоить недовольныхъ, доказать законность войны за правду, напоминалъ слушателямъ священно-историческіе факты въ подтвержденіе своихъ мыслей, ободрялъ воиновъ, объяснялъ имъ значеніе ихъ жертвъ на благо отечества, именемъ Божіимъ обѣщалъ имъ мученическіе вѣнцы на небѣ и безсмертную славу на землѣ. Замолвилъ слово м. Стефанъ и въ пользу новой столицы, хотя замѣтно, и не понималъ надлежащимъ образомъ ея значенія для будущаго Россіи (3)—Панегириковъ по поводу преобразованій Петра внутри государства у м. Стефана находимъ не много, какъ потому, что митрополитъ не сочувствовалъ имъ, такъ и потому, что важнѣйшія изъ нихъ начаты уже по смерти его, въ 20-хъ годахъ. Отмѣна патріаршества, уч-

(1) Проп. м. Стефана, III 168—9.

(2) Хр. Чт. 1867 г., II, 113—14; Проп. м Стефана III, 178—9; II, 113—14. Краснорѣчивая проповѣдь съ остроумными сближеніями сказана была м. Стефаномъ, по случаю взятія Шлиссельбурга. III, 161 и д.

(3) Неизд. проповѣди Стефана Яворскаго. Хр. Чт 1867 г., II, 100—4.

реждение монастырскаго приказа, фискальство, обязательное брадобритіе, нѣмецкое платье, ассамблеи—не нравились архипастырю и даже подвергались съ его стороны нареканію. Онъ былъ человѣкъ старый, консерваторъ по убѣжденіямъ и не имѣлъ исключительно-оптимистическаго взгляда на совершившіяся реформы. Хвалить же дѣла, которыя оратору не нравятся, по оффиціи—не легко. Но невольѣ приходилось употреблять фразы и украшенія, плохо характеризующія предметъ похвалы: хорошія стороны послѣдняго были скрыты для панегириста.

Слѣды схоластическаго образованія, сказали мы, у м. Стефана особенно явственны въ тѣхъ проповѣдяхъ, гдѣ онъ разсуждалъ на отвлеченныя темы. Напримѣръ. Въ словѣ изъ текста „пріимите Духъ святъ“ (1) ораторъ, не останавливаясь на мысли о внутреннемъ воздѣйствіи св. Духа на христіанина, беретъ на себя задачу показать, какой образъ сошествія св. Духа болѣе приличествуетъ тому или другому сословію его слушателей. Для этого онъ по симфоніи подыскиваетъ мѣста писанія, гдѣ говорится о сошествіи св. Духа, и разные виды его примѣняетъ, не останавливаясь ни предъ какими натяжками. — къ царю (образъ *голубя*, сосѣдняго на Христа - помазанника и живущаго на высотахъ), къ царицамъ и царевнамъ (образъ *осьмія*, въ которомъ онѣ нуждаются даже для защиты отъ солнечныхъ лучей), къ боярамъ (образъ *вина*, возбуждающаго въ апостолахъ смѣлость и краснорѣчіе) къ воинамъ (видъ *огня*) и т. д. Въ другой проповѣди м. Стефанъ съ не меньшею искуственностію проводитъ параллель между рыбою и человѣкомъ чтобы оправдать выборъ І. Христа, который взялъ своихъ апостоловъ изъ рыболововъ и сдѣлалъ ихъ потомъ ловцами человѣковъ. Подобій между человѣкомъ и рыбой у проповѣдника оказывается много; нѣкоторыя изъ нихъ естественны

(1) Въ недѣлю Пятьдесятницы, I, 163—79

и удачны по не вѣ: сближеніе рыбьяго хвоста съ послѣдней судьбой людей, которыхъ ожидаютъ смерть, страшный судъ, небо и адъ, — должно было вызвать у слушателей улыбку.—Въ пониманіи библейскихъ текстовъ и въ толкованіи ихъ проповѣдникъ нерѣдко обнаруживаетъ произволъ увлекаясь мнимо-таинственнымъ ихъ смысломъ, подозрѣвая въ простомъ историческомъ разсказѣ скрытое правоучительное значеніе; — подражаніе латино-польскимъ витіямъ. Развивая и раскрывая мысль, что застарѣлый порокъ въ человѣкѣ трудно искореняется, м. Стефанъ говоритъ: (1) „понимайте жену лотову, глаголетъ Христосъ Спаситель: а что есть Лотъ? А, что есть жена лотова? Лотъ есть духъ человѣческъ, лотова жена есть плоть сладострастна. Лотъ, духъ человѣческъ, скоро и легко исходитъ изъ Содома, вспять не озирается; но жена лотова, плоть сладострастна, егда въ нечистой Содомѣ водворится и сквернодѣйствіе себѣ стяжаетъ и возлюбитъ, о сколь трудно ее извести оттуду! Аще же и на время изведется, паки вспять озирается окаянная и многажды возвращается, аки песъ на блевотины своя: того ради и въ столпъ сланый озрѣвшуюся жену измѣнилъ Богъ всемогущій. А для чего не въ столпъ каменный, не въ столпъ желѣзный, не въ столпъ мѣдяный? Вѣдасте, яко соль рождаетъ жажду. Се убо имате тайну, для чего жену лотову измѣнилъ Богъ въ столпъ сланый. Хотѣлъ насъ тѣмъ самымъ идоломъ устрашити и научити, яко нечистота, въ сердцѣ человѣческомъ вкорененная и застарѣлая, ненасытна есть: всегда жажду терпитъ ненасытную". — Вся эта аллегорическая панорама построена съ цѣлію занять слушателей, удивить ихъ остроуміемъ. Съ тою же цѣлію давалось мѣсто въ проповѣди у южно-русскихъ проповѣдниковъ баснямъ, притчамъ и анекдотамъ, въ которыхъ нерѣдко было больше смѣшнаго чѣмъ правоучительнаго; приводились

(1) Проп. м. Стефана I, 112—113.

историческіе факты сомнительнаго достоинства, не рѣдко и примѣры изъ древней миѳологіи. Стремленіе завлечь слушателя естественно во всякимъ ораторѣ; жаль только, что латино-польская гомилетика не выработала раціональныхъ средствъ къ тому, и угождая испорченному вкусу современнаго общества, опустила изъ виду серьезное, важное назначеніе проповѣднаго дѣла. Насколько погрѣшала южно-русская гомилетика противъ высокой задачи пастырскаго слова, видно изъ того, что она находила позволительнымъ на церковной каѳедрѣ острить на счетъ слушателей, на счетъ собственной персоны оратора и даже—предмета проповѣди, предписывала театральность, драматичность въ изложеніи поученій, доходившую до крайностей. М. Стефанъ не былъ чуждъ всѣхъ указанныхъ недостатковъ воспитавшей его гомилетики (1), требовавшей, въ существѣ дѣла, безусловнаго подчиненія содержанія формѣ; а послѣдняя была опредѣлена до подробностей и по мелкимъ рубрикамъ. Безусловная привязанность къ этимъ рубрикамъ отнимала у слова его естественную простоту, не позволяла предмету рѣчи развертываться предъ слушателемъ такъ, какъ для него удобнѣе, „сообразно съ его природой“, по выраженію Ѳ. Прокоповича. Ничѣмъ незамѣнимая жизненность слова утрачивалась настолько, насколько ораторъ держался формализма. Вотъ доказательство. М. Стефанъ, исключительно по способу сближенія, рекомендованному гомилетикой, „построилъ“ четыре проповѣди на новый годъ въ похвалу Петра и Россіи, заимствовавъ содержаніе для нихъ изъ видѣнія пр. Іезекіиля. Слова эти носятъ названіе торжественныхъ колесницъ. Изображеніе колесницы, видѣнной Іезекіилемъ проповѣдникъ прилагаетъ къ современной Россіи и находитъ въ ней всѣ части, изъ которыхъ ко-

(1) Проп. м. Стефана, II, 74; III, 53—5, 7; 9; I, 160; II, 138, 190. 74 и др. См. Рук. д. с. и. 1870 г. «Проповѣдничество при Петрѣ I» Терновскаго.

лесница состояла. „Амвросій и Θеофилактъ, говоритъ м. Стефанъ на новый 1703 г. и прочіи съ ними чрезъ колесницу разумѣютъ быти царство, государство, а наипаче благочестивое, православное, идѣже подобіе сына человѣческаго, т. е. Христосъ Спаситель нашъ и хвала Его святая, благочестіе святое проѣзжается и торжествуетъ и тріумфы строитъ. Держуся я сего толкованія и тріумфальною колесницею Іезекіилевую нарекү тебе, преславная наша Россійская монархія, тривѣнчанное царство московское“ (¹). Представляя слушателямъ животныхъ, движущихъ колесницу (Россію), проповѣдникъ продолжаетъ: „Зрите, во первыхъ, херувима, лице орлее имущаго. Кто же не вѣдаетъ орла высока быти птенца высокогнѣздящася, высоколетающа, въ высокихъ пребывающа? Премудрости рачительница еллинская древность самому своему высочайшему богови Іовиневи орла посвятила и орломъ всегда Іовита своего изобразовала. А и у насъ православныхъ Божество Христа Спасителя нашего орломъ изображуется: *Въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово.* Кто же то глаголетъ? Іоаннъ св., котораго знаменіе орелъ аки бы хотя высоту Божества Христова орломъ изобразить. Сіе знаменіе орла родственное есть высокой царской монарховъ нашихъ россійскихъ породѣ.... Что царь, то орелъ въ высотѣ своей неудобозрительный, родъ святъ, племя Божіе, фамилія, начатокъ свой отъ самаго Бога имущая“. Въ подтвержденіе этого м. Стефанъ указываетъ мѣсто изъ Апокалипсиса (19, 11—16) и посредствомъ толкованія выводитъ изъ него, что „царіе наши православніи орлы суть въ высотѣ родства и примѣтовъ царскихъ непостижимін, племя Божіе, родъ святъ помазанниковъ Божіихъ. Здѣ убо меня вопросите (обращается онъ къ слуш.), для чего то сія колесница Божія, сія тривѣнчная монархія, возвесена больше и больше, выше и

(¹) Хр. Чт. 1867 г. ч. I, стр. 419.

вышше. отъ славы въ славу, отъ побѣды въ побѣду? А я вамъ показуючи сего херувима, орлее лице имущаго (Петра), воспоминаю предреченная словеса пр. Іезекіиля: *егда, шествоваху животныя, шествоваху и колеси, егда возношахуся животныя, возношахуся и колеси*". Подобнымъ образомъ м. Стефанъ находитъ и прочихъ трехъ херувимовъ въ Россіи и, въ частности, въ одномъ Петрѣ. Въ словѣ на 1704 г., посвященномъ разсмотрѣнію того же видѣнія пр. Іезекіиля, онъ говоритъ о четырехъ колесахъ или четырехъ сословіяхъ государства: сановникахъ, воинахъ, духовныхъ и податныхъ лицахъ, согласно движущихъ побѣдную колесницу (1). Въ заключеніи проповѣдникъ обращаетъ вниманіе на славянскую букву, соотвѣтствующую цифрѣ 4, которою обозначался данный новый годъ, и здѣсь видитъ доброе предзнаменованіе для Россіи. „Велію утѣху усматриваю, слышателіе (говоритъ онъ) на сей годъ 4-й (1704). Вѣдаете, яко 4-й годъ изобразуетъ литера Д: возложимъ убо на Бога надежду и упованіе, яко сему году, добромъ изобразуемому, подастъ всякое доброе", и далѣе указываетъ, что Малороссія присоединилась къ Москвѣ въ 1654 году, когда и послѣдняя буква года была Д и пасхальная также Д (2).

Двойственный характеръ проповѣдей м. Стефана послужилъ причиною разногласныхъ сужденій относительно ихъ достоинства. Утверждать, что Стефанъ—завзятый схоластикъ, что въ его проповѣдяхъ нѣтъ жизни, ускользаетъ дѣйствительность (3), по нашему мнѣнію, будетъ такою же крайностью, какъ и наоборотъ, игнорируя его схоластическіе недостатки, усвоять его проповѣдямъ слишкомъ много практичности. Изъ представленныхъ образцовъ достаточно видно, что м. Стефанъ заплатилъ дань и своему схоластическому

---

(1) Проп. м. Стефана III, 185—224.

(2) Проповѣди м. Стефана III, 224.

(3) Феофанъ Прокоповичъ и его время, Чистовича, стр. 604.

образованію и шумной жизни петровскаго общества, въ которомъ онъ занималъ такое видное мѣсто. Какъ человѣкъ высокообразованный, онъ былъ сравнительно остороженъ въ выборѣ легендарныхъ украшеній рѣчи; сознавая неумѣстность въ проповѣди миѳологическихъ сказаній, онъ замѣтно воздерживался и въ этомъ отношеніи (1) и избѣгалъ крайностей Ѳомы Млодзяновскаго. Горячее сочувствіе дѣйствительности, живость ораторскихъ движеній, находчивость, остроуміе, разнообразіе въ пріемахъ—сообщаютъ его рѣчи много жизненности, а громадная начитанность и знаніе библіи придаютъ ей основательность и силу незаурядную. Окончательную реформу проповѣди въ смыслѣ ея освобожденія отъ схоластицизма и сближенія съ жизнію произвелъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. М. Стефанъ, строгій блюститель іерархическихъ правъ и церковныхъ интересовъ, не всегда сходился съ Петромъ во взглядахъ и убѣжденіяхъ. Воздавая должное похвальнымъ подвигамъ монарха, проводя въ сознаніе волновавшагося народа мысль о неприкосновенности царской власти, онъ не закрывалъ глаза и предъ дурными сторонами реформы государства, указывая на нихъ безстрашною рукою. Вслѣдствіе этого, не замедлила явиться холодность въ отношеніяхъ Петра къ митрополиту и на оборотъ. Стефанъ чаще и чаще сталъ сознавать, что его поприще въ качествѣ фактически-первенствующаго іерарха русской церкви кончалось, чаще и чаще высказывалъ желаніе удалиться въ свою епархію. Петръ сталъ искать себѣ другихъ образованныхъ сотрудниковъ изъ духовенства. „Подвизаясь одиноко на своемъ поприщѣ, говоритъ Сухомлиновъ, онъ зналъ, что очень не многіе понимали необходимость его начинаній, оскорблявшихъ убѣжденія и предразсудки большинства. Ему повиновались, но внутренно почти всѣ его осуждали; а онъ требовалъ не такого

(1) Проповѣди м. Стефана II, 11.

повиновенія; онъ желалъ, чтобы вся Россія по убѣжденію пріобщилась къ его стремленіямъ, чтобы народъ пересталъ смотрѣть на его дѣло, какъ на личную прихоть, чтобы всѣ поняли общую пользу его труда. Государь сталъ искать человѣка, который бы искренно и сознательно былъ преданъ ему, способенъ былъ бы вполнѣ понять его и говорить отъ его лица съ народомъ" (1). Такого человѣка онъ нашелъ въ Ѳ. Прокоповичѣ. — Первымъ важнымъ шагомъ къ сближенію этихъ двухъ родственныхъ натуръ послужилъ панегирикъ Ѳеофана по случаю полтавской побѣды, произнесенный въ Кіевѣ, въ присутствіи самого побѣдителя. Вызванный (въ 1715 г.) въ Петербургъ, Ѳеофанъ черезъ годъ снова привѣтствовалъ государя по его возвращеніи изъ за границы. Не смотря на сопротивленіе почти всѣхъ русскихъ, видныхъ въ то время іерарховъ, Прокоповичъ скоро былъ посвященъ во епископа и сдѣлался правою рукою Петра. Въ званіи вице-президента св. Синода онъ de facto сталъ во главѣ церковнаго управленія; какъ государственный человѣкъ, повѣренный монарха, онъ шелъ впереди всѣхъ, рядомъ съ реформаторомъ, писалъ проэкты, издавалъ указы; какъ писатель, онъ былъ средоточіемъ литературы своей эпохи. Довѣріе государя къ епископу росло со временемъ; ихъ сближеніе стало дружбою. Прокоповичъ весь отдался идеѣ преобразованія. Въ защиту нововведеній онъ разсуждалъ: „аще бы и новое дѣло, что же самая новость вредитъ? Зло и старое зло есть, добро и новое добро есть.... Разумный есть человѣкъ и народъ, который не стыдится принимать доброе отъ другихъ и чуждыхъ, безумный же и смѣха достойный, который своего и худаго отстать, чуждаго же и добраго принять не хощетъ". „Существенную особенность Ѳеофана (скажемъ опять словами г. Сухом-

(1) Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г. «О. Прокоповичъ и его время»—критич. замѣч. Сухомлинова.

линова) составляетъ то, что онъ былъ реформаторомъ по призванію, по убѣжденію и по дѣятельности своей въ русскомъ обществѣ. Реформа составляетъ душу его писаній и дѣйствій, онъ былъ искреннимъ приверженцемъ и защитникомъ новаго порядка и также искренно и настойчиво возставалъ противъ стараго". Свою задачу онъ видѣлъ въ томъ, чтобы помогать Петру, не щадя труда и усердія. „Нужно ли государю, говоритъ г. Чистовичъ, оправдать предъ народомъ и свѣтомъ свой поступокъ съ царевичемъ, отрѣшеннымъ отъ престола, и онъ поручаетъ Ѳеофану написать „правду воли монаршей". Нужно ли оправдать отмѣну патріаршества и учрежденіе, вмѣсто него, коллегіальнаго управленія, и онъ поручаетъ Ѳеофану это оправданіе съ изъясненіемъ его законности изъ каноническихъ правилъ и древнихъ церковныхъ примѣровъ. Петру не нравится лицемѣріе въ народѣ, происходящее отъ непониманія истиннаго христіанскаго благочестія, и Ѳеофанъ пишетъ, по его порученію, книгу противъ лицемѣровъ. Государя занимаютъ раскольническія дѣла, и Ѳеофанъ пишетъ одно за другимъ объявленія и увѣщанія къ раскольникамъ. Ни одной стороны его реформы, ни одного событія изъ его царствованія онъ не оставлялъ безъ того, чтобы не изъяснить съ церковной каѳедры ихъ пользы и значенія" (1). „Посвященный во всѣ виды Петра (продолжимъ словами Самарина), Прокоповичъ шелъ предъ нимъ, прочищая ему дорогу. Задолго до каждаго дѣла новаго онъ готовилъ, склонялъ къ нему общественное мнѣніе, и когда дѣло совершалось, онъ его оправдывалъ, отвѣчая на всѣ, доходившія до него, возраженія. Оправданіе преобразованія—это главная и любимая тема проповѣдей Ѳ. Прокоповича, его задача, какъ оратора. Ѳеофанъ хорошо зналъ направленіе умовъ, предразсудки и убѣжденія русскаго народа, вслушивался въ его толки и ни-

(1) Ор. Прокоповичъ и его время, 118—19.

чѣмъ не пренебрегалъ. Это давало ему возможность дѣйствовать на общественное мнѣніе и обращаться къ слушателямъ именно съ тѣмъ, чего требовали обстоятельства. Почти всѣ проповѣди Ѳеофана направлены противъ господствовавшихъ въ его время суевѣрій и предразсудковъ. Его дѣятельность во всѣхъ родахъ по-преимуществу отрицательная, преобразовательная, выразилась въ проповѣдяхъ преобладаніемъ обличенія въ различныхъ видахъ, упрека, иронiи и самой язвительной сатиры".

Выше было замѣчено, что Ѳеофану принадлежитъ честь окончательной реформы проповѣди: онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ ея освобожденію отъ схоластической отвлеченности и сблизилъ ее съ жизнью, съ нуждами слушателей, съ требованіями времени и обстоятельствъ. Борьба съ схоластикой у Ѳеофана началась еще въ кіевской коллегіи, когда онъ преподавалъ тамъ реторику. Его реформаторскія стремленія обнаружились сразу по его вступленіи на педагогическую карьеру. Онъ вооружался противъ изобрѣтенія узаконеннаго числа доказательствъ по различнымъ рубрикамъ, противъ „распространенія словъ", противъ „непріятной щепетильности" въ соблюденіи реторическихъ мелочныхъ правилъ разныхъ „польскихъ казнодѣишекъ". На томъ основаніи, что современные Ѳеофану проповѣдники, особенно увлекаясь Ѳ. Млодзяновскимъ, въ которомъ тогдашняя западная гомилетика нашла себѣ одного изъ усерднѣйшихъ послѣдователей и у котораго ея недостатки и крайности сказались очень рѣзко, Ѳеофанъ особенное вниманіе обращаетъ на него и разбираетъ его до тонкости съ свойственными ему критическою ловкостью и ядовитой насмѣшкой (1). „Когда я вижу, говоритъ Ѳеофанъ въ

(1) Трактатъ Ѳеофана «О проповѣдяхъ польскаго іезуита О. Млодзяновскаго» напечатанъ въ Тр. Кіев. Акад. 1865 г. кн. 1. Онъ заимствованъ изъ 6 гл. Реторики Ѳеофана. Кромѣ этой Реторики, проповѣд-

своей Реторикѣ, что многіе чрезвычайно одобряютъ и восхваляютъ Млодзяновскаго, а молодые студенты краснорѣчія только его и ставятъ для себя образцомъ подражанія, и такимъ образомъ удаляются отъ истинной науки на путь погибельный, то считаю долгомъ кратко изложить то, что я о немъ думаю. *Меня не смущаетъ то, что весьма многимъ не нравится мои мысли, лишь бы я говорилъ правду*". Такъ какъ главное вниманіе латино-польскихъ, а за ними и южно-русскихъ проповѣдниковъ, при составленіи проповѣди, обращалось не на серьезную сторону дѣла, не на солидность содержанія, а на мелочныя украшенія рѣчи, на изобрѣтеніе замысловатыхъ и смѣшныхъ анекдотцевъ въ видахъ сообщенія интереса слову, то и критику свою Ѳеофанъ начинаетъ съ обличенія манеры „ученыхъ хвастуновъ" говорить что нибудь удивительное, необыкновенное и неожиданное, выдумывать „курьезныя, но совершенно вялыя и смѣшныя умствованія", задаваться самыми мелочными вопросами, „задерживать слушателя нѣсколько времени безсмысленною проволочкою", важничать передъ нимъ мнимымъ глубокомыслiемъ и—въ результатѣ не сказать ничего вѣскаго, назидательнаго. На все это у Ѳеофана преведены примѣры, заимствованные изъ произведеній „достопочтеннаго отца Млодзяновскаго" и подобранные на тотъ предметъ, чтобы доказать, что этотъ авторитетъ гомилетики „весь состоитъ изъ пустяковъ". „Чтобы пересыпать солью свое сумазбродное пустословіе, говоритъ Ѳеофанъ, проповѣдники постоянно и весьма дерзко путятъ; все черное иронически называютъ бѣлымъ и бѣлое черным; шутками оскорбляютъ Бога, порочатъ Богородицу, безпокоютъ ангеловъ, извергаютъ хулу

ническая теорія Ѳеофана изложена: въ «Prolegomena» къ его догм. системѣ, въ Регламентѣ: — «О проповѣдникахъ слова Божія» и въ особомъ трактатѣ: «Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдать долженъ.

на святыхъ,.... измышляютъ безчисленное множество самыхъ вялыхъ и гадкихъ остротъ, гнилыхъ, нелѣпыхъ шутокъ,... такъ что ихъ рѣчь нужно назвать, если не безуміемъ, то какъ нибудь иначе, а не краснорѣчіемъ". На такое ораторство не слѣдовало бы обращать вниманіе, еслибы оно не было вредно для людей, мало знакомыхъ съ реторической наукой. „И къ чему ведутъ (спрашиваетъ Прокоповичъ) эти неумѣстныя шутки, побасенки, разглагольствія и другія безчисленныя выходки, не идущія ни къ предмету проповѣди, ни къ назиданію слушателей, не имѣющія ни смысла, ни значенія? Словамъ св. писанія Млодзяновскій даетъ смѣшныя, сумазбродныя и большею частію неблагочестивыя толкованія и, для подтвержденія послѣднихъ, съ натяжкою приводитъ св. отцовъ. Если въ писаніяхъ отеческихъ увидитъ что нибудь, повидимому, подходящее къ его остроумьишку, то постоянно извращаетъ, и съ такимъ насиліемъ прилаживаетъ къ своему пустословію, что человѣкъ незнакомый съ отеческими твореніями можетъ заподозрить самихъ святыхъ отцовъ въ не меньшихъ нелѣпостяхъ". Еслибы Млодзяновскій самъ получше ознакомился съ святоотеческими твореніями, онъ получилъ бы другой взглядъ на церковную проповѣдь, не украшалъ бы своего краснорѣчія дерзкими и наглыми, нечистыми и срамными шутками,—всего этого нѣтъ и слѣдовъ въ произведеніяхъ лучшихъ церковныхъ витій: Іоанна Златоустаго, Василія Великаго, Григорія Назіанзена, Іеронима и др., а если и есть „нѣчто сказанное шуточно, то далеко въ иномъ смыслѣ и весьма рѣдко". И краснорѣчіе Млодзяновскаго благосклонно „принимается безсмысленною толпою, о глупость нашего вѣка, которую никогда нельзя оплакать никакими слезами! Не столько меня печалитъ то, что такъ низко палъ одинъ человѣкъ, обольщенный пустѣйшимъ блескомъ своего умишка, сколько то, что оставилъ по себѣ много подражателей, почитателей и послѣдователей своего заблужденія.—Видятъ въ немъ какое-то искутство, а не образчикъ ве-

личайшаго невѣжества! Но скажите, есть ли что нибудь серьезное и дѣльное у этого кропателя пустословія? Есть ли въ немъ хоть тѣнь ораторской опытности? Гдѣ наука составлять приступы, изобрѣтенныя и преданныя столькими ученѣйшими наставниками древними и новѣйшими? Гдѣ здравыя доказательства? Гдѣ движенія душевныя? Гдѣ необходимѣйшія въ священныхъ рѣчахъ заключенія? Гдѣ структура мѣрной рѣчи? Гдѣ украшеніе, блескъ, остроуміе, сила, важность, плавность? Гдѣ энергія, гдѣ тяжеловѣсность мыслей, гдѣ единство частей?... Что сказать о панегирякахъ, гдѣ въ безпрерывномъ теченіи рѣчи десять разъ или болѣе повторяются одни и тѣже слова, разбавленныя смѣшными разсужденіями?... Что такое пристойная рѣчь, это не приходило ему (Млодзяновскому) на мысль, потому что и самые печальные предметы, напр. страданія Христовы, не отнимаютъ у него шутливости. Если это краснорѣчіе, то пусть покажетъ намъ добрый господинъ Младзяновскій, у какихъ авторовъ онъ научился этимъ правиламъ, какими авторитетами оно одобрено? И однако Млодзяновскій видимо вездѣ говоритъ о себѣ съ достоинствомъ, вездѣ нравится себѣ, торжествуетъ. Вы, юноши, студенты истиннаго краснорѣчія, обращается Θеофанъ къ ученикамъ, помните то, что сказано въ первыхъ двухъ главахъ этой книги (1), и наблюдайте, ораторствовалъ ли такъ кто нибудь изъ древнихъ и если ораторствовалъ, то принесъ ли какую либо пользу для человѣчества? Пользовался ли когда нибудь уваженіемъ, авторитетомъ, честью?— Это сказано мною не по ненависти человѣческой, потому что я умѣю уважать добродѣтель и во врагѣ,... но когда я вижу, что Млодзяновскій многими принимается съ восторгомъ и потому причиняетъ большой вредъ краснорѣчію и даже государству и религіи, я

(1) Lib. 1, Cap. 1 De laudibus eloquentiae; Cap. 2, De eloquentiae utilitate.

рѣшился подвергнуть преслѣдованію эту заразу въ лицѣ ея виновника". — Такъ бичевалъ Прокоповичъ латино-польскую гомилетику. Въ другомъ мѣстѣ своей Реторики (¹) онъ нападаетъ на ея поклонниковъ—южнорусскихъ витій. Высказавъ и доказавъ ссылками на святоотеческія творенія ту мысль, что проповѣдь можетъ и должна быть ораторскою рѣчью, что ея отдѣлка и красота совсѣмъ не оскорбительны для священнаго предмета, раскрытіемъ котораго она занимается, Θеофанъ, какъ и въ полемикѣ противъ Θ. Млодзяновскаго, вооружается противъ обычая южнорусскихъ церковныхъ ораторовъ переполнять свою рѣчь неумѣстными шутками и остротами, указываетъ, какъ на образецъ подражанія, на І. Христа, который „и въ обыденной жизни не смѣялся, а чаще плакалъ и провозвѣстилъ горе смѣющимся", указываетъ, потомъ, на непререкаемый авторитетъ въ христ. краснорѣчіи, на св. І. Златоустаго и напоминаетъ его сильныя обличенія неумѣстной шутливости (6 бес. на 2 гл. Мо.; 17 бес. на 5 гл. посл. къ Ефес. 15 бес. на 9 гл. къ Евр.). Если шутки и позволительны, если ихъ и употребляли сами св. отцы, то кстати, „благопристойно" и небезцѣльно, по особеннымъ требованіямъ обстоятельствъ (Григорій Назіанзенъ смѣется въ проповѣдяхъ надъ Юліаномъ; І. Златоустъ—надъ элегіями Ливанія, надъ гордостью богачей, надъ роскошью женщинъ), и шутки эти были умѣренны, никогда не выходили изъ границъ приличія, требуемаго важностью церковнаго слова. Менѣе всего могутъ служить предметомъ шутливости св. писаніе и лица святыхъ.—Чтобы дополнить новыми чертами содержаніе отрицательной части гомилетической теоріи Θ. Прокоповича, мы обратимся къ его „Дух. Регламенту", гдѣ онъ посвящаетъ сужденію о проповѣди особенную главу: „О проповѣдникахъ слова

(¹) De arte rhetorica, lib. IX: De sacra eloquentia. См. также предисловіе и гл. 1.

Божія". Тонъ рѣчи здѣсь, по мѣстамъ насмѣшливый, теряетъ свой полемическій характеръ, отличается увѣренностью, — законодательный. Поставивъ главнымъ условіемъ умѣнья проповѣдывать образованіе пастырей церкви, ихъ знакомство съ св. писаніемъ, Ѳеофанъ даетъ будущимъ проповѣдникамъ такія предостереженія, полныя практическаго значенія. О грѣхахъ въ обществѣ говорить, но не называть по имени согрѣшившаго, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ былъ уже опубликованъ отъ всей церкви. Даже когда пронесется о комъ либо недобрый слухъ, и тогда проповѣдникъ долженъ молчать о грѣхѣ, такъ какъ при воспоминаніи о немъ, хотя бы имя виновнаго и не произносилось, слушатели прямо отнесутъ обвиненіе къ нему, слѣдствіемъ чего у обличаемаго можетъ явиться желаніе не исправиться, а отмстить проповѣдику. Тяжкій грѣхъ, явно совершенный гордымъ грѣшникомъ, съ презрѣніемъ закона Божія, прилично наказывать епископу, а не пресвитеру. Строгаго наказанія заслуживаютъ тѣ изъ проповѣдниковъ, которые позволяютъ себѣ мстить своимъ обидчикамъ, пятнать ихъ репутацію, хотя бы и анонимно. Не прилично проповѣднику, особенно молодому, обличать слушателей властно и въ обличеніи выгораживать себя. Не позволительно гордиться предъ паствою успѣхомъ слова и унывать, когда оно не дало ожидаемыхъ результатовъ: дѣло проповѣдника—учить, а обращеніе сердецъ къ добру—дѣло Божіе. Самоуничижаться относительно успѣха собственаго слова также не нужно въ обществѣ: это поведетъ къ комплементамъ.—Въ соединеніи съ тѣмъ, что было приведено выше изъ соч. Ѳеофана „De arte rhetorica", наставленія Регламента представляютъ довольно подробное и точное указаніе недостатковъ, какіе видѣлъ Прокоповичъ у современныхъ ему проповѣдниковъ южнорусскаго образованія, и отъ которыхъ онъ хотѣлъ предостеречь студентовъ кіевской академіи и будущихъ пастырей—учителей на сѣверѣ Россіи.—Со стороны содержанія, очевидно, Прокоповичъ пахо-

дилъ современную ему проповѣдь совершенно недостаточною, неотвѣчающею своей прямой задачѣ—учить и назидать слушателей. Ратуя противъ шутокъ и острот, Θеофанъ указывалъ на существеннѣйшую ошибку латино-польскихъ и южно-русскихъ витій — будто этими дешовыми украшеніями можно замѣнить суть дѣла. Не надѣясь на собственную вліятельность и желая устранить всякія подозрѣнія насчетъ пристрастности своихъ сужденій, Θеофанъ ссылается на древніе, давно признанные всѣми авторитеты церковнаго и свѣтскаго краснорѣчія и у нихъ ищетъ суда надъ схоластицизмомъ —Давая положительныя правила гомилетики, Прокоповичь находитъ возможнымъ и удобнымъ употреблять въ проповѣди всѣ роды краснорѣчія (изъяснительный, совѣщательный и судебный), разграниченные и указанные классической реторикой, не исключая судебнаго (который у его предшественниковъ не имѣлъ гомилетическаго примѣненія), на томъ основаніи, что проповѣдникику ипогда приходится брать на себя обязанности судьи, карать или миловать грѣшника. Вопросъ о томъ, можетъ ли проповѣдникъ, врачь и отецъ своей паствы по призванію, подражатель І. Христа, кроткаго и милующаго—употреблять прещенія и проклятія противъ тяжкихъ грѣшниковъ, напр. еретиковъ—этотъ вопросъ Θеофанъ разрѣшалъ утвердительно, опираясь также на примѣръ Спасителя, грозно обличавшаго фарисеевъ, саддукеевъ и книжниковъ и изгонявшаго торжниковъ изъ храма. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Θеофанъ рекомендуетъ и насмѣшку. „Нужно знать, говоритъ онъ что не всѣ грѣхи можно искоренять одинаково или жаркимъ порицаніемъ, или насмѣшливою рѣчію; но для иныхъ одно, для другихъ другое лучше. На роскошь, прошу, не нападай шутками; такимъ средствомъ болѣе распалишь, нежели погасишь этотъ пламень. Такого соображенія не имѣютъ, или пренебрегаютъ имъ тѣ, кототорые много и неприлично смѣются надъ похотливыми, или блудниками. Чего они достигаютъ, это мож-

но видѣть на слушателяхъ. Замѣтно, что если кто изъ зараженныхъ этою болѣзнію присутствуетъ при проповѣди, то онъ такъ жадно слушаетъ, что, кажется, принимаетъ ее на свой счетъ и первый отъ нея бѣжитъ. Гордость, напротивъ, болѣе возрастаетъ, если поднимешь противъ нея войну, человѣкъ торжествуетъ, когда видитъ, что на борьбу съ нимъ требуются великія силы. Думается, поэтому, что противъ роскоши нужно призывать громы гнѣва Божія, суда, смерти, адскаго огня, а гордость слѣдуетъ поражать презрѣніемъ, шутками и ѣдкимъ смѣхомъ“ (1). Ниже, когда дѣло коснется практическаго употребленія Ѳеофаномъ этихъ и подобныхъ правилъ его теоріи, мы увидимъ, какъ ловко онъ пользовался, своимъ знаніемъ человѣческаго сердца, какъ удачно подмѣчалъ слабыя стороны извѣстныхъ ему лицъ, какъ язвительно смѣялся надъ невѣжественною увѣренностію и гордостью раскольниковъ, какъ умѣлъ защитить, что̀ ему нравилось и унизить то, къ чему не лежали его симпатіи.—„Совѣщательный родъ церковнаго краснорѣчія, говоритъ Прокоповичъ, содержитъ въ себѣ доказательства и убѣжденія слѣдовать добродѣтели и убѣгать пороковъ, или, что тоже, совѣщательный родъ краснорѣчія составляетъ нравственная проповѣдь“. Средства убѣжденія здѣсь могутъ быть раздѣлены на два разряда: одни изъ нихъ заиствуются изъ соображеній о благости, милосердіи, благодати Божіей другія вытекаютъ изъ мысли о правосудіи и наказаніи. Первыя увлекаютъ, вторыя побуждаютъ. Что̀ удобнѣе ставить въ проповѣди на первомъ планѣ, рѣшить трудно: не наука, а благодать Божія даетъ успѣхъ слову; но можно все-таки совѣтывать, на основаніи опыта, что побужденіе лучше ставить на первомъ мѣстѣ, а потомъ привлеченіе; грѣшникъ, въ которомъ возбуждено раскаяніе чрезъ чувство страха, не оцѣпенѣетъ, не придетъ

(1) De arte rhetorica, lib. IX, c. 3.

въ отчаяніе, когда, въ контрастъ съ картиною грознаго суда Божія, передъ нимъ раскроется неизмѣримая пучина Божественнаго милосердія. Чтобы слушатель не потерялъ чувствительности къ угрозамъ, не нужно „долго гремѣть“,—страхъ отъ привычки ослабѣваетъ. „Поэтому нужно тщательно разнообразить предметы проповѣди и брать доводы то радостные, то печальные, то полные страха и опасности, то кроткіе“ (1). Чтобы слово нравственнаго назиданія имѣло вѣсъ и не давало слушателю возможности самооправданія, чтобы слушатели „не ласкали себя нѣкоторыми извиненьицами“, проповѣдникъ долженъ войти самъ въ положеніе наставляемаго, глубокимъ анализомъ изслѣдовать его душевные изгибы и отсюда вынести пригодное орудіе борьбы противъ извѣстнаго недуга и указать способъ освобожденія отъ него. Для этого не достаточно опытности и проницательности одного лица; необходимо читать произведенія мудрыхъ людей, каковы, напр., Кассіанъ, Іоаннъ Лѣствичникъ, а также Сенека, Эпиктетъ и другіе, которые, если читаются съ умѣренностью и благоразумною осторожностью много могутъ принести пользы“ (2).—Третій родъ церковнаго краснорѣчія—изъяснительной. Къ нему относятся проповѣди на праздники господскіе, богородичные и святыхъ. Трактатъ о проповѣдяхъ этого рода полонъ подробныхъ наставленій—какъ писать слова на тотъ или другой день года, посвященный памяти того или другой событія, или святого. Главный совѣтъ проповѣднику—строго держаться избраннаго предмета, не смѣшивать его съ другими, не расплываться. Въ каждомъ святомъ прилично восхвалять ту его добродѣтель, которою онъ особенно прославился, не касаясь всѣхъ его достоинствъ; иначе онъ обезличивается въ глазахъ слушателей, его нравственный образъ не можетъ стать особнякомъ въ ихъ

---

(1) Ibid. cap. 4.

(2) Ibid. cap. 5.

головѣ, а потому и назиданіе отъ него скоро забывается. Эта мысль, очевидно, противопоставлена была укоренившемуся ко времени Ѳеофана обычаю проповѣдниковъ — хвалить, такъ ужь хвалить, порицать, такъ порицать. Въ силу такого обычая, въ словахъ на дни святыхъ, надгробныхъ и вообще въ панегирикахъ собирались всевозможныя похвалы въ честь извѣстнаго лица,—восхвалялись его происхожденіе, имя, фамилія, ростъ, даже день его рожденія, при чемъ физіономіи восхваляемыхъ оказывались до того схожими, что одна и таже проповѣдь могла быть, съ ничтожными измѣненіями, произнесена въ честь разныхъ лицъ.— О внѣшнемъ построеніи проповѣди Ѳеофанъ ничего, или почти ничего не говоритъ. Это и понятно. Главную цѣну Прокоповичъ давалъ содержанію, а не формѣ проповѣди. Расположеніе „матеріи“ у него самаго главнымъ образомъ зависѣло отъ свойства разсматриваемаго предмета, а не отъ заранѣе намѣченныхъ рубрикъ; онъ не имѣлъ, поэтому, нужды давать наставленія тамъ, гдѣ гомилетика опередила его: она изобиловала всевозможными правилами относительно темъ, приступовъ, наррацій и т. п. Прокоповичу пришлось замолвить слово даже противъ излишней ревности въ употребленіи всѣхъ этихъ гомилетическихъ правилъ на практикѣ. Вотъ что онъ говоритъ, напр. о темѣ. „Подъ темами въ священныхъ проповѣдяхъ разумѣются нѣкоторыя слова, взятыя изъ св. писанія и приставленныя къ рѣчи, какъ бы нѣкоторыя надписи, или титулы, изъ смысла которыхъ проповѣдникъ выводитъ свое предложеніе, которое потомъ и утверждается. У древнихъ отцовъ они рѣдко находятся, у новѣйшихъ же такъ строго соблюдаются, что опущеніе темы многіе считаютъ дѣломъ нерелигіознымъ“.... Сдѣлавъ предположеніе, что въ его время обязательное употребленіе темы могло развиться изъ подражанія нѣкоторымъ отцамъ, выводившимъ иногда въ своихъ проповѣдяхъ нравственные уроки изъ текстовъ св. писанія, удачно впрочемъ выбранныхъ и приноровленныхъ къ дѣлу, Ѳеофанъ продолжаетъ, что

это дѣло иногда полезное и пригодное, стало (вслѣдствіе неразумнаго къ нему отношенія) „вреднымъ какъ ораторамъ, такъ и слушателямъ: послѣднимъ потому, что они внимательно слушаютъ только тему и послѣ нея, какъ будто понявши всю проповѣдь, выходятъ изъ храма, или другое что дѣлаютъ, а первымъ потому, что что они (излишне) заботятся объ этой темѣ и надъ изобрѣтеніемъ ея утруждаютъ себя и большею частію схватываютъ слабую“ (¹). Тему Ѳеофанъ допускаетъ только для проповѣдей съ содержаніемъ изъ воскресныхъ евангелій; въ похвальныхъ словахъ совѣтуетъ ее опускать; а ужь если подчиняться „общему обычаю“, разсуждаетъ онъ, то слѣдуетъ подчиняться разумно, осмысленно,—„изобрѣтать такую тему, отъ которой бы зависѣли не частички причины, а вся причина“.—Даже въ Регламентѣ, гдѣ, кажется, нелишне было бы коснуться внѣшней стороны церковнаго слова, такъ какъ правила его преимущественно назначались для „неискусныхъ“ священниковъ, Ѳеофанъ разсуждаетъ только о содержаніи проповѣдей. Правда 6-е правило обязуетъ проповѣдника прилежно читать книги св. І. Златоустаго, *„ибо тако (онъ) пріобучится складать чистѣйшее и яснѣйшее слово*, хотя и не будетъ Златоустому равное“ и запрещаетъ читать „казнодействъ легкомысленныхъ, каковые наипаче польскіе бываютъ“, но это только не большой намекъ на внѣшнюю сторону проповѣди.

Не трудно замѣтить, что въ главныхъ своихъ чертахъ гомилетическая теорія Прокоповича составляетъ собою примѣненіе общихъ реторическихъ правилъ къ церковной проповѣди; — это положительная ея часть, а отрицательная состоитъ изъ полемики противъ южно-русской гомилетики, полемики рѣзкой по тону и выраженіямъ, авторитетной по содержанію.—Но важнѣйшая заслуга Ѳеофана—въ томъ, что свою теорію

(¹) De arte rhetorica, lib. ix, cap. 8.

онъ блистательно примѣнилъ и, такъ сказать, защитилъ на практикѣ. Собственно здѣсь-то она и развита у него до подробностей, здѣсь-то и высказались ея несомнѣнно-хорошія стороны, которыхъ не могли не признать лучшіе изъ современниковъ; они и образовали изъ себя вскорѣ особую школу проповѣдниковъ—подражателей Ѳеофана Прокоповича.

Печать глубокаго, аналитическаго ума и недюжиннаго ораторскаго таланта лежитъ на всѣхъ проповѣдяхъ Ѳеофана, говоренныхъ въ Кіевѣ и Петербургѣ, но типичнѣйшими изъ нихъ служатъ тѣ, которыя произнесены были въ новой столицѣ Россіи. Слова: о богачѣ и Лазарѣ, о любви къ Богу, о почитаніи иконъ, въ день св. апостоловъ Петра и Павла, въ день великомученицы Екатерины, о страстяхъ Христовыхъ —отличаются солидностью доказательствъ, логичностью мыслей, полнотою и обширностью взгляда на предметъ, ловкими оборотами рѣчи, пропорціональностью въ частяхъ, неотразимою силою убѣжденія въ цѣломъ: но немногія изъ нихъ могутъ похвалиться задушевностью оратора, теплотою его чувства, возбужденнаго ревностью по Богѣ (что прежде всего обращаетъ на себя вниманіе напр. у Димитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго); нельзя сказать, чтобы въ нихъ вылилась вся мощная и страстная натура проповѣдника, какою она является потомъ въ позднѣйшихъ его словахъ, сказанныхъ на защиту горячо любимаго монарха и всѣхъ его дѣйствій.—Какъ лицо духовное и какъ церковный ораторъ, Ѳеофанъ въ своихъ поученіяхъ старался смотрѣть на подвиги и преобразованія Петра съ библейско-церковной точки зрѣнія и въ этомъ духѣ говоритъ о нихъ съ народомъ, защищая и восхваляя начинанія государя, выясняя ихъ важность и пользу для Россіи; все же въ нихъ много такъ называемаго политическаго или гражданскаго элемента, составляющаго ихъ характерный признакъ. Всѣ важнѣйшія событія царствованія Петра В., отъ полтавской побѣды до кончины государя, были предметами,

воодушевлявшими сердце, умъ и воображеніе Ѳеофана; лучшая, лестная сторона эпохи сполна отразилась въ его словѣ, полномъ жизни и ораторскаго вдохновенія. Потокъ краснорѣчія на похвалу Петра у него кажется неистощимымъ; слушатель невольно долженъ былъ увлекаться этимъ потокомъ, имѣя предъ собою красивое, выразительное лицо талантливаго проповѣдника, обладавшаго рѣдкою способностью произношенія. Тако продолжаетъ радости твоея, тако славы твоея умножаетъ Богъ, о Россіе! „Прославимъ убо прославившаго насъ, благодагодаримъ обрадовавшему насъ: его дѣла есть флотъ россійскій. Его благословеніе есть толикая сила и толикіе плоды флота россійскаго. Онъ смотрѣніемъ своимъ навелъ очи монаршіе на презрѣнный ботикъ, Онъ царское сердце зажегъ къ архитектурѣ корабельной, Онъ, предопредѣляя Россіи возвращеніе и полученіе новыхъ приморскихъ странъ, предварилъ ю благословеніемъ своимъ, сильну же и дѣйственну на морѣ сотворилъ, вооруживъ флотомъ и толикими ущедривъ побѣдами Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако. Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка“! Въ словѣ по случаю полтавской побѣды (1) проповѣдникъ не опустилъ ни одного мотива для похвалы блистательной побѣды и ея виновника. Съ одной стороны онъ выставляетъ силу, богатство, храбрость и гордость врага, съ другой—неудобства, тяжелое положеніе Россіи и неожиданную измѣну Мазепы—всѣ шансы, заставлявшіе страшиться сильнаго непріятеля, уже показавшаго свое превосходство въ прежнихъ сраженіяхъ. Въ этомъ контрастѣ и заключается сила панегирика несокрушимому Петру, вѣра котораго въ лучшую будущность Россіи не ослабѣла послѣ горькихъ потерь и неудачъ и съ пророческой надеждой сформировала новую армію съ новой артиллеріей. „Господь силъ, сокрушаяй брани мышцею вы-

(1) Слова и рѣчи Ѳ. Прокоповича, I. 143—65.

сокою, поборствуетъ тебѣ, обращался ораторъ къ торжествовавшему монарху,—устрашишася отъ гласа грома твоего, бѣжатъ отъ лица твоего ненавидящіи тебя"... „Научитеся паденіемъ сего неблагодарнаго вси непослушніи господіемъ и неблагодарніи благодѣтелемъ своимъ (говорилъ онъ далѣе, имѣя въ виду измѣнника Мазепу), зрите явѣ сбывшееся прещеніе Божіе, усты премудраго Соломона изрѣченное: *неблагодарнаго упованіе яко земный иней растаетъ и изліется, яко вода неключимая.* И нынѣ намъ приличествуетъ глаголати: услышите сія вси языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ! Поимъ Господеви, славно бо прославися! Велій Господь нашъ и велія крѣпость Его.., Десница Твоя, Господи, прославися въ крѣпости, десная Твоя рука сокруши враги и множествомъ славы Твоея стерлъ вси супостаты. Господи, силою Твоею возвеселится царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло"... Вотъ гдѣ излилась вся душа Ѳеофана, восхищеннаго славнымъ торжествомъ русскаго царя. И это восхищеніе не нуждалось въ схоластическихъ блесткахъ, облекаясь въ церковные покровы, единственно приличную одежду проповѣдническихъ чувствъ. — Встрѣчая государя, вернувшагося изъ-за границы, Ѳеофанъ произнесъ другой замѣчательный панегирикъ, восхваляя на этотъ разъ просвѣтительныя распоряженія Петра и раскрывая благодѣтельныя послѣдствія для Россіи отъ ея сношеній съ иностранцами. Петръ былъ центромъ русской жизни, въ которой заструился, благодаря ему, новый духъ. „Кто наипервѣе потщался необоримыми регулярными крѣпостями оградить царство россійское? Петръ I. Кто изобрѣте только крѣпкое и угодное расположеніе мѣста къ населенію сего царственнаго града? Петръ 1. Кто его украсилъ многосозидаемыми архитектурными многокрасными зданіями? Петръ I. Пристанище ли въ немъ флота воинскаго и купеческаго, пристанище врагомъ страшное другу пріятное, иностраннымъ желанное, своимъ отечественнымъ вожделѣнное, кто устрои? Петръ 1. Фло-

та ли россійскаго дивнаго устроенія кто изобрѣтатель? Петръ I. Кто многоприбыльное сокровищамъ царственнымъ на земли и на морѣ водитъ купечество? Петръ I. Различныя хитрости, инженерство, корабельное дѣло, архитектуру и иныя мастерства кто насади въ земли россійской? Петръ I. Уставы и законы правосудія кто чинѣ содѣла? Петръ I. Правду исполнити всяку, неправду же искоренити кто тщится? Петръ I... Таковъ есть трудъ, толикъ подвигъ, толико есть тщаніе самодержца твоего, Россіе. Самъ тщится во всемъ всегда о твоей пользѣ. Тщится глава царства, да всѣ прочіи члены въ цѣлости своей поживутъ безбѣдно; тщится храбрый вождь, да воинство его въ побѣдахъ не изнеможетъ; тщится воинъ, да отечество сохранитъ отъ враговъ ненавѣтовано и неразрушимо; тщится правильный и законный обладатель и наслѣдникъ, да наслѣдное достояніе его не точію по восхищеніи отъ непріятеля да возвратится, но притомъ паипаче расширится, умножится и распространится; тщится единою породивый Россію въ храбрость оружія, силы и славы, и еще отродити въ свѣтъ премудрѣйшихъ ученій и уже породилъ есть“ (1). Подобное же слово было произнесено и послѣ другаго путешествія Петра за границу. То и другое научало здраво смотрѣть на эти поѣздки „за море“ и разрушало опасныя предубѣжденія противъ нихъ. Между многими обвиненіями, какія взводились на государя со стороны раскольниковъ, немаловажно было то, что онъ дружилъ съ нѣмцами, потерялъ любовь къ святой Руси, гналъ православіе, вводилъ еретическія новизны и вообще непохожъ былъ на царя благочестиваго. Здѣсь коренилось сомнѣніе народа, поддерживаемое расколомъ,—законный ли наслѣдникъ престола Петръ? Зачѣмъ онъ назвался императоромъ? Не антихристъ ли онъ? Послѣдній вопросъ былъ заключительнымъ въ ряду безпокой-

(1) Тамъ же, I, 180—81.

ныхъ размышленій о нѣмцѣ — императорѣ; время отъ времени онъ (вопросъ) больше и больше приближался къ положительному рѣшенію,—что Петръ дѣйствительно антихристъ и признаки на то есть. Признаки находили различные Талицкіе.—Похитили сердце его (Петрово) чужія страны,—говорилъ Прокоповичъ въ объясненіе дружбы Петра съ иностранцами,—тамъ ему не побывати возмнилося равнѣ, аки бы и отнюдь не быть въ мірѣ семъ: не видѣти и не научитися дѣйствъ математическихъ, искуствъ физическихъ, правилъ политическихъ, и извѣстнѣйшія къ тому гражданскія, воинскія и корабельныя архитектуры: тѣхъ и прочихъ ученій не переняти и аки драгайшихъ товаровъ не вывести въ Россію, равнѣ, аки бы и не жити судилося ему. Жалостно было отлучитися отечества и дому, матери своей благоутробнѣйшей и любезнѣйшей. Отлучился! Тяжело было подняти на тѣло юношеское неспокойство и безгодія, еще же бѣдствія дорожнія. Поднялъ! Трудно было пребыти препятія, ово тайная и лестная, ово же явная. Пребылъ! Такъ охотно избѣгъ отечества ради отечества, какъ бы другой уходилъ изъ плѣна и неволи: такъ къ трудамъ спѣшилъ, какъ бы кто къ царствованію.... И мало ли тщаніемъ своимъ сдѣлалъ? Что ни видимъ цвѣтущее, а прежде сего намъ и невѣдомое, не все ли то его заводы? Если на самое малѣйшее нѣчто, честное же и нужное посмотримъ, на чиннѣйшее, глаголю, дѣяніе, и въ дружествѣ обхожденіе... и прочія благопріятныя обычаи, не исповѣмы ли, что и сего Петръ насъ научилъ? И чимъ мы прежде хвалилися, того нынѣ стыдимся. Что же рещи о ариѳметикѣ, геометріи и прочихъ математическихъ искуствахъ, которымъ нынѣ дѣти россійстіи съ охотою учатся съ радостію навыкаютъ, и полученная показуютъ съ похвалою: тая прежде были ли? Не вѣдаю, во всемъ государствѣ былъ ли хотя одинъ цыркликъ, а прочаго орудія и именъ не слыхано: а если бы гдѣ нѣкое явилося ариѳметическое или геометрическое дѣйствіе,

то тогда волшебствомъ нарицано. Что о архитектурѣ речемъ? Какое было и каковое нынѣ видимъ строеніе? Было таковое, которое насилу крайней нуждѣ служило, насилу отъ воздушной противности, отъ дождя, вѣтра и мраза охраняти могло: а нынѣшнее, сверхъ всякаго изряднѣйшаго угодія, красотою и велелѣпіемъ свѣтлѣется. Что еще и о воинской и о корабельной архитектурѣ? Того у насъ прежде и живописцы правильно изобразити не могли. Но тако по едину дѣла Петрова исчисляя никогда конца не дойдемъ: лучше все двѣма силами оглавити, которыхъ себѣ отъ государей своихъ всякій народъ требуетъ. Сія же суть— народная польза и безпечаліе". И далѣе проповѣдникъ указываетъ, что̀ именно сдѣлано государемъ для безопасности и безпечалія Россіи (¹).—14 февраля 1721 г. Прокоповичъ является на каѳедрѣ съ словомъ по поводу открытія св. Синода. Выходя изъ текста: *избрахъ васъ и положихъ, да вы идете и плодъ принесете и плодъ вашъ пребудетъ,* проповѣдникъ уясняетъ новоучрежденному правительству его обязанность распространять христіанское просвѣщеніе, искоренять вредныя предубѣжденія и суевѣрія въ народѣ. Дѣла св. Синоду въ этомъ отношеніи предстояло много. Народъ не ощущалъ даже потребности образованія и недовѣрчиво смотрѣлъ на самую проповѣдь; духовенство или благодушествовало безпечно, или невѣжественно богословствовало, прибавляя къ ереси новую ересь. Какой пользы нужно было ждать отъ Синода? Этотъ вопросъ естественно возникалъ въ умѣ всякаго кто интересовался хотя немного общественными дѣлами. Но онъ кажется Прокоповичу страннымъ. Кто спрашиваетъ такъ, тотъ, по его мнѣнію, „не видитъ, или видѣти не хощетъ, каковую нищету и бѣдство страждетъ христіанскій народъ, когда нѣтъ духовнаго ученія и правленія. Но, о окаянныхъ временъ нашихъ! (раздра-

---

(¹) Тамъ же, II, 185 и дал.

жительно восклицаетъ проповѣдникъ). Суть, и мнози суть, которые всепагубнымъ безпечаліемъ—ученія, проповѣди, наставленія христіанская, то есть единый свѣтъ стезямъ нашимъ, отвергать не стыдятся; къ чему де намъ учители, къ чему проповѣдники; христіане есмы и православніи; шелъ бы другой къ жидамъ и мухамеданомъ и прочіимъ невѣрнымъ и тамъ бы проповѣдалъ; у насъ слава Богу: все хорошо, не требуютъ здравіи врача, но болящіи. Но такъ себе и прочихъ льстятъ сіи окаянницы, яко же иногда во Іерусалимѣ народъ и священство крайнимъ безуміемъ и безсовѣстіемъ ослѣплены и гнѣва Божія находящаго и проповѣди пр. Іереміи невѣдящіи, льстили себе сладкимъ льщеніемъ". А между тѣмъ подобные сомохвалы „христіанскаго праваго ученія" не знаютъ; „слѣпые слѣпыхъ водятъ и невѣжды богословствуютъ и догматы смѣха достойные пишутъ, ученія бѣсовская предаютъ, и во преданіи бабіимъ баснямъ скоро вѣруется" (1).—Поставляя Петра въ центрѣ русской жизни, величая его, какъ воина-побѣдителя, мудраго и неутомимо-трудолюбиваго царя, постоянно работающаго на благо Россіи, Θеофанъ въ одной изъ проповѣдей спеціально защищалъ царскую честь и власть отъ нареканій со стороны людей, недовольныхъ реформой. Въ энергической, настойчивой дѣятельности Петра видѣли деспотизмъ неограниченнаго монарха, злоупотреблявшаго своимъ положеніемъ. Продолжительныя войны, сооруженіе флота, содержаніе арміи, постройка Петербурга—все это сильно обременяло народъ и вызывало въ немъ недовольство, ропотъ, уклоненіе отъ работъ и податей. По поводу этихъ обвиненій Прокоповичъ неоднократно выходилъ на каѳедру, какъ защитникъ государя. Малѣйшимъ случаемъ онъ пользовался для того, чтобы освѣтить высокую личность реформатора и оградить ее отъ непріязненныхъ толковъ.

(1) Тамъ же II, 63—70.

Въ словѣ на день рожденія царевича Петра Ѳеофанъ развивалъ мысль о превосходствѣ монархіи предъ другими формами правленія, о счастьи Россіи, которая управляется единодержавно такимъ великимъ и славнымъ царемъ. Тѣ же мысли проводятся и въ другихъ проповѣдяхъ Прокоповича (¹).

Можетъ быть, что въ панегирическихъ словахъ Ѳеофана есть преувеличенныя похвалы Петру, но они весьма просто объясняются увлеченіемъ проповѣдника, которое въ своемъ основаніи имѣло глубокое, искреннее сочувствіе къ дѣламъ геніальнаго монарха. Не лесть, не поддѣлка подъ чужой тонъ и вкусъ слышатся въ краснорѣчіи панегириста, а убѣжденіе въ правотѣ защищаемаго и прославляемаго дѣла. Какъ человѣкъ просвѣщенный, Прокоповичъ хорошо видѣлъ пользу преобразованій для Россіи въ будущемъ, а потому и содѣйствовалъ усердно ихъ успѣху, не желая видѣть въ настоящемъ темныя стороны реформы. Его умныя, воодушевленныя, убѣдительныя проповѣди были лучшей апологіей предпріятій государя. Послѣдній хорошо понималъ это; онъ дорого цѣнилъ Ѳеофана и спѣшилъ печатать его даже мелкія произведенія; онъ ревниво оберегалъ своего талантливаго помощника отъ сторонней непріязни и служилъ ему постоянной защитой.—Какъ трогательна была прощальная картина при разставаніи навсегда этихъ геніальныхъ друзей—царя и подданнаго! Какъ больно отозвалась въ сердцѣ Ѳеофана всероссійская потеря, когда онъ провожалъ въ могилу отца осиротѣвшаго государства и своего незамѣнимаго покровителя! „Что се есть?“ спрашиваетъ недоумѣнно убитый горемъ ораторъ,— „До чего мы дожили, о Россіяне! Что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ! Не мечтаніе ли сіе? Не сонное ли видѣніе?... Ахъ, какая истинная

(¹) Тамъ же, I, 255; II, 159—4; I, 180 и дал.

печаль, какое извѣстное наше злоключеніе! Виновникъ безчисленныхъ благодѣяній и нашихъ радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ такую силу и славу, или паче родившій и воспитавшій, прямый сый отечества нашего отецъ, которому, по его достоинству, добріи россійстіи сынове безсмертну быти желали, по лѣтамъ же и составу крѣпости многолѣтно еще жити имущаго вси надѣялися: противно желанію и чаянію скончалъ жизнь!.... Довольно видимъ, коль прогнѣвали Тебе, о Боже нашъ, и коль раздражили долготерпѣніе Твое! О, недостойныхъ и бѣдныхъ насъ, о грѣховъ нашихъ безмѣріе!“.... „Что видимъ? Что дѣлаемъ?“ Какія слезы дрожатъ въ этихъ словахъ, сколько чувствъ зажигаютъ они въ русскомъ сердцѣ, сколько мыслей вызываютъ въ русскомъ умѣ!

Обличительныя слова Θеофана, составляющія, такъ сказать, отрицательную сторону его проповѣдничества, носятъ на себѣ сатирическій характеръ. Въ нихъ онъ нападалъ на заблужденія раскольниковъ, на недостатки духовенства и спѣсивой знати. Въ словѣ на 1 генваря 1725 г. онъ говоритъ: „Новый годъ отъ сего дне начинаемъ: слава Богу!—Но не слава Богу у братіи нашей раскольниковъ. Ибо ихъ учители, желая славитися видомъ всякія премудрости, недовольно себѣ имѣютъ показати искуство свое въ богословіи, чудные поистинѣ составляя догматы и священнымъ писаніемъ называя невѣдомыхъ авторовъ; еще къ тому служитъ у нихъ и фисика—о зачатіи, напримѣръ, младенца во чревѣ матери, и грамматика—о парѣчіи *вьюмъ*, а не *вьюовъ*, и о имени Іисусовѣ, и географія—о земномъ раи, о Римамъ и Вавилонахъ, и ариѳметика—о аллилуи, и архитектура — о дѣланіи крестовъ, и еще не знаю какая хитрость — о сложеніи перстовъ, буде то не хиромантія, и музыка—о церковномъ пѣніи, и мануфактура—о камилавкахъ и клобукахъ: такъ много знаютъ оніи господа. Что же? Чудо было бы, если бы они оставили хронологію. Не оставили, ибо переносное съ сентемврія на генварь поволѣтіе ставятъ

въ великую ересь и погубленіемъ лѣтъ Божіихъ нарицаютъ. Се видимъ, и хронологи они суть изрядные!" (1) Слѣдуютъ доказательства, почему новый годъ удобнѣе начинать съ генваря. — „И смѣшно и жалко видѣти, говоритъ въ другой проповѣди Ѳеофанъ, когда человѣкъ, неромъ только пачкати и нѣчто по книгамъ слѣпати навыкшій, въ богословскія дѣла вступивъ, учнетъ врякати и сказывати о Богѣ, о ангелахъ, о бѣсахъ, и что любо, и что нелюбо, и что хранити надобно къ счастію, что къ сбереженію отъ чаровъ, и кія дни къ таковому, и кія къ другому дѣлу угодныя, и которыя молитвы и псалмы сильнѣйшія, и прочія безмѣстныя басни: да о всемъ томъ такъ смѣло и дерзновенно пустословитъ, будто онъ восхищенъ былъ до третіяго неба и тамо всему тому научился. Часто вспоминаетъ св. писаніе, а думаетъ о тетрадкахъ Аввакумовыхъ или другихъ подобныхъ; часто на св. отцовъ шлется, хотя доселѣ и вѣдомости не получилъ, кто и гдѣ они; многажды въ разговорахъ бредивъ, довольно воскликаетъ: глубина богословія! великое дѣло богословія! А онъ такъ знаетъ ту богословію, какъ калмыки архитектуру". — Плохо скрытое раздраженіе сквозитъ во всѣхъ обличительныхъ строкахъ Ѳеофана, а обличалъ онъ многое. Во всемъ настоящемъ онъ видѣлъ какъ будто анахронизмъ, нетерпѣливо стремился впередъ, въ будущее и, объ руку съ Петромъ, всѣми силами боролся съ назойливой старины. Раскольники, какъ заклятые враги новшествъ, очень сильно искупали терпѣніе Прокоповича, ихъ упорство было для него невыносимо, и вотъ безпощадной сатирой онъ караетъ ихъ невѣжество. Нерѣдко встрѣчаются въ проповѣдяхъ Ѳеофана рѣзкія нападки на народъ и духовенство за ихъ ропотъ на распоряженія государя. Не принимая во вниманіе тяжелаго ига, которое несло податное сословіе, несло безъ надежды на пользу, на производительность своего труда,—Прокоповичъ возмущался съ своей точки зрѣнія: ропотъ направлялся противъ его любимца, при-

(1) II, 114—15.

надлежалъ слѣпой толпѣ,—и этого было слишкомъ достаточно для того, чтобы хладнокровіе Ѳеофана и безпристрастіе его въ оцѣнкѣ дѣйствій двухъ противоположныхъ сторонъ потеряло надлежащую силу. „Увы окаянства! Увы злоключеніе временъ нашихъ!—восклицаетъ онъ въ гнѣвѣ—до того дошло, что уже и самые бездѣльные въ дѣло, да въ дѣло и мерзкое и дерзкое! Уже и дрождіе народа, души дешевые, люди ни къ чему ипому, точію къ пожданію чужихъ трудовъ родившіися, и тѣ на государя своего, и тѣ на Христа Господа! Да вамъ, когда хлѣбъ ясте, подобало бы удивлятися и глаголати: откуду ми сіе? Возобновилася намъ воистинну исторія о Давидѣ, на него же и слѣпіи и хроміи бунтъ подняли“ (¹). Раздражался Ѳеофанъ и мрачнымъ пессимизмомъ толпы, ея безотраднымъ взглядомъ на міръ и—зло смѣялся надъ „безсмысленными меланхоликами“. „Суть нѣціи, говоритъ онъ (и далъ бы Богъ, дабы немногіе), или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхоліею помрачаеми, которые таковаго нѣкоего имѣютъ въ мысли своей урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно и правильно и небогопротивно, наприм., лучше любятъ день ненастный, нежели ведро, лучше радуются вѣдомостьми скорбными, нежели добрыми, самого счастія не любятъ и не вѣмъ, какъ-то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: хотѣли бы быть всѣмъ злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ такомъ состояніи любили бы ихъ. Таковыхъ еллини древніе нарицали мисанропы, си есть человѣконенавидцы... Сіи паипаче власти безчестити трепещутъ и всякую власть мірскую неточію не за дѣло Божіе имѣютъ, но и въ мерзость вмѣняютъ“ (²).—

(¹) I, 262—3.

(²) Песенпизмомъ мучились преимущественно раскольники же. Питиримъ нижегородскій въ «доношеніи» о нихъ писалъ, между прочимъ, государю: «а всѣ они, гдѣ ни обрѣтаются, благополучію государственному не радуются, но паче несчастію радуются». Чт. въ общ. истор. и древн. рос. 1860 г. IV, 281—Смѣсь.

Ропотъ духовенства сводился главнымъ образомъ къ той мысли, что императоръ допускалъ незаконное вмѣшательство свѣтской власти въ церковную область, ей неподвѣдомственную. Приводились и каноническія доказательства въ пользу этой мысли. Прокоповичъ, когда въ дѣлѣ царевича Алексѣя оказались участники даже изъ высшаго духовенства, является съ обличеніемъ противъ своихъ собратовъ, не щадя въ прозрачныхъ намекахъ и крупныхъ сановниковъ іерархіи. Предъ верховною властію царя должны преклоняться всѣ подданные,—это его основная мысль, и онъ осуждалъ въ духовенствѣ католическое воззрѣніе на отношеніе церкви къ государству. „Суть нынѣшніе, говорилъ онъ, были и древніе настоящему ученію (о повиновеніи царской власти) противницы, которые не невѣжды себе мнятся быти, но богословствуютъ отъ писанія, да такъ, какъ то летаютъ пруги, животное окрылотѣлое, но что чревище великое, а крылца малыя и не по мѣрѣ тѣла: вздоймется полетать, да тотчасъ на землю подастъ. Тако и они, суще книгочіи, аки бы крылатыя покушаются богословствовати, аки бы летати, да за грубостію мозга буесловцами являются, не разумѣюще писанія, ни силы Божіей". Указавъ на примѣры покорности даже языческой власти въ первые вѣка христіанства, упомянувъ и тогдашнія возраженія противъ нея, Ѳеофанъ продолжалъ: „Се о древнихъ продерзателяхъ, суть же и въ нынѣшнія времена онымъ послѣдующе, яко же папа себе и клиръ свой отъ власти державныхъ изымающій, но и мечтающій данною себѣ властію даровати и отымати скипетры царскіе. Помыслитъ убо кто, и многіе помыслятъ, что не вси весьма людіе симъ долженствомъ (повиновеніемъ царю) обязаны суть, но нѣкіи выключаются, именно же священство и монашество. Се серпъ, или паче ренци жало, но жало се змѣино есть, папежскій се духъ, но не вѣмъ, какъ то досягающій и касающійся насъ: священство бо иное дѣло, иный чинъ есть въ народѣ, но не иное государство".

Содѣйствуя Петру В. въ преслѣдованіи святошъ, ханжей и всякаго рода лицемѣровъ, Ѳеофанъ и на нихъ вооружался жестокимъ словомъ обличенія. Слово въ день великомуч. Екатерины можетъ быть упомянуто здѣсь какъ памятникъ именно этого вида проповѣднической дѣятельности Ѳ. Прокоповича. „Лицемѣріе, разсуждаетъ онъ, есть сугубое: тонкое и дебелое. Тонкое нарицаю лицемѣріе, когда самихъ себе прельщаемъ, мнящеся быти боголюбцы, а отъ любве Божіей далече отстоящe.... напримѣръ, постится нѣкто тѣлесно, а не духомъ, молитвы творитъ многословіемъ, а не духомъ и умомъ, велерѣчитъ о нестяжаніи, а самъ крадетъ, славитъ милостыню, а самъ ограбляетъ и симъ подобная; аще же къ тому сотворитъ нѣчто вшѣшнее, подастъ въ храмъ Божій приношеніе или убогому цату тысячную сотой части отъ излишества своего, уже безстрашенъ и безпечаленъ ходитъ аки бы не должникъ, но заимодавецъ Божій.... Но се есть лицемѣріе тонкое, обаче Богу мерзкое; то кольми паче другое, оное дебелое. Се же есть, егда не сами мнимою намъ святынею прельщаемся, но нарочно претворяемъ ухищренной святости видъ въ прельщеніе людей, се же ради легкаго прибытка и пріобрѣтенія суетной славы. То творимъ, егда предъ людьми воздержницы быти показуемся... Плачь явити тщимся, умильно осклабляемся.... Смежаемъ очи.... И куда взошло лукавство оное? Сонія видѣнія видятъ, святіи сіи идоли, дабы прельстити къ себѣ сердца незлобныхъ и снискати честь и имѣніе. И какъ то смѣшно, а имъ благополучно дѣется: тое пріобрѣтаютъ ложнымъ сномъ, чего другіе не могутъ истиннымъ трудомъ" (1). Указывая вообще каждому члену государства свое мѣсто и свое дѣло, Прокоповичъ, въ словѣ на день св. Александра невскаго, выбралъ текстъ: *кійждо въ званіи, въ немъ же призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ.* Сказавъ сперва, что

(1) Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича, I, 217.

обыкновенно досадно бываетъ поведеніе нашихъ слугъ, если они начинаютъ усердствовать предъ нами совершенно не въ томъ, что мы имъ приказываемъ: вмѣсто питья, напр. подаютъ намъ шапку, вмѣсто того, чтобы ѣхать на село, кланяются намъ, хвалятъ „многими и долгими словами“, вмѣсто того, чтобы коня сѣдлать, станутъ на жерновахъ молоть и т. п., Ѳеофанъ продолжаетъ: „Помысли же отъ сего и о Возѣ. Вѣмы, яко все наше поведеніе Его премудрымъ смотрѣніемъ опредѣляется: кому служить, кому господствовать, кокому воевать, кому священствовать и прочая. Егда убо на каковый чинъ или степень восходишь, или въ рабской гноищи обрѣтаешися, Божіе то опредѣленіе есть, и Богъ сіе или иное дѣло тебѣ вручаетъ. Что же, егда не повинуешися воли Его и ино что дѣлати начнешь.... то ли путь богоугодный? Развѣ помыслимъ, яко человѣкъ точію гнѣвается, когда слуга его не по его воли дѣлаетъ, а Богъ любитъ, аще противу его воли творятъ? Омраченіе бы то было, а не разумъ, иже бы такъ мыслилъ“. Отсюда ясно, какъ неправы тѣ, которые, думая угодить Богу, оставляютъ свое дѣло и берутся за другое, недолжное; напр., судія, когда его ждутъ обиженные, идетъ въ церковь пѣть, не соображая, что просители могутъ много потерпѣть отъ его несвоевременнаго усердія къ храму Божію; „тоже и о прочихъ, малыхъ и великихъ и малѣйшихъ чинахъ годствуетъ. Аще же всякій чинъ отъ Бога есть, то самое намъ нуждѣйшее и Богу пріятное дѣло, его же чинъ требуетъ: мой мнѣ, твой тебѣ, и тако о прочихъ. Царь ли еси? Царствуй убо, наблюдая, да въ народѣ будетъ безпечаліе, а во властехъ правосудіе, и како отъ непріятелей цѣло сохранити отечество. Сенаторъ ли еси? весь въ томъ пребывай, како полезные совѣты и судъ неиздопріимный, не на лица зрящій, прямый же и правильный произносити. Воинъ ли еси? Не обязуйся куплями, не обиди своихъ, во всѣхъ воинскихъ уставахъ обучайся. Пастырь ли духовный еси? смотри, чего требуетъ отъ тебя пастырей начальникъ Христосъ. Испраздняй суевѣріе, от-

мѣтай бабія басни, корми словомъ Божіимъ овцы врученныя и оберегай отъ волковъ, кожами овчими одѣянныхъ.... И просто рѣщи, всякъ разсуждай, чесого званіе твое требуетъ отъ тебе и дѣломъ исполняй требованіе его. И то дѣло—спасенное, то дѣло — богоугодное и всякому по чину званія своего первѣйшее, главнѣйшее и нужднѣйшее".

Вообще о проповѣдяхъ Ѳ. Прокоповича нужно сказать слѣдующее. Въ нихъ есть недостатки: по содержанію они слишкомъ свѣтски и напоминаютъ собою литературную публицистику; встрѣчаются въ нихъ иногда изреченія языческихъ философовъ и поэтовъ (Анаксагора, Платона, Демосѳена, Цицерона, Сенеки, Виргилія...), попадаются изрѣдка и миѳологическія басни (о мукахъ Тантала, о Геркулесѣ), курьезные разсказы (о двухъ ворахъ, грабившихъ церковь и укорявшихъ другъ друга въ неблагопристойномъ обращеніи со святыней); проповѣдникъ погрѣшалъ иногда и противъ собственныхъ „регулъ", напримѣръ позволялъ себѣ ясные намеки на личности; по языку—поученія Ѳеофана не свободны отъ иностранныхъ словъ (латинскихъ и греческихъ), немало въ нихъ ново-изобрѣтенныхъ русскихъ, совсѣмъ негармоничныхъ, словъ; по тону они подчасъ слишкомъ рѣзки и раздражительны. Но все это съ избыткомъ искупается ихъ блестящими достоинствами, особенно, когда принимаешь во вниманіе условія, при которыхъ воспитался и жилъ Ѳеофанъ. Схоластическую школу онъ все-таки прошелъ, хотя и отрицательно относился къ ея направленію; она оставила на его образованіи слѣды, хотя и не глубокіе сравнительно. Преобладаніе гражданскаго элемента въ краснорѣчіи зависѣло отъ того положенія, какое занималъ онъ мѣжду царемъ и народомъ. Онъ былъ ихъ примирителемъ по всѣмъ государственнымъ вопросамъ и, естественно, долженъ былъ вникать въ сущность послѣднихъ и объяснять ихъ разностороннѣ а нетолько съ церковно-религіозной точки зрѣнія. Другое дѣло, если бы ему помогала въ

выполненіи его задачи свѣтская литература; но она только нарождалась при немъ и не успѣла еще занять подобающаго положенія. Слово церковнаго оратора, такимъ образомъ, по необходимости, выполняя свое спеціальное назначеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ принимало на себя постороннюю, такъ сказать, газетную задачу, замѣняло собою публицистику. Горячая, легко возмущавшаяся натура Ѳеофана, страстно преданная реформѣ, была причиною его раздражительности, когда онъ ратовалъ въ пользу своего монарха. Отсюда рѣзко-обличительный топъ въ его проповѣди. Заслуга Ѳеофана въ томъ, что онъ, по выраженію г. Терновскаго, сказалъ послѣднее „прости“ преданіямъ южнорусской гомилетики и вывелъ проповѣдь на новую дорогу, заставивъ и звучать подъ ладъ съ общимъ тономъ петровской реформы. Мы видѣли, какъ слово Прокоповича примѣнялось къ жизни какъ оно спѣшило отзываться на злобу дня. Избѣгая обычныхъ у современныхъ ему проповѣдниковъ натяжекъ въ раскрытіи главной мысли, всего замысловатаго, неожиданнаго, не щеголяя безъ нужды ученостью и риторическими фигурами и аллегоріями разнаго рода, отбросивъ драматизмъ, доводившій нерѣдко его собратовъ до неприличія въ выраженіяхъ, вообще все, что казалось на его тонкій критическій взглядъ неумѣстнымъ въ церковномъ словѣ, Ѳеофанъ близко держался избраннаго текста (догматическаго, нравственнаго, или историческаго — все равно), при чемъ рѣдко пускался въ раскрытіе его таинственнаго смысла, не употреблялъ странныхъ сравненій, искалъ доказательствъ и поясненій въ параллельныхъ мѣстахъ и въ контекстѣ, опровергалъ возраженія не самонамышленныя, а дѣйствительно-существующія. Руководясь собственными правилами, онъ не давалъ воли чувству, сдерживалъ по возможности его порывы и никогда не фальшилъ, не рисовался поддѣльнымъ вдохновеніемъ. Но ужь когда сильно вдохновлялся, онъ могуче увлекалъ за собою и слушателей, искусно показывая имъ пластическія

картины горя, радости, награды, наказанія, пользы, вреда — свѣтлыя и мрачныя. Особенно талантливымъ Ѳеофанъ является въ своихъ похвальныхъ проповѣдяхъ. Даже чисто-научныя, глубоко-политическія, нерѣдко очень отвлеченныя мысли облекаются здѣсь въ живую, конкретную форму и дѣлаются доступными для большинства. Слова привѣтственныя по возвращеніи Петра изъ-за границы, слово „о власти и чести царской", слово на смерть любимаго монарха и въ день поминовенія его кончины — по справедливости ставятъ Ѳеофана въ рядъ лучшихъ церковныхъ ораторовъ. Со внѣшней стороны рѣчь его большею частію періодична, что̀ зависѣло не отъ многословія, не отъ пересыпанія изъ пустаго въ порожнее, а отъ содержательности ея, отъ необходимости вставлять вводныя предложенія, поясненія, дополненія. Сообразно съ впечатлѣніемъ, на которое расчитана была проповѣдь, и свойствомъ предлагаемыхъ истинъ, топъ рѣчи Ѳеофана мѣняется, разнообразится: то слышится въ немъ отеческая заботливость о нуждахъ слушателей, жаждущихъ просвѣщенія, то онъ полонъ торжественности свидѣтельствующей о глубокомъ вдохновеніи пастыря по случаю какого либо великаго благодѣянія посланнаго Богомъ Россіи, то переходитъ въ элегическій, когда чувство проповѣдника возбуждено событіемъ печальнымъ; въ обличеніи онъ звучитъ сатирой, или страшной угрозой. Мастерски нарисованная картина, до пластичности выразительный языкъ довершаютъ побѣду слова, — какъ, напр., въ слѣдующемъ изображеніи вѣчности мученій. „Потекутъ вѣка, аки часы, гдѣ и единый часъ покажется цѣлымъ вѣкомъ, и надъ узилищемъ адскимъ будетъ слышаться гласъ правосуднаго Бога: „еще гнѣваюся". Прейдутъ милліоны милліоновъ вѣковъ, а злополучнымъ узникамъ будетъ гремѣти въ ушесахъ: „еще гнѣваюся". Погрѣшатъ въ исчисленіи вѣковъ и быстрѣйшіе ангельскіе умы, выйдетъ изъ памяти осужденныхъ, было ли когда начало симъ мукамъ, а инаго ничего отъ

праведнаго Бога не услышатъ, точію: „еще гнѣваюся, еще гнѣваюся“ (1). — Въ объясненіе неправильной конструкціи Ѳеофановой рѣчи, похожей на латинскую, нужно вспомнить, что Прокоповичъ былъ знатокъ латинскаго языка. Обычай употреблять иностранныя слова, большею частію латинскія же, мы не отнесемъ къ числу недостатковъ Ѳеофана, если примемъ во вниманіе, что петровская эпоха была временемъ обогащенія русскаго языка, временемъ наплыва, и усвоенія новыхъ идей, новыхъ понятій, требовавшихъ для себя словесной оболочки. Легче и удобнѣе всего въ этихъ случаяхъ заимствоваться готовыми формами. Многія изъ словъ, встрѣчающихся въ проповѣдяхъ Прокоповича, удержались и до сихъ поръ въ русскомъ лексиконѣ (навигація, акція, генеральный, фабула, конфедерація, архитектура), а другія не употребляются (диссимуляція, прогностикъ, фундаторъ, квалитеты, перегринація, потентаты...), равно какъ и чисто русскія составныя слова, въ изобрѣтеніи которыхъ Ѳеофану, кажется, не было нужды (образорѣчіе, краснопретворенный и т. п.)

Митрополитъ Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ не были единственными дѣятелями своего времени въ области церковнаго краснорѣчія. Мы остановились на нихъ такъ долго потому, что они служатъ лучшими представителями двухъ различныхъ, теперь выяснившихся для насъ, направленій проповѣди въ петровскую эпоху. Стефанъ имѣлъ на своей сторонѣ товарищей по воспитанію, которые, подобно ему, не могли освободить своего слова отъ недостатковъ схоластическаго реторизма и витійствовали во вкусѣ послѣдняго. Ѳеофанъ основалъ новую школу проповѣдниковъ и пріобрѣлъ себѣ подражателей потому, что достоинства его направленія были слишкомъ очевидны и не могли остаться незамѣченными. Къ направленію

(1) Слово въ нед. Богатаго

м. Стефана примыкалъ въ петровскую эпоху Θеофилактъ Лопатинскій; подражателями Θ. Прокоповича были; Гавріилъ Бужинскій, Симонъ Кахановскій и Θеофилъ Кроликъ (¹). Всѣ они, впрочемъ, значительно уступали въ дарѣ краснорѣчія Яворскому и Прокоповичу и не были такъ плодовиты въ словѣ, какъ послѣдніе. По крайней мѣрѣ въ печати ихъ проповѣдей извѣстно не много, вслѣдствіе чего сдѣлать обстоятельную, полную характеристику ихъ талантамъ нѣтъ возможности (¹).

7) **Разныя нравственно-назидательныя и толковательныя сочиненія.** Необходимо сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ произведеніяхъ литературы петровской эпохи, которыя по своему содержанію не представляютъ ничего характернаго для нея, но обращались въ грамотной средѣ современниковъ, какъ книги назидательныя и полезныя. Аѳанасій Милославскій (кіевопечерскій архимандритъ) написалъ „Іероглифическую иѳику“, или нравоучительную философію, въ которой, по словамъ м. Евгенія, нравственные уроки представлены въ символахъ. Іоаннъ Максимовичъ (м. Тобольскій) написалъ (еще въ бытность свою архіепископомъ Черниговскимъ) „Царскій путь креста Господня, вводящій въ животъ вѣчный“—книга благочестивыхъ размышленій, раздѣленная на три части, переполненная стихотвореніями обличающими въ авторѣ не столько талантъ, сколько страсть къ виршеписанію, снабженная панегирическимъ посвященіемъ императору Петру

(¹) Авторъ статьи «О трехъ проповѣдникахъ Петрова времени» (Журн. Мин. Н. Пр 1835 г. ч. VII) говоритъ, что словъ Гавріила Бужинскаго извѣстно въ печати только шесть. О Симонѣ Кахановскомъ г. Терновскій сообщаетъ что извѣстно только его слово на день Благовѣщ., произнесенное въ Ревелѣ; тоже находимъ и у преосв. Филарета («Обзоръ дух. литературы» изд. 2, II, 2). Θеофилъ Кроликъ и Θ. Лопатинскій относятся г. Терновскимъ къ двумъ различнымъ направленіямъ проповѣдничества на основаніи ихъ біографій.

и обращеніями къ читателямъ. Начавъ съ того, что Адамъ, по изгнаніи изъ рая, „согради себе градъ, его же нарече Θарсисъ, еже сказуется радости взысканіе", Максимовичъ говоритъ, что въ этомъ городѣ „бысть житель, Филитей именемъ, породою честенъ и имѣній преисполненъ", у котораго росли три дочери: Ставроѳѣля (родилась въ праздникъ Креста Господня), Гилярія и Онорія. Первая (героиня благочестиваго аллегорическаго разсказа), „красоты удивленіемъ и разума высотою всѣчески прочіихъ превосхождаше"; она же оказалась и религіознѣйшею изъ своихъ сестеръ. Послѣ видѣнія, въ которомъ получила призваніе отъ Господа идти по стезямъ Его, она отправляется въ житейскій путь, памятуя постоянно о своемъ назначеніи — найти пристанище въ Іерусалимѣ небесномъ. Этого пристанища она, наконецъ, достигаетъ по милости снова явившагося ей Іисуса Христа. Подъ фабулой, рисующей предъ нами различные моменты жизни Ставроѳѣли, въ которыхъ сказывается несокрушимая надежда ея на крестъ Спасителя, авторъ и раскрываетъ читателямъ свои мысли о крестоношеніи, вводящемъ въ жизнь вѣчную: что крестъ есть единственный путь къ небу, что этотъ путь тяжелъ, но онъ безропотно пройденъ Богочеловѣкомъ, пострадавшимъ за насъ и давшимъ намъ примѣръ терпѣнья, что крестоношенію учитъ св. писаніе, что оно необходимо для христіанина, ищущаго оправданія предъ Правосудіемъ и т. д. Вообще сочиненіе преосвящ. Іоанна проникнуто духомъ благочестія, которымъ онъ отличался въ жизни, который руководилъ имъ во всѣхъ его дѣлахъ пастырскихъ и послужилъ причиною его безсмертія въ памяти его паствы: въ Сибири, говорятъ, до сихъ поръ очень популярны его изображенія; народъ чтитъ его, какъ святаго. Іоаннъ Максимовичъ былъ однимъ изъ усердныхъ писателей своего времени. Хотя его трудовъ нельзя назвать учеными въ томъ смыслѣ, какъ труды Ѳ. Прокоповича,

или Стефана Яворскаго, но основательное образованіе, обширная начитанность автора въ нихъ замѣтна на каждомъ шагу. Святая настроенность побуждала его больше говорить и писать языкомъ чувства, чѣмъ ума, но и умъ его былъ богатъ свѣденіями изъ св. писанія, отеческихъ твореній и изъ исторіи. Пользуясь знаніемъ классическихъ языковъ, онъ многое читалъ на нихъ и, по выбору, переводилъ на русскій языкъ. Изъ переводныхъ у него можно указать, напр., сочиненіе „Иліотропіонъ, сообразованіе человѣческой воли съ божественною изобразующій“ (съ латинскаго), раздѣленное на пять книгъ, подраздѣленныхъ на главы, которыя, по обычаю схоластиковъ, снова раздроблены на множество частей, обозначенныхъ словами: „раздѣленіе первое“, „раздѣленіе второе“ и т. д. Книга эта, очень объемистая, также написана въ духѣ благочестивыхъ размышленій; она занимается рѣшеніемъ вопросовъ: какъ познать волю Божію? Какъ сообразовать съ ней волю человѣческую? Чего человѣкъ достигаетъ, сообразуя свою волю съ Божественною? Чего онъ лишается, когда не хочетъ подчиняться волѣ Божіей? Въ чемъ состоитъ и чѣмъ награждается упованіе на Божественный промыслъ?—Очевидно, Максимовичъ въ выборѣ иностраннаго сочиненія для перевода руководился своимъ всегдашнимъ вкусомъ. Не имѣя въ виду обогатить литературу ученымъ вкладомъ и тѣмъ стяжать себѣ славу, онъ, подобно св. Димитрію Ростовскому, и самъ желалъ воспитываться и другихъ воспитывать на книгахъ нравственно-назидательныхъ, душеполезныхъ. Таковы всѣ его произведенія. Кромѣ упомянутыхъ, отъ него остались: „Θеатронъ, или позоръ нравоучительный, царемъ, владыкамъ всѣмъ спасительный“ (30 главъ); „Алфавитъ, собранный риѳмами отъ св. писанія сложенный“..., содержащіи житія святыхъ, расположенныя по алфавиту; „Богородине Дѣво, радуйся“—толкованіе этой молитвы; „Помилуй мя Боже“—объясненіе псалма; „Отче

нашъ"—толкованіе на прошенія этой молитвы съ благочестивыми размышленіями; „Осмь блаженствъ евангельскихъ" — объясненіе; „Богомысліе въ пользу православнымъ" (переводъ съ лат.); „Царица неба и земли" и „Размышленіе о Богѣ". За свои литературные и пастырскіе труды, за дѣятельное сочувствіе интересамъ школы, І. Максимовичъ, какъ и св. Димитрій Ростовскій, былъ любимъ Петромъ и получалъ отъ него ободренія на тяжеломъ поприщѣ.—Извѣстны больше по названіямъ и еще нѣсколько сочиненій, какъ можно предполагать, нравственно-назидательнаго характера. Таковы: „Зерцало Божеств. писанія" Антонія Стаховскаго (архіеп. Черниговскаго) „Зерцало горячайшаго къ Господу Богу духа" Ѳ. Лопатинскаго (съ лат.) и „Діалогисмъ или разговоръ духовный любителя съ любовію" Варлаама Голенковскаго (іеромонаха Кіевопечер. мон.). Для эпохи, — повторяемъ, — эти произведенія не характерны, но заслуга ихъ въ томъ, что они служили здоровой духовной пищей современнымъ любителямъ духовнаго просвѣщенія. Весьма полезны были въ этомъ отношеніи также толковыя книги на разныя мѣста св. писанія и переводы святоотеческихъ твореній, время отъ времени появлявшіеся въ свѣтъ преимущественно усердіемъ скромныхъ просвѣтителей народа, незамѣтно трудившихся въ своихъ кельяхъ. Варлаамъ Голенковскій издалъ Псалтирь съ предисловіемъ и краткимъ изъясненіемъ; Аоанасій Зарудкій (протопопъ Новгородъ—сѣверскій)—толкованіе на евангеліе Іоанна; Германъ Кононовичъ (Черниговскій архимандритъ) издалъ новый завѣтъ съ своими примѣчаніями; Прокоповичъ составилъ „Христовы проповѣди о блаженствахъ толкованіе"; Досиѳей (митр. Очавскій—въ Молдовалахіи) перевелъ посланія Игнатія Богоносца; Макарій Оснѣцкій (іеромонахъ Черниговскій)—слова св. Ефрема Сирина и бесѣды на посланія св. ап. Павла; Ѳ. Поликарповъ—„соч. Ефрема Сирина съ прилогами аввы Дорооея" и „Георгія Пахимера парафразъ Діонисія Ареопагита". Перечисляя

эти труды, нельзя не пожалѣть о томъ, что нѣкоторые изъ нихъ (напр. переводъ св. Ефрема Сирина, сдѣланный Мак. Осиѣцкимъ) остались въ рукописяхъ, а нѣкоторые печатались въ ничтожномъ количествѣ экземпляровъ и потому не пользовались популярностью тамъ, гдѣ болѣе всего были бы полезны. — Жалобы на то, что духовная литература не удовлетворяла нуждъ читателя-простолюдина, не приспособлялась къ его пониманію и вообще была скудна, слышались на Руси издавна. Орловскій священникъ, между прочимъ, писалъ: „Обѣдъ душевный и Вечеря душевная, любопытнаго и мудраго мужа отца Симеона Полоцкаго слогъ, и тая простѣйшимъ людемъ за высоту словесъ тяжка бысть слышати и грубымъ разумомъ невнимательна. а Божественнаго Златоуста бесѣды его и правоученіе на Евангеліе и Павловы посланія и на Дѣянія св. апостолъ зѣло неразумительно не точію слышащимъ, но, и чтущимъ, вельми бо прости страны сея жители, въ ней же ми обитати, не точію отъ мірянъ, но и отъ священникъ, иностраннымъ языкомъ та Златоустаго нарицаху". „Мнози отъ благочестивыхъ, говорилъ Варлаамъ Ясинскій, со воздыханіемъ желаху, дабы когда сподобитися книгъ свойственнымъ си славяно-россійскимъ языкомъ православно и достовѣрно изданныхъ дождати". За отсутствіемъ удобопонятныхъ поучительныхъ книгъ, у народа пользовались полнѣйшимъ авторитетомъ рукописные сборники, въ которыхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ свв. отецъ и церковно-историческихъ статей, большею частію искаженныхъ, преобладающими оказывались такія вещи, которыя цѣликомъ вошли въ расколъ. Петровская эпоха, конечно, не могла сразу переродить духовной литературы и не переродила ея, но она дала ей первый толчекъ къ сближенію съ интересами народа. Въ средѣ просвѣтителей поднятъ былъ вопросъ объ изданіи „книжицъ"; чрезъ нихъ предполагалось знакомить темный людъ съ вѣро — и право-ученіемъ христіанскимъ, по крайней мѣрѣ въ его главныхъ частяхъ. Са-

мо по себѣ на практикѣ это предпріятіе не привело къ ожидаемымъ результатамъ, но въ принципѣ оно было важнымъ шагомъ впередъ.

Несравненно важнѣе и плодотворнѣе было другое предпріятіе ревнителей духовнаго просвѣщенія при Петрѣ — исправленіе библіи. До сихъ поръ она перепечатывалась почти безъ перемѣнъ по старому Острожскому изданію, страдавшему недосмотрами и ошибками, да и въ этомъ видѣ считалась рѣдкостью. Епифаній Славенецкій и св. Димитрій Ростовскій горько сѣтовали, что Россія даже библіи исправной не имѣла, что ея экземпляры, напр., въ Малороссіи весьма мало гдѣ обрѣтались и купити едва достать кто могъ". Указъ объ исправленіи библіи вышелъ въ 1712 году. Во главѣ общества справщиковъ поставлены были Софроній Лихудъ и Θеофилактъ Лопатинскій. Они съ своими помощниками (Θеологомъ монахомъ Чудова монастыря, грекомъ Анастасіемъ и Θедоромъ Поликарповымъ) ревностно принялись за дѣло. „Соглашали словенскую библію съ греческими различными печатными LXX толковниковъ библіями, а о сомнѣніяхъ и разуму противностяхъ къ свидѣтельству употребляли изъ еврейскаго текста толковую полиглотту, также и вульгату, и все, что оказалось въ словенской библіи грамматическому осмочастію не согласно и правиломъ противно въ родѣхъ, числахъ, лицахъ, временахъ, въ склоненіяхъ и прочихъ, оное все (ихъ же безчисленно) правили наряду; а важныя погрѣшности, пропуски и излишества выписаны особо въ каталогъ при предисловіи ради лучшаго читающему увѣренія и свѣдѣнія" (¹). Въ январѣ 1723 г. ст. синодъ подалъ дополненіе объ окончаніи работы справщиковъ, а 23 февраля разрѣшено печать исправленную библію. Но 7 сентября предписано было Θ. Лопатинскому еще разъ пересмотрѣть, и и потомъ уже печатать.

(¹) «Обзоръ дух. лит. Филарета—«Θ. Лопатинскій».

Пятокнижіе и кн. Іова пересмотрѣны были снова; на томъ работа и стала. Дѣло отложено на неопредѣленное время. Смерть государя совсѣмъ его остановила. Только уже при Елизаветѣ Петровнѣ (въ 1751 г.) оно благополучно окончено, послѣ новаго внимательнаго пересмотра библіи.

По объясненію св. писанія ничего крупнаго въ петровскую эпоху сдѣлано не было. По частямъ оно, какъ мы видѣли, объяснялось, но, такъ какъ труды этого рода давно забыты, можно думать, что научной цѣнности они и въ свое время не имѣли. За ними оставалось значеніе книгъ душеполезныхъ, рядомъ съ которыми мы ихъ и помѣстили.—Въ области церковной исторіи и каноники, за исключеніемъ извѣстнаго „Регламента Духовнаго", написано было нѣсколько трактатовъ по вопросамъ, возникавшимъ въ текущей жизни, трактатовъ отрывочныхъ, изъ которыхъ ничего цѣлаго составить невозможно.—Вслѣдствіе претензіи Мавроурбина и другихъ католическихъ богослововъ доказать, что просвѣтители славянъ были посланы изъ Рима, Прокоповичъ написалъ „Разсмотрѣніе повѣсти о Кириллѣ и Меѳодіи". Тому же автору принадлежатъ: трактатъ „О началѣ и происхожденіи разногласія между греками и римлянами по вопросу объ исхожденіи св. Духа"; „Розыскъ историческій, коихъ ради винъ и въ яковомъ разумѣ были и нарицалися императоры римстіи, какъ язычестіи, такъ и христіанстіи понтифексами, или архіереями многобожнаго закона, а въ законѣ христіанствѣмъ христіанстіи государи могутъ ли нарещись епископы и архіереи и въ каковомъ разумѣ"; „Съ коего времени началось патріаршеское достоинство въ церкви и какимъ образомъ 400 лѣтъ церкви управляемы были безъ патріаршества и донынѣ нѣкоторыя не подлежатъ вселенскимъ патріархамъ"; „Аргументы изъ соборовъ, декретовъ и дипломовъ императорскихъ, которыми доказывается, что императоры имѣли попеченіе о церкви" и „Изслѣдованіе о Флорентинскомъ соборѣ". Ѳедоръ Поликарповъ написалъ

„Исторію словено-греко-латинской московской академіи".—Трактаты каноническаго содержанія, получившіе и неполучившіе силу обязательнаго закона, кромѣ Регламента, извѣстны слѣдующіе: „Разсужденіе о присудствованіи въ синодѣ большему числу изъ архіереевъ"; „О бытіи въ св. синодѣ непремѣннымъ членамъ"; „Дѣти побочныя, подкидыши и неизвѣстныхъ родителей не могутъ допускаться въ священный чинъ"; „О присягѣ или клятвѣ, т. е. подобаетъ ли христіанамъ присягать или клятися всемогущимъ Богомъ"; „Мнѣніе о правильномъ разводѣ мужа съ женой"; „Разсужденіе св. синода о бракахъ правовѣрныхъ съ иновѣрными"; „Уставъ или изображеніе келейнаго житія монаховъ Александровскаго монастыря"; „Наставленіе священнику на докладъ его словесный о необычномъ грѣхопаденіи духовнаго его сына" (всѣ эти соч. принадлежатъ перу Ѳ. Прокоповича). Посошковъ въ „доношеніяхъ" къ м. Стефану Яворскому высказалъ нѣсколько мнѣній и замѣчаній объ устройствѣ быта духовенства.

8) **Общій взглядъ на духовную литературу петровской эпохи.** „Литература вообще—всегдашній спутникъ образованія, говоритъ Добролюбовъ; развитіе ея идетъ параллельно съ развитіемъ потребностей образованныхъ классовъ. Пока образованныхъ людей немного, литература необходимо служитъ выраженіемъ интересовъ немногихъ; когда всѣ будутъ образованы, литература—нѣтъ сомнѣнія—будетъ отзываться на потребности всѣхъ, расширивъ кругъ своего дѣйствія и избавившись отъ духа кружковъ и партій. Это расширеніе круга дѣйствій литературы совпадаетъ съ другимъ, не менѣе важнымъ обстоятельствомъ—приближеніемъ ея къ настоящей, дѣйствительной жизни, съ избавленіемъ отъ всего призрачнаго и съ признаніемъ интересовъ истинныхъ и существенно важныхъ" (1). Литература петровской эпо-

(1) Соч. Добролюбова, I, 580.

хи стояла въ уровень съ образованіемъ и захватывала интересы преимущественно людей образованныхъ, была достояніемъ привиллегированныхъ сословій. Освобождаясь постепенно отъ схоластической мишуры, она приближалась спѣшными шагами къ дѣйствительной жизни, стараясь забыть отвлеченныя хитросплетенія діалектической философіи. Противъ крайностей схоластики поставлена была Ѳ. Прокоповичемъ рѣшительная оппозиція. Логика сдѣлалась достояніемъ петровскихъ писателей, но софизмы были отброшены. На нѣкоторыхъ произведеніяхъ замѣтны дурныя стороны воспитанія ихъ авторовъ, южно-руссовъ по происхожденію, но это не измѣняетъ общаго характера дѣла: поворотъ на новую дорогу остается вполнѣ замѣтенъ, его сила годъ отъ году ощутительнѣе, настойчивѣе, вліятельнѣе. Богословіе Ѳ. Прокоповича служило образцомъ для другихъ догматическихъ системъ; значитъ, его достоинства признавались, а они заключаются въ серьезной аргументаціи, основанной ближайшимъ образомъ на св. писаніи и преданіи—обильнѣйшихъ источникахъ христіанскаго мышленія. Вопросовъ отвлеченныхъ петровская литература не трогаетъ. О пришествіи антихриста она не заговорила бы, если бы нужда не заставила. Но разъ избранная задача по возможности доводилась до конца и рѣшалась настолько основательно, что нѣкоторыя произведенія писателей петровской эпохи до сихъ поръ не утратили своего значенія. Они не расчитывали на довѣрчивость и простодушіе читателя, а путемъ силлогизма и критики приводили его умъ къ сознанію правоты или неправоты извѣстнаго ученія. Научность, правда, не была совершенною новостію для русской духовной литературы, но она стала теперь господствующею, ея требованія имѣлись въ виду прежде всего. Вспомнимъ, какъ были приняты въ Москвѣ кіевскіе выходцы въ концѣ 17 вѣка, какъ отнеслись къ ихъ пытливости великорусскіе іерархи. Петръ снова далъ ходъ наукѣ въ своемъ государствѣ; при немъ русская религіозная

мысль двинулась впередъ безпрепятственно, вникая въ сущность ученія, молитвъ и обрядовъ. Соотвѣтственно развитію мысли, должны были измѣняться и письменныя формы, въ которыя она облекалась Вмѣсто прежней безсистемности, является логическая группировка частей съ симметріею доказательствъ, съ цѣлесообразнымъ раскрытіемъ темы. Ѳ. Прокоповичъ, типичнѣйшій писатель своей эпохи, умѣлъ помирить и объединить въ одномъ прекрасномъ цѣломъ требованія аккуратной схоластики и плохо подходящую подъ искуственныя литературныя рамки перемѣнчивую жизнь—безъ значительнаго ущерба для той и другой.—Присутствіе политическаго или гражданскаго элемента въ современной Петру духовной литературѣ также свидѣтельствуетъ о ея близости къ жизни. Царская власть при Петрѣ была двигателемъ всего государственнаго механизма, дѣятельность котораго тѣсно связывалась съ существованіемъ церкви, тѣмъ болѣе, что реформа Петра простиралась и непосредственно на церковь. Этотъ элементъ нашелъ себѣ мѣсто въ предисловіяхъ даже къ простымъ компиляціямъ. Но преимущественно онъ замѣтенъ въ проповѣдяхъ разсматриваемаго періода и тѣхъ сочиненіяхъ, которыя писаны были въ защиту власти и чести царской.—Съ одной стороны вліяніемъ схоластики, но главнымъ образомъ близостью къ жизни объясняется и юмористическое, переходящее часто въ ѣдкую сатиру, направленіе многихъ произведеній духовной литературы даннаго времени, также составляющее характерный признакъ и, вмѣстѣ, ея недостатокъ. На западѣ, говоритъ Сухомлиновъ, развитіе проповѣди совершалось пропорціонально паденію вѣры. Но мѣрѣ того какъ ослабѣвала вѣра, проповѣдь теряла свою искренность, брала фальшивую ноту, чтобы такъ или иначе возбудить слушателей, равнодушныхъ къ однообразнымъ, стародавнимъ мотивамъ. Увѣщанія не шли отъ чистаго сердца и потому не находили сочувствія. Чтобы поддержать вниманіе слушателей, проповѣдники старались разнообразить свои

поученія всевозможными способами и часто прибѣгали къ шуткѣ, какъ къ средству самому дѣйствительному. Забавными анекдотами хотѣли искупить недостатокъ искренности и таланта. Здѣсь и тратилась изобрѣтательность проповѣдника. Смѣсь серьезнаго съ смѣшнымъ до того стала обыкновенною и такъ нравилась въ свое время, что сама теорія поставляла требованіемъ—соединять въ проповѣди пріятное съ полезнымъ. Наши южно-русскіе проповѣдники не уклонились отъ выполненія такихъ требованій западной гомилетики, узаконенныхъ у насъ І. Голятовскимъ. Мы видѣли, какъ подчинялись имъ и петровскіе проповѣдники. Но ихъ насмѣшливость не имѣла бы широкаго примѣненія, если бы не находила себѣ пищи въ самой жизни. Реформа дала обильное содержаніе сатирѣ, когда поставила въ рѣзкое противорѣчіе старое съ новымъ. Сочувствовавшіе ей писатели всегда могли имѣть предметъ насмѣшки какъ въ гонимой старинѣ, такъ и въ ея поклонникахъ. Если бы духовные писатели исключительно смотрѣли на вредные обычаи прошлаго съ религіозной точки зрѣнія, въ ихъ тонѣ звучала бы не сатира, а грусть, слышалось бы пастырское сѣтованіе на церковные безпорядки, какъ это и было у древнихъ русскихъ просвѣтителей, искоренявшихъ въ народныхъ нравахъ слѣды язычества. Духовные писатели петровской эпохи, присоединивъ къ интересамъ церкви интересы государства, къ духовному—гражданское, свѣтское, избрали и орудіемъ борьбы, вмѣсто горькой укоризны, злую сатиру, болѣе пригодную въ свѣтскихъ произведеніяхъ и совсѣмъ неумѣстную на каѳедрѣ. Силу и смѣлость сатирикамъ сообщалъ Петръ, который самъ, не соблюдая даже правилъ солидности и приличія, смѣялся надъ тѣмъ, что ему не нравилось. Входя въ мелочи жизни, принимая близкое участіе во всѣхъ текущихъ событіяхъ, литература сама вліяла на жизнь и взаимно подчинялась ея вліянію: отсюда и по содержанію и по изложенію становилась житейскою и даже вульгарною, такъ что короткое сближеніе

литературы съ насущными, будничными интересами общества, составляя достоинство ея новаго направленія, послужило, въ тоже время, причиною ея указанныхъ недостатковъ.

Реформа Петра вызвала къ дѣятельности всѣ мыслящіе умы; она разбудила отъ вѣковаго сна и равнодушную къ прогрессу массу народа, чувствительно коснувшись многихъ сторонъ ея застоявшейся жизни. На ноги поставлено было все государство. Но активное участіе въ проведеніи и осуществленіи новыхъ началъ жизни принадлежало сравнительно очень маленькому кружку птенцовъ гнѣзда Петрова. Привиллегированные классы такъ или иначе, но все же вслухъ, разсуждали о преобразованіяхъ, отыскивая въ нихъ хорошія и дурныя стороны. Духовенство заговорило объ опасностяхъ, угрожавшихъ русской церкви и о своемъ бѣдственномъ положеніи; дворянство частію сожалѣло о томъ, что для него настала пора трудиться въ уплату за преимущества, какими оно издавна пользовалось даромъ, частію увлеклось новшествами и дошло до крайностей въ перениманіи новыхъ обычаевъ, въ ущербъ спокойствію церкви; иностранцы къ наемнымъ заботамъ о просвѣщеніи невѣжественной Россіи присоединили свои національные и личные расчеты. А народъ обреченъ былъ на нескончаемыя жертвы въ исполненіи малопонятныхъ но тяжелыхъ для него предписаній. Солидарности въ дѣйствіяхъ членовъ государственнаго организма не было, не существовало здоровой, нормальной связи между ними. Организмъ этотъ жилъ и дѣйствовалъ но чрезвычайно напрягался и изнурялся. Жизненная сила извлекалась изъ народа. Но хлопоталъ ли кто о неоскудности этой силы, имѣлъ ли народъ апологетовъ въ пользу своихъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ? Матеріальное богатство Россіи отбиралось, такъ сказать, въ казну, при чемъ предполагалось вознаградить настоящій убытокъ большими процентами въ безсрочномъ будущемъ. Всю сумму духовныхъ интересовъ народа составляла вѣра,

распавшаяся на православіе и расколъ. Утѣшала ли эта вѣра народъ, когда онъ несъ тяжелыя государственныя повинности? Расколъ утѣшалъ, насколько онъ захватывалъ толпу въ свои сѣти и рекомендовалъ ей бѣжать отъ службы правительству; часть народа оставшаяся въ православіи, за то, должна была держать двойное тягло—за себя и за бѣглецовъ. Расколъ распространялся, находя покровительство у чиновничества и духовенства. „Прешедшимъ вашаго царскаго величества указомъ (писалъ Питиримъ) повелѣно всѣмъ исповѣдоватися, а неисповѣдавшихся штрафовать, а раскольщиковъ окладывать, зѣло обращенію спомогательно было; убо тому содѣяся препятіе, попы едва не всѣ укрыли раскольщиковъ, ово писали исповѣдающимися, ово никакъ не писали, а на которыхъ въ губерніи лантратамъ и поданы росписи, но по указу ни штрафовъ, ни раскольщикамъ окладу не положено, и отъ сего только благочестивые и обратившіеся—въ поношеніи и ругательствѣ". Раскольническая пропаганда принимала систематически правильныя формы, а сильнаго противодѣйствія въ большинствѣ случаевъ не встрѣчала; масса рабочихъ рукъ убывала при увеличивавшемся спросѣ на нихъ. „Раскольщики и безпоповцы (доносилъ тотъ же Питиримъ) послали своего учителя учить въ Сибирь, и прочія также тщатся посылать учителей по градамъ ради ученія" (1). Современная духовная литература обсуждала этотъ фактъ, насколько онъ вредилъ благостоянію церкви и государства, возмущалъ спокойствіе правительства духовнаго и гражданскаго, осложняя хлопоты того и другаго касательно внутренняго умиротворенія Россіи. Сочувствія къ страданіямъ народа, по невѣжеству отпавшаго отъ церкви и, подъ вліяніемъ суевѣрнаго страха предъ непривычными дѣйствіями государя, смотрѣвшаго на высшее правительство, какъ на антихристово,—въ пет-

(1) Чт. въ общ. ист. и древ. рос. 1860 г. IV, 282—3. Смѣсь

ровской литературѣ мы не находимъ. Она карала отступниковъ, не входя въ ихъ положеніе. Гуманнѣйшія мѣры по отношенію къ расколу, допускавшіе его гражданское существованіе и нѣкоторую, условную, свободу въ исповѣданіи старой вѣры, были допущены не по сочувствію къ бѣдствіямъ меньшей братіи, а по расчетамъ практически политическимъ, въ надеждѣ успокоить націю и извлечь по возможности больше выгодъ ихъ физическихъ силъ простолюдина. Дозволеніе содержать расколъ подъ условіемъ двойнаго оклада имѣло тотъ же смыслъ, какой имѣлъ указъ о свободѣ вѣроисповѣданія иностранцевъ подъ условіемъ ихъ службы государству.—Петровское правительство, занятое своими планами, не могло жертвовать многимъ въ пользу церковныхъ интересовъ и оставило ихъ на попеченіе духовенства. А много ли было въ средѣ послѣдняго людей, способныхъ разумно соблюдать эти интересы? Мы видѣли, что дѣятелями въ устройствѣ школъ и въ духовной литературѣ были одни и тѣже лица. Задачи имъ поставлены были не легкія, и средствъ къ достиженію болѣе или менѣе добрыхъ результатовъ представлялось не много. Только личное усердіе и изворотливость любителей духов. просвѣщенія преодолѣвали встрѣчавшіяся препятствія и приближали къ цѣли, хотя и невсегда съ желанной скоростью. Нельзя не подивиться выносливости въ трудѣ такихъ самоотверженныхъ любителей духов. образованія, каковыми являются предъ нами Іовь новгородскій, Стефанъ Яворскій, Іоаннъ Максимовичъ, Питиримъ Нижегородскій, Ѳеофилактъ Лопатинскій, Посошковъ, Поликарповъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Всѣ они съ честью держали знамя духовной науки; благодаря имъ, она получила прочную осѣдлость на сѣверѣ Россіи, гдѣ теперь билъ пульсъ государственной жизни. Они мужественно защищали цѣлость и честь русской церкви предъ ея многочисленными врагами — внутренними и внѣшними, создавая, въ то же время для нея лучшія бытовыя условія въ будущемъ. Внима-

ніе защитниковъ церкви, конечно, направлялось преимущественно туда, гдѣ въ данную минуту урожала наибольшая опасность. Католицизмъ, потерпѣвшій пораженіе на югѣ Россіи, на сѣверѣ ея хотя и предпринялъ рѣшительную попытку къ соединенію съ православіемъ, но не могъ расчитывать на успѣхъ; его вѣролоиство хорошо помнилось всѣми представителями русской церкви. Тѣмъ смѣлѣе заговорилъ теперь, вмѣсто него, протестантизмъ, пользуясь паденіемъ противника и дружбою русскаго царя „съ нѣмцами". Покончивъ съ однимъ врагомъ, паша литература начала борьбу съ другимъ едвали не сильнѣйшимъ по средствамъ и уловіямъ, при которыхъ началась эта борьба. Еще грознѣе опасность видѣлась со стороны раскола. Церковь русская представляла собою государство, раздѣльшееся на ся. Въ расколѣ чувствовалась сила народная. Понятно, что на него и обращено было особенное вниманіе духовной и свѣтской администраціи, естественно, что за рѣшеніе раскольническаго вопроса брались мало подготовленные къ тому люди. Соблюсти надлежащее хладнокровіе и безпристрастіе для полемистовъ не было возможности при такихъ обстоятельствахъ. Гнѣвъ ихъ обрушился на ближайшихъ виновниковъ церковныхъ нестроеній; торопливость и горячность помѣшали имъ взглянуть на дѣло глубже и отнестись снисходительнѣе къ меньшей братіи, незнавшей—куда дѣваться и кому вѣрить: правительству ли, законность котораго была сильно заподозрѣна, или апостоламъ древляго благочестія, съ энтузіазмомъ доказывавшимъ, что повиноваться императору — прямая погибель. „Народъ — сила охранительная, и потому во всякой реформѣ, касающейся всего государства, только то дѣйствительно, что проникаетъ въ народъ. Своею инстинктивною преданностію старинѣ, обычаю, привычкѣ онъ противится всякому движенію впередъ, всякому успѣху и медленно съ упорствомъ поддается натиску врывающихся къ нему сверху нововведеній. Этимъ онъ, съ одной сто-

роны, предохраняетъ само общество отъ произвольныхъ уклоненій отъ нормы народной жизни, ибо никогда не приметъ ничего не свойственнаго и, стало быть, вреднаго ей, съ другой—дѣлаетъ прочными всѣ результаты историческаго развитія, которыхъ не можетъ не принять" (¹). При всей своей неразвитости, русскій народъ, всматриваясь въ слишкомъ рѣшительныя дѣйствія петровскаго правительства на новомъ пути, на ряду съ дурными привычками ревностно отстаивалъ и добрые обычаи старины, понимая, что не все же дурно изъ того на чемъ стояла древняя Русь. Какъ знать, до чего могло бы дойти у самого Петра увлеченіе западомъ, подражаніе иностранцамъ, если бы онъ не имѣлъ въ виду консерватизма націи. Къ сожалѣнію, протестъ народа выражался большею частію во враждебномъ тонѣ, не находя себѣ открытаго сочувствія въ высшихъ сферахъ. Сравнительно образованныхъ представителей изъ среды самаго народа, въ родѣ Посошкова, насчитывались немного. Да и Посошковъ не щадилъ въ своихъ обличеніяхъ простолюдина за его неповиновеніе власти; онъ видѣлъ въ расколѣ антиправительственный и антицерковный бунтъ и больше ничего. Не диво, если въ жалобахъ массы, подавленной и оскорбленной равнодушіемъ къ ея симпатіямъ, встрѣчаются такія рѣзкія сужденія. „Когда его (Петра) Богъ на царство послалъ (сѣтовалъ крестьянинъ), такъ и свѣтлыхъ дней не стало; тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы; отдыху нашей братіи крестьянству нѣтъ". „Міроѣды (говорилось о государѣ) весь міръ переѣли, на его кутилку переводу нѣтъ, только переводитъ добрыя головы". „Онъ нѣмецъ, отъ нѣмки родился.... Льстецъ, и антихристъ, отъ нечистыя дѣвы рожденъ" (²). Иначе разсуждать народъ не могъ: у него не было данныхъ для этого. Не помыш-

(¹) Соч. Бѣлинскаго XI, 453.

(²) Тр. Кіев. Дух. Ак. 1878 г., Апрѣль, 136.

ляя о значеніи новыхъ мѣропріятій для будущаго Россіи, онъ смотрѣлъ пессимистическимъ взглядомъ на ея настоящее и не находилъ въ немъ ни чего отраднаго для себя. Православныхъ императоръ давитъ, пошлинами облагаетъ, а нѣмцевъ жалуетъ; заводитъ какой-то флотъ, а съ церквей колокола снимаетъ; на раскольниковъ кладетъ двойную подать, а патріаршество уничтожаетъ; иностранцевъ, еретиковъ обласкалъ и обезпечилъ, имъ далъ полный ходъ въ словѣ и въ дѣлѣ, а русскому духовенству запрещалъ писать.... Выводъ изъ подобныхъ соображеній получался и печальный и опасный. Низшее духовенство мыслило такъ же; даже и въ высшемъ обществѣ нашлись лица, сочувствовавшія Талицкому. Въ результатѣ явилась необходимость для правительства учредить фискальство и безпримѣрную по своей строгости цензуру.

Какъ на грамотное сословіе, на духовенство обратили особенное вниманіе. Изданы указы, рѣшительно запрещавшіе писать людямъ, не подлежавшимъ постоянному надзору какого либо начальства. Такъ какъ бумага и чернила водились больше всего въ монастыряхъ, то тамъ ихъ и не позволялось держать по кельямъ безъ разрѣшенія настоятеля, лица отвѣтственнаго за благомысліе подчиненныхъ. Узаконенія такого рода сохранились отъ начала и отъ конца царствованія Петра (1). Единственнымъ средствомъ для выраженія недоумѣній и непріязни къ дѣйствіямъ правительства осталась тайная пропаганда, устная и письменная. Въ устраненіе этого скрытаго зла, опаснаго болѣе, чѣмъ открытое, работали фискалы. Они должны были проникать всюду и безпощадно наказывать не-

(1) Отъ 1701 и отъ 1721 гг. Тр. Кіев. дух. Ак. 1878 г. Апр. 136.—Въ «Регламентѣ» читаемъ; «монахомъ никакихъ по кельямъ писемъ безъ собственнаго вѣденія настоятеля, подъ жестокимъ на тѣлѣ наказаніемъ, не писать... чернилъ и бумаги не держать, и того надъ монахи прилежно надзирать». «О монахахъ», пр. 36.

довольныхъ, отправляя опаснѣйшихъ изъ нихъ въ застѣнокъ Преображенскаго приказа. И никто противъ этого не молвилъ громкаго слова,—всѣ были запуганы до крайности. На протестъ отваживались самые отчаянные, больше раскольники, сплотившіеся дружной массой и мало боявшіеся измѣны въ своей средѣ. Возражать нельзя было не только противъ дѣйствій правительства, но и противъ поведенія тѣхъ, кого оно облюбовало, къ кому благоволило. „Камень вѣры“, „Рожнецъ“, „Апокризисъ“, сочиненія Посошкова, гдѣ заключались жалобы на нѣмцевъ протестантовъ, при Петрѣ не печатались: они могли дурно повліять на духовенство и на народъ и еще больше возстановить ихъ противъ царской власти, покрывавшей иностранцевъ. Даже проповѣди, которыя успѣлъ произнести м. Стефанъ въ обличеніе протестантскихъ идей, усвоенныхъ русскимъ обществомъ, навлекли на него немилость и подверглись запрещенію. Говорить позволялось только за реформу и противъ враговъ ея. За уклоненіями отъ этихъ двухъ гармонировавшихъ темъ Петръ слѣдилъ очень зорко и допускалъ въ печать только возможныя варіаціи на нихъ, или вещи безразличныя въ политическомъ отношеніи.

Останавливая вниманіе на количествѣ произведеній духовной литературы петровской эпохи, нельзя не удивится ихъ малочисленности. Сравнительно съ литературною производительностью прежняго времени эта эпоха представляетъ отрадное явленіе, но отъ ея жизненности и отъ ея дѣятелей можно было ожидать бо́льшаго.—Объясненіе такого факта нужно искать прежде всего, конечно, въ цензурѣ Петра. Недавно приведенныя постановленія цензурнаго закона не только уничтожали готовыя сочиненія, но и отбивали охоту у грамотныхъ людей высказываться по поводу современныхъ событій, какъ ни поразительны были они, какъ ни сильно задѣвали житейскій кодексъ до петровскаго россіянина, какъ ни просились на бумагу. Ручаться за удовлетворительность своихъ сужденій о разныхъ

моментахъ реформы не могли самые образованные люди, даже стоявшіе близко къ государственному перевороту и до нѣкоторой степени посвященные въ его тайны. Опасенія и оговорки, робость въ изложеніи взглядовъ сказывается постоянно, за исключеніемъ сочиненій Ѳ. Прокоповича, счастливаго своимъ оптимистическимъ пониманіемъ дѣла и необыкновенною близостью къ государю. Даже неумѣнье угадать во вновь появившемся общественномъ дѣятелѣ сторонника или врага реформы не обходилось безъ раскаянія своего рода и безъ непріятностей. Когда Ѳеофанъ поселился въ Петербургѣ и объявилъ свои смѣлыя научныя убѣжденія, на него архіереи взглянули подозрительно М. Стефанъ, старѣйшій изъ іерарховъ, долженъ былъ высказаться о новичкѣ прежде другихъ и когда высказался не въ пользу его, принужденъ былъ потомъ просить у Ѳеофана извиненія и унижаться. За содержаніемъ проповѣдей Стефана слѣдили неумолимо, послѣ того какъ онъ проговорился относительно вреднаго вліянія иностранныхъ идей на русское общество; мужественный защитникъ церковныхъ интересовъ и тутъ доведенъ былъ до нравственно-тяжелыхъ объясненій съ царемъ и сенаторами. Въ концѣ сочиненія „Знаменія пришествія антихристова“ авторъ дѣлаетъ приписку: „Сія вся богомудрому церкви святыя разсужденію вручаю; готовъ исправити, аще въ чемъ погрѣшихъ“. Вопросъ объ антихристѣ, помимо своей богословской трудности, былъ щекотливымъ вопросомъ въ петровскую эпоху, при обсужденіи его требовалась большая осторожность. „Обличеніе неправды раскольническія“ отпечатано послѣ исправленія, уже въ царствованіе Елизаветы Петровны, а раньше задерживалось. Ѳ. Лопатинскій попалъ въ немилость. Питиримъ скрѣпилъ свою книгу въ началѣ и въ концѣ именемъ богопомазаннаго царя Петра Алексѣевича. Объ уничтоженіи излишнихъ рѣзкостей въ „Камнѣ вѣры“ противъ лютеранъ вынужденъ былъ хлопотать самъ авторъ его. Посошковъ въ „Зерцалѣ“ откровенно выражавшій свои

мнѣнія, и сильно возстававшій противъ нѣмцевъ протестантовъ (въ Зерцалѣ и Завѣщаніи отеческомъ) хотя и сильно желалъ, чтобы его сочиненія отпечатались, не удостоился этого и за что-то умеръ тюрьмѣ. „Рожнецъ духовный", при всѣхъ своихъ научныхъ достоинствахъ, также не попалъ въ печать. Между тѣмъ каждая строчка Ѳ. Прокоповича публиковалась торопливо не только на русскомъ, но нерѣдко и на латинскомъ языкѣ. Очевидно, цензурный законъ достигъ своей цѣли заставивъ до крайности осмотрительно обращаться съ бумагой и чернилами, которые стали запрещеннымъ плодомъ. Говорить и писать въ пользу реформы, когда она не нравилась было недобросовѣстно и тяжело. Людей, игнорировавшихъ дурныя стороны и послѣдствія реформы, способныхъ видѣть только ея будущіе всеискупающіе плоды, насчитывалось немного въ средѣ духовенства; а такихъ, которые, понимая значеніе реформы во всей полнотѣ и, въ тоже время, не опуская изъ вида ея вредныхъ сторонъ, уравновѣшивали бы свои сужденія и не вдавались въ крайности похвалы и порицанія, совсѣмъ не было. Петръ служилъ прямымъ руководителемъ литературной дѣятельности. Увлеченіе хорошими сторонами его преобразованій поощрялось, порицаніе дурныхъ—наказывалось; а безъ увлеченія, безъ страсти, безъ лишняго слова, при Петрѣ ничего не говорилось не писалось. Характерны самыя заглавія нѣкоторыхъ, разсмотрѣнныхъ нами, сочиненій. „Пращица„, „Рожнецъ", „Камень„—все названія, выражающія съ перваго слова непріязнь къ литературному противнику, желаніе покончить съ нимъ однимъ ударомъ и, во всякомъ случаѣ, обойтись не совсѣмъ миролюбиво.

Оглавленіе.

Стр.

I Духовное образованіе при Петрѣ Великомъ.

1) Умственное и нравственное состояніе духовенства при Петрѣ В. по Посошкову . . . . . 3.

2) Идеалы и проэкты духовной школы а) Посошкова, б) Южнорусскихъ просвѣтителей и в) Ѳеофана Прокоповича (по «Духовному Регламенту») . . . . . 9.

3) Осуществленіе означенныхъ идеаловъ и проэктовъ на практикѣ. Препятствія, встрѣченныя ревнителями духовнаго образованія при устройствѣ школъ . . . . . 26.

II Духовная литература при Петрѣ В.

1) Учебники и пособія, написанные для школъ по разнымъ предметамъ преподаванія въ нихъ . . . . . 43.

2) Сочиненія по догматическому богословію . . . 62.

3) Полемически апологетическія сочиненія духовныхъ писателей Петровской эпохи . . . . . 83.

4) Сочиненія противъ протестантизма. . . . . 93.

5) Противораскольническая литература при Петрѣ В. . . 120.

6) Проповѣдническая литература . . . . . 146.

7) Разныя нравственно назидательныя и толковательныя сочиненія . . . . . 193.

8) Общій взглядъ на духов. литературу Петровской эпохи . 200.

2007043161

2007043161